

Славянский вопрос:

**Вехи
истории**

Москва, 1997

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Славянский вопрос: Вехи истории

*Светлой памяти В.А. Дьякова
посвящается*

Москва, 1997

Славянская идея исследуется в сборнике на историческом материале большинства славянских народов и рассматривается со времен позднего средневековья до середины XX в.

Большая часть статей основана на обширном архивном материале, отличается новыми концептуальными подходами.

Редакторы:

Е. П. Аксенова, А. Н. Горяинов,

М. Ю. Досталь (отв. редактор)

Рецензенты:

кандидат исторических наук Г. В. Рокина,

кандидат исторических наук А. С. Стыкалин

ISBN 5-7576-0054-3

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1997

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей подготовлен по материалам одноименной конференции, проведенной в рамках Дней славянской письменности и культуры 30 мая 1995 г. Сборник посвящен светлой памяти профессора В. А. Дьякова, крупнейшего отечественного исследователя славянской идеологии в России и Польше XIX–XX вв., инициатора ряда ранее организованных конференций по данной тематике.

Идеи славянской взаимности, славянской общности, их влияние на формирование наций и национальных государств, проявление в культуре и общественно-политической жизни народов Центральной и Юго-Восточной Европы были и являются (вне зависимости от политической конъюнктуры) предметом пристального внимания ученых и политиков. В этом неизменная актуальность проблематики славянской идеологии в прошлом и настоящем.

В данном сборнике славянская идея рассматривается в широком временном диапазоне – со времен позднего средневековья до середины XX в. – на материале почти всех славянских народов. Большинство статей, основанных на обширной базе архивных документов, отличается новизной концептуального подхода.

Авторы сборника рассматривают славянскую идеологию как в России, так и в зарубежных славянских странах. Типологические особенности славянской идеи у чехов и хорватов эпохи средневековья анализируются О. А. Акимовой и Г. П. Мельниковым, ее проявления в культуре славянских народов конца XVIII – первой половины XIX в. – И. И. Лещиловской. Идеи югославизма в Габсбургской монархии в тот же период стали предметом исследования И. В. Чуркиной. О значении идей панславизма и пангерманизма при выработке концепций славянской федерации у польских и русских демократов говорится в статье С. М. Фалькович. В новом ракурсе рассмотрели попытки решения словацкого вопроса в конце XIX – начале XX в. З. С. Ненашева, изучавшая документы российских дипломатических служб, и Е. Ф. Фирсов, обратившийся к истории Словацко-русского общества памяти Л. Штура.

Много нового о восприятии и отражении славянской идеи в творчестве видных русских ученых, общественно-политических и культурных деятелей можно почерпнуть из статей Джонг Хи-Сока (о Ф. И. Тютчеве), Н. И. Хитровой (о П. А. Ровинском), И. Г. Воробьев-

вой (о Н. А. Попове), Л. П. Лаптевой (о В. И. Ламанском), В. М. Хевролиной (о поздних славянофилах). Завершают сборник статьи В. В. Марьиной и М. Ю. Досталь, на новом архивном материале рассматривающие интерпретацию славянской идеи в советской политике, пропаганде и научно-организационных мероприятиях в период второй мировой войны и первые послевоенные годы и ее крушение в 1948 г.

Сборник ориентирован как на специалистов, так и на более широкие слои читателей.

M. Ю. Досталь

О. А. Акимова,
Г. П. Мельников

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЧЕХОВ И ХОРВАТОВ
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

В средневековом сознании чешского и хорватского народов яркое воплощение получила идея славянской общности. Более того, эти два народа подчеркивали свои особо тесные этногенетические и языковые связи. Анализ чешской и хорватской моделей идеи славянской общности позволяет не только выявить их специфику, но и установить те общие элементы, представления, на которых основывается сама идея, что дает возможность проследить общие линии ее развития с XII по XVII в. В этом смысле анализ славянской идеологемы, выработанной чешским и хорватским социумами, может служить своеобразным полигоном для выявления фундаментальных типологических особенностей славянской идеи как феномена общественной мысли.

В государственно-политическом отношении сильнейшим из славянских государств в XIV в. было Чешское королевство. В период правления чешского короля и императора Священной Римской империи Карла IV формируется новая политическая доктрина, характеризуемая такими понятиями, как универсализм и национально-государственный традиционализм¹. Составной частью этой доктрины становится славянская идея², теоретико-историческая интерпретация которой содержится в сочинениях придворных хронистов Карла IV³. Определенное влияние эта идея оказала и на внешнеполитические аспекты деятельности Карла IV, накладывая свой отпечаток на отношения с польским и сербским государствами⁴. Таким образом идея славянской общности из сферы общественной мысли проникла в сферу государственно-политических интересов.

Такой трансцензус был обусловлен двумя субъективными факторами, связанными с личными целями и амбициями Карла IV. Во-первых, он стремился доказать чешскому дворянству, что, будучи сыном "короля-иностраница" Иоганна Люксембурга, он по

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 95 – 06 – 17397.

матери является наследником и продолжателем исконной чешской династии Пршемысловцев. Этим объясняется повышенное внимание Карла IV и его окружения к истории страны и народа, к месту, занимаемому чехами и их монархом во всемирной истории. Династические интересы актуализировали проблему связей Чехии с остальным славянским миром. Поэтому значительное место в основных придворных хрониках XIV в. – чеха Прашибика Пулкавы из Раденина и итальянца Джованни Мариньолы – занимает рассказ о происхождении чехов и их родстве с другими славянскими племенами. Во-вторых, славянская идея включается составной частью в концепцию универсализма императорской власти. Карл IV мыслится как объединитель всего христианского мира, преемник царя Давида⁵. Этнический паритет, обусловленный универсалистской концепцией единства в многообразии, ставил славян в общеевропейском масштабе в равное положение с другими этносами. Более того, поскольку именно славянский мир оказался расколотым в конфессиональном отношении на *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*, возникла задача его конфессиональной интеграции. Тем самым "славянский вопрос" становился важным звеном в религиозно-политической деятельности императора.

Указанные тенденции обусловили появление в Чехии в XIV в. ряда идеологем, непосредственно связанных со славянством. Прежде всего это касается этногенеза чехов. "Этногенетический" раздел Хроники Пулкавы начинается с библейских реминисценций: после разрушения Вавилонской башни различные "языки", среди них и "речь славянская", по которой "люди этого языка названы славянами", стали заселять Европу. Хронист дает этимологию этого этникона: "от слова "слово" эти люди названы словянами". Здесь можно усмотреть евангельскую реминисценцию ("Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог". Иоан. 1,1), делающую славян, находящихся под особым божественным покровительством, "народом-богоносцем", если воспользоваться позднейшей терминологией. Вначале они заселили Балканы. "Один человек из Хорватии по имени Чех", убивший другого вельможу, был вынужден бежать вместе со своим родом. Он нашел новую родину на территории нынешней Чехии, названной так по его имени. Также "названа эта страна по-латыни Богемией от имени Божьего"⁶. Здесь хронист проводит мысль, что латиноязычный западный мир, зная славянское слово "Бог" и исходя из него, назвал страну потомков Чеха Богемией, т. е. "Божьей страной".

О том, что на самом деле название "Богемия" происходит от племени боев, живших там до славян, хронист не сообщает.

Пулкава подчеркивал родство славянских языков, взаимопонимаемость их носителей в славянской среде, чему способствовало его изложение Легенды о праотце Чехе. Скупая констатация происхождения чехов от общего предка с этим именем содержалась еще в "Чешской хронике" Козьмы Пражского (начало XII в.)⁷. Мифологема этнопатронима была далее развита в Хронике так называемого Далимила (начало XIV в.), где впервые указывалось на южнославянское происхождение праотца Чеха из "земли в сербском крае, которую Хорватами называют"⁸. Однако лишь Пулкава дал концептуальную трактовку идеи славянского родства, в котором чехам отведено центральное место между южными и остальными славянами. В тексте Пулкавы появился младший брат или товарищ Чеха по имени Лех, потомки которого заселили территорию Польши. От Леха же и членов его рода происходит славянское население Руси, Поморья и Кашубии. В целом же славяне заселяют огромное пространство, включающее в себя, помимо указанных стран, Болгарию, Русь, Сербию, Далмацию, Хорватию, Боснию, Хорватию, Истрию, Крайну⁹. Обращает на себя внимание двойное упоминание Руси в перечнях Пулкавы. Очевидно, в списке южнославянских стран имеется в виду собственно Русь (Русское государство), тогда как Русью, которая происходит от Леха, должна считаться другая Русь, т. е. западные земли восточных славян. Следует также подчеркнуть, что Чех является главой целого рода, т. е. он входит в число "хорватской" знати, следовательно, все его потомки и родственники знатного происхождения. Утверждению "славного" этногенеза чехов способствует длинная и чрезвычайно запутанная чешская этногенеалогия, приводимая в хронике Мариньолы. В целом чехи оказываются потомками Яфета и "славнейших народов древности", таких как греки, италики, галлы¹⁰. Эта концепция, очевидно, является скрытой полемикой с западной хронистикой, согласно которой этноним "славяне" происходит от "slaves", что означает "рабы".

Теория хорватского происхождения чехов затронула и чешскую средневековую лингвистику. В конце XIV в. Ян из Голешова в трактате о религиозной песне "Hospodine, pomiluj pu" доказывал, что современный ему чешский язык происходит от хорватского, а хорватский язык – это "древнечешский", тот язык, на котором говорили "старые чехи"¹¹. Это представление в чешской лингвистике оказалось очень устойчивым. Крупнейший чешский филолог

эпохи Ренессанса Зикмунд Грубый из Елени (латинизированная форма имени – Сигизмунд Гелений) в первой половине XVI в. составил и издал в Базеле четырехъязычный словарь, где среди двух классических и двух "наиболее распространенных варварских" языков был представлен "славянский" язык, являвший собой смесь чешского с хорватским¹². Тем самым "славянский" язык ставился в ряд с немецким по своему значению и распространенности, что свидетельствовало о значимости этого языка и, соответственно, его носителей в европейской культуре. Славянство представлялось как языковое целое. Такая точка зрения существовала и в Польше в XV в., где в среде элиты утверждалось, что "поляк и чех едины по языку"¹³. Однако польские хронисты, заимствуя легенду о Лехе, не разделяли мнение о его подчиненном положении относительно Чеха¹⁴.

В Чехии концепция "старшего родственника" по отношению к полякам прослеживается не только на "книжном", теоретическом уровне. Ее можно найти и в дипломатических документах. В формуляре послания Карла IV Казимиру III проводится мысль об общности исторических судеб Чехии и Польши, "идущих в будущее одним шагом и с одинаковой судьбой", причем подчеркивается, что Польша должна относиться к Чехии как "послушный сын к ласковому отцу". Также с позиций "старшего родственника" Карл IV требовал от суверенного польского государства, не связанного ни с Чехией, ни с Империей договорными обязательствами, свободного прохода чешских купцов на Русь, т. е. права беспошлинной транзитной торговли¹⁵.

В свете концепции старшинства чехов по "этногенетическому праву" следует рассматривать широко известную теорию "перенесения державы" из Великой Моравии в Чехию, в законченном виде сформулированную в Хронике Пулкавы. Там сказано, что император Генрих III в 1086 г. совершил символический акт восстановления "моравского королевства" и перенесения королевского достоинства на чешского короля Вратислава II. Пулкова пишет: "Император провозгласил Чехию королевством, сделав моравское королевство маркграфством, и это маркграфство с княжествами и землями, то есть с Польшей, Русью и многими другими герцогствами и землями, которые ранее, во времена последнего моравского короля Сватоплука, принадлежали моравскому королевству, он подчинил чешскому королевству и короне"¹⁶. Преемницей вымершей моравской династии становится не чешская

династия Пршемысловцев, а "корона" – совокупное сакральное понятие государства, в котором решающая роль отводилась территории и знати, управлявшей этими землями¹⁷. Из теории "перенесения державы" вытекали и geopolитические претензии Чехии на перечисленные земли, правда, чисто теоретические. Важно было то, что данная концепция закрепляла старшинство чехов во всем славянском регионе севернее Балкан.

Дополнительное подтверждение этого мы находим в реальной функции чешского языка как наиболее развитого в западнославянском регионе. Он не только был средством межславянского общения, но и стал литературным языком словаков вплоть до конца XVIII в. Так называемая "билингвистика", язык Кралицкой Библии – самого совершенного перевода Священного Писания на чешский язык, выполненного Общиной чешских братьев во второй половине XVI в., – стала культурным языком словацкого народа, не выработавшего в Средние века собственной литературной нормы¹⁸. В этой связи борьба за равноправие чешского языка с латинским и немецким языками, за утверждение его приоритета в чешской письменности XVI в. имела межславянское значение. Часть чешских гуманистов во главе с выдающимся юристом Викторином Корнелем из Вшегрд (1460–1520) заложила традицию создания научных трактатов на родном языке, опираясь на богословское наследие Яна Гуса. Этому гуманисту принадлежит страстная апология родного языка, в которой учитывалась его распространенность за пределами Чехии. Он писал: "Не существует никаких таких греческих и латинских книг (если только я не ошибаюсь, будучи охвачен любовью к своему языку), которые не могли бы быть переложены по-чешски". Цель переводов состоит в том, "чтобы не только греки и латиняне, но также чехи и словаки могли читать греческих учителей (Отцов Церкви. – О. А., Г. М.) для воспитания и укрепления веры христианской, чтобы достичь бессмертия, кое является вознаграждением за веру"¹⁹. Следовательно, национально-языковое славянское просветительство оказывается христиански ориентированным.

Как представляется, связь "славянскости" и религии имела в чешской идеологии давние традиции. Сознание связи литургии на славянском языке с деятельностью святых Кирилла и Мефодия и одновременно акцентирование легендарного этногенеза чехов и идеологемы государственно-религиозного универсализма в имперской концепции Карла IV обусловили возникновение в Праге

в 1347 г. уникального явления – монастыря На Слованех (Эммаусского). Это был бенедиктинский монастырь с литургией на церковнославянском языке, которую осуществляли приглашенные из Хорватии монахи-глаголиты, сохранившие глаголицу. Монастырь был посвящен святым патронам, среди которых первое место занимал св. Иероним, считавшийся первым переводчиком Библии на славянский язык и к тому же славянином, так как происходил из Далмации, а также святым Кириллу и Мефодию. Таким образом, в патронации Эммаусского монастыря ясно прослеживается сильное хорватское влияние, хорватская идеологема славянской письменности (см. ниже). Очевидно, хотя это и не подтверждается документальным материалом, Эммаусский монастырь рассматривался как религиозный центр, который в будущем сможет способствовать объединению православия и католицизма. Поэтому деятельность монастыря была ориентирована в восточном направлении, о чем свидетельствует основание его филиала в Клепажах (предместье Кракова), где останавливались купцы из православных славянских земель²⁰.

Еще более явно рассматриваемая идеологема проявляется в интерпретации взаимосвязи деятельности святых Кирилла и Мефодия и того, что можно назвать славянским самосознанием чехов. Под пером хрониста XVI в. Вацлава Гаека из Либочан деятельность солунских братьев, которых он объединяет в одно лицо (*Crhota*), приобретает почти общеславянские масштабы, точнее говоря, масштабы всей *Slavia Latina*, ибо о православном регионе не говорится. По Гаеку, деятельность солунских братьев охватывала хорватов, мораван (т. е. Великую Моравию, включая Польшу и "русскую землю"), чехов²¹. Таким образом, идея славянской взаимности в Чехии была связана с христианской религией. Этногенез и религия оказывались неотделимыми от представлений о славянском единстве.

В итоге мы можем констатировать сформировавшуюся в XIV–XVI вв. чешскую модель идеи славянской общности. Ее главными отличительными чертами следует считать "чехоцентризм" славянского мира, выразившийся в концепции "старшего родственника" по отношению к другим славянам (кроме южных) и признании межславянской функции чешского языка, а также тесную взаимосвязь с христианством, выразившуюся в представлении о чехах как народе богоизбранном, которому предстоит осуществить объединение западной и восточной ветвей христианства. Тезис об избран-

ности чехов нашел свое новое воплощение в идеологии гуситского движения²².

В XVI в. религиозно-политическая актуальность славянской идеи утрачивается в связи с конфессиональной дезинтеграцией чешского социума и ослаблением чешской государственности при Ягеллонах и Габсбургах. Славянская идея воспринимается уже только ретроспективно и фрагментарно.

В Далмации и Хорватии представления об обширности славянского мира и уходящей в античную древность его истории явились результатом соединения двух культурных традиций – далматинской романской и южнославянской, которые вначале находились во враждебном противоречии, а в эпоху позднего Средневековья оказались неразрывно связанными. В далматинских городах с их романской этнической и языковой основой приоритетными оказывались культурные романские или идущие от них традиции, противопоставлявшие в исторической ретроспективе далматинские центры (с их вписанностью в античную цивилизацию) разграбившим Далмацию пришельцам – варварам-славянам. Для средневековой исторической мысли далматинских городов было характерно максимальное расширение "своего" античного исторического пространства, прославление их роли в деяниях греков и римлян. Эта тенденция наиболее ярко отражена в хронике XIII в. сплитского архиакона Фомы²³. Соответственно на другом полюсе – у хорватов и сербов на основе их старых фольклорных преданий о переселении на Балканы формировалось в Средние века представление, согласно которому славяне выступали потомками готов, победивших Римскую империю. К этим культурным процессам отсылает южнославянский памятник второй половины XII в. – "Летопись попа Дуклянина"²⁴.

Постепенно в хорватской исторической традиции все более явственными становились притязания на далматинские древности как на свои собственные. Одним из важных персонажей романской далматинской традиции был св. Иероним из города Стридона, находившегося, по местной легенде, "на границе между Далмацией и Паннонией". По крайней мере с середины XIII в., как явствует из письма папы Иннокентия IV епископу города Сеня от 1248 г.²⁵, распространялось мнение о предоставлении хорватам глаголицы создателем Вульгаты.

Одновременно сохранялись представления о связи хорватской глаголической книжности с кирилломефодиевской традицией.

Глаголическая среда выступала подчас хранительницей церковно-славянских моравских текстов. Так, текст легенды о св. Вацлаве (Х в.) лучше всего восстанавливается по хорватским бревиариям XIV–XV вв. Намечалось даже "присвоение" хорватскими глаголитами славянских первоучителей. По одной из глаголических легенд Адриатики, зафиксированной в бревиарии попа Мавра 1640 г., Кирилл и Мефодий "перевели все книги хорватские"²⁶. Характерно, что это известие вписано в сюжетную и образную канву далматинской средневековой историографии. Указывается, в частности, на происхождение Кирилла и Мефодия из города Солина (Салоны) от рода императора Диоклетиана и св. папы Кая. Диоклетиан как уроженец Далмации был центральной фигурой романской исторической традиции, в которой сохранялось предание о нем как о строителе Салоны²⁷.

Одновременно в далматинских городах шел встречный процесс "славянизации" далматинской исторической традиции. Вместе с процессом славянизации населения городов и с обретением к XIV–XV вв. городским патрициатом, бывшим основным хранителем старых романских культурных основ, славянского этнического облика, в далматинских текстах существенно менялась не только нюансировка исторических тем и образов, но и сама картина прошлого северо-запада Балкан. Развитие в это время в далматинских городах гуманистических тенденций совпало по времени с литературным освоением славянского языкового и культурного пространства, что сказалось на особой продуктивности освоения соответствующих тем и образов.

Важное место в рассуждениях о св. Иерониме у далматинских авторов, начиная с XV в., заняло обоснование его связи с хорватской литературой и языком и доказательство его славянского происхождения. Сплитский поэт Марк Марулич (1450–1524) посвятил этому специальное сочинение²⁸. Древние балканские племена иллиров, далматов и пр. стали считаться славянами. При всем неприятии славянского языка как языка литературы (наряду с латынью) поэт из Дубровника Элий Цервин (1643–1520) причислял к этим "славянским" племенам многих римских императоров, Орфея, Анахарсиса и др.²⁹ Место прежних представлений о переселении предков хорватов на Балканы заняло мнение об их автохтонности, которое, впрочем, имело здесь свою давнюю предысторию, поскольку еще в XIII в. в далматинских городах бытовало некое мифологическое суждение о связи (по фонетической близос-

ти) хорватов и куретов³⁰.

Соединение славянских языковых и культурных элементов с элементами местной, имеющей романские корни традиции, и введение этой синтетической конструкции в контекст гуманистического мировосприятия, привело к утверждению к началу XVI в. принципиально иной ретроспективной модели культуры, в которой далматинская романская традиция оказывалась не противостоящей славянской, а находящейся с ней в генетической связи. Винко Прибоевичу, происходившему из среднего сословия горожан Хвара, принадлежит соответствующая формула своей включенности в этот широкий культурный пласт, выведенная им в речи "О происхождении и успехах славян", произнесенной им на латыни перед согражданами в 1525 г.: "Я решил держать речь перед славянами о судьбе славян, поскольку я – далматинец и, следовательно, иллир (т. е. хорват. – О. А., Г. М.) и, наконец, славянин"³¹. Винко Прибоевич попытался реконструировать генеалогию славян, полагая, что славяне произошли от фракиев, прародителем которых был сын Яфета Фирас и потомки которого населяют земли всех славянских стран, в том числе России, Польши, Чехии, Хорватии, Далмации, Боснии, Сербии и Болгарии. Напомним, что чешские хронисты XIV в. также возводили родословную славян к Яфету. К "славянскому роду" Прибоевичем причислялись геты, даки, готы и другие народы. Среди наиболее известных славян древности назывались Александр Македонский, св. Иероним, Аристотель, многие римские императоры и первосвященники. Автор рассказывал популярную в западнославянской историографии легенду о представлении Александром Великим славянам особой привилегии и права на землю, на которой они обитали.

Прибоевичу принадлежит и первая в далматинской литературе апология славян, которые "благодаря своей храбости покорили надменных персов, ослабили силу ассирийцев и мидян, сбили спесь египтян, нарушили превосходство греков, укротили свирепость скифов, одолели тьмы индийцев, победили ловких испанцев, умерили жестокость галлов, попрали величие римлян"³². Полагая Далмацию славянской прародиной, Прибоевич считал, что отсюда вышли праотцы чехов, поляков и русов – Чех, Лех и Рус. Прибоевич ссылался как на свой источник на польские хроники и сочинение папы Пия II (Эннея Сильвия Пикколомини) о происхождении и действиях чехов, в которые данные представления попали из чешской хроники XIV в. Действительно, основные культурно-исто-

ческие концепции далматинских и хорватских авторов Возрождения – Балканы как прародина славян, античная, прежде всего балканская, история как славянская история и широкая география расселения славян – определялись некоторыми тенденциями историописания о славянах как в славянской – так и шире – в европейской историографии.

Распространенная в позднее Средневековье идея о дунайской или балканской прародине славян (земли Паннонии, Хорватии или Далмации) имела хождение в польских и чешских хрониках. Она основывалась в конечном счете на представлении, зафиксированном еще в летописном рассказе из Повести временных лет о первоначальном расселении славян после их прихода в Европу в области нижнего Дуная. Представления об огромности славянского мира встречаются и в средневековых польских сочинениях (Кадлубек), и в итальянской гуманистической литературе (Флавио Биондо). Эти положения были восприняты и развиты далматинскими и хорватскими авторами, и под их воздействием тяга далматинской культурно-исторической традиции Средневековья раздвинуть границы своего античного прошлого переросла в гуманистическую эпоху в стремление охватить чуть ли не все пространство античной истории, которое объявлялось ареалом истории славянской. Несомненно также, что идея славянского единства оказалась столь популярной в Хорватии во многом благодаря широкому распространению глаголической литературы: только в ее рамках в ареале *Slavia Latina* имели хождение тексты, относящиеся к ареалу *Slavia Orthodoxa*.

Культтивируемая гордость за славянский род, основываясь на славе деяний неких античных предков, многочисленности славян и неохватности их территории, вдохновлялась также призывами к борьбе с турками. Примером сочетания этих мотивов может служить обращение к польской знати Франа Транквила (1545).

В Далмации получило распространение также имевшее хождение в европейской и славянской исторической литературе представление о русской прародине славян – некоей древней Скифии или Сарматии. Это представление легло в основу крупномасштабного исторического труда дубровницкого патриция Людовика Цриевича (Цервы) Туберона (1459–1527) "Записки о своем времени"³³. Стремясь к целостному изложению славянского прошлого, Туберон представляет славян, с одной стороны, потомками русских – жителей европейской Сарматии, а с другой – готов, часть

которых, двигаясь на юг, появилась в Иллирии ок. 600 г. Отсюда – тождественность русского языка и языка жителей Иллирии, отличающегося лишь некоторой мягкостью произношения, происходящей из мягкости климата. Туберон высказывал также примиряющие католическую и православную конфессии мысли.

Лингвистические взгляды в рамках этой концепции получили дальнейшее развитие в многоязычном словаре Фауста Вранчича (1551–1617)³⁴. Очевидно, примером ему послужил аналогичный словарь Сигизмунда Геления, о котором упоминалось выше. В это время, в эпоху Контрреформации, катализирующее влияние на развитие в хорватских землях темы славянского единства и проектов единого славянского языка оказывали идущие из Рима после значительных потерь католической церкви в Западной Европе импульсы к объединению Восточной и Западной церкви под эгидой последней. Влияние моделей единого славянского исторического пространства в различных их вариациях на создание соответствующих языковых проектов показывает попытка создания синтетического славянского языка, предпринятая автором контрреформационного толка задарским каноником Шиме Будиничем (род. между 1530–1535 гг. – 1600). В язык своего перевода сочинения Петра Канизия "Сумма наук христианских"³⁵, напечатанной одновременно на латинице и кириллице, Будинич внес некоторые церковнославянизмы, а также чешские и польские слова и грамматические формы.

Характерно, что еще в начале XV в. в ареале *Slavia Orthodoxa* Константином Костенечским в его "Сказании о письменах" было представлено схожее мнение о создании славянского литературного языка на основе выборки лексики и словоформ из отдельных славянских языков – прежде всего "тончайшего и прекраснейшего" русского, которому "в помощь" были добавлены "болгарский, сербский, словенский, чешский и хорватский"³⁶.

Набор культурных кодов, который вырабатывался на протяжении XV–XVI вв. для возвеличивания славян и их истории и для определения важного места в ней Хорватии, был воспринят в произведениях, принадлежавших к направлению "барочного славизма". Причудливое соединение противоречивых представлений о древности славян отражено в апологии славянства доминиканца из Дубровника Мавро Орбини (середина XVI в. – 1611 г.) в его "Царстве славян"³⁷, произведении, являющимся квинтэссенцией ренессансных разработок и сведений средневековых источников.

Древние славяне, по Орбини, населяли огромную территорию, по размерам превосходившую область расселения современных ему славян. Славяне происходили из рода Яфета и вышли из Скандинавии (ср. известие "Летописи попа Дуклянина" о приходе готов-славян "с севера"), поселившись первоначально в Сарматии. Вместе с тем Орбини рассказывает о переселении Чеха, Леха и их народов в места их обитания из Далматинской Хорватии. Рассказ о воинских подвигах славян Орбини начинает с эпохи Александра Македонского.

Тема славянского единства определяла в этот период литературные сочинения разного жанра. Своеобразное сочетание представлений о единстве славянского мира и традиционных коммунальных ценностей (город-отечество) было продемонстрировано Юраем Бараковичем из Задара в тяготеющем к пасторали сочинении "Вила Словинка" (1614)³⁸, где Баракович описывает, в частности, свое путешествие по окрестностям Шибеника и встречу с прекрасной фантастической девой (вилой) – Словинкой, рассказавшей о происхождении славян и их языке, о начальной истории Задара и его современном состоянии. Само имя вилы указывало на то значение, которое придавалось ей автором в прославлении славянского рода и языка. Баракович представляет свой родной Задар как столицу владений мифического князя Словена – праотца всех славян.

Мотив древности и единства славянского мира был присущ эпической поэме знаменитого дубровницкого автора Ивана Гундулича (1589–1638) "Осман"³⁹, где первым народным певцом борьбы и побед славян над турками выступает "славянин" Орфей. Центром же борьбы с турками, надеждой славянских народов, находящихся под турецкой властью, выступает здесь польский двор. Одна из ранних драм еще одного дубровчанина Юние Палмотича – "Павлимир" (1632)⁴⁰ была написана на сюжет из "Летописи попа Дуклянина", причем выбор сюжета показывал желание автора продемонстрировать славу прошлого Дубровника, единство балканских славян и – в духе посттриентских веяний – связь истории славян в православной зоне христианства с Римом. По замыслу Палмотича, сербский король Радослав был свергнут своими приближенными, и до конца дней пребывал в Риме, где женился на знатной римлянке; на римлянке был женат и его сын, у которого родился сын Павлимир. Павлимир превзошел всех в Риме своей храбростью; воинственный и смелый, он победил многих

врагов и вернул себе престол своих предков.

Идеи единства славянского мира и языка населявших его народов, примирения католической и православной конфессий определяли творчество Юрия Крижанича (ок. 1618–1683). Главное его сочинение – "Разговор о властительству", получивший условное название "Политика" (1663–1666)⁴¹, призвано было определить пути процветания России, поскольку именно Россия мыслилась им как фактор, организующий славянский мир. Будучи свидетелем консолидации государств, ставших абсолютными монархиями (Франция, Австрия), он желал того же для славянского мира, полагая, что мощная славянская монархия сможет преодолеть турецкую угрозу и остановить германскую экспансию. Проблема соединения церквей возникла в творчестве Крижанича ("Толкование исторических пророчеств") в связи с актуальным в 1673 г. вопросом избрания короля на вакантный польский престол, который не прочь были получить царевич Федор Алексеевич, да и сам царь Алексей Михайлович, но серьезным препятствием чему была разность вероисповеданий. Крижанич в конце концов пришел к убеждению о невозможности церковной унии, но твердо стоял на равноправии конфессий. Одним из путей объединения славян, обдумываемых им в тобольской ссылке, было составление "всеславянского языка", основные принципы которого излагались им в работе "Грамматично изказание об руском езику" (1666)⁴². Крижанич полагал, что "словенский язык", "на котором мы книги пишем и богослужение совершаём", должен считаться "русским", поскольку русский народ древнее и знаменитее других славянских племен и "глава всем – народ и имя русское", да и другие славянские народы "из русинов произошли". Всеобщий славянский язык Крижанича объединял лексические элементы русского, хорватского, польского, церковнославянского языков. Были добавлены и искусственно составленные им слова – "чужебесие", "гостогонство", "людодерство" и пр.

Говоря о хорватской модели идеи славянской общности, необходимо отметить, что тенденция к хронологическому и географическому расширению представлявшейся единой и целостной славянской ойкумены оказалась чрезвычайно стойкой на хорватской почве. По всей видимости, этим до некоторой степени компенсировалось находящееся лишь на начальной стадии оформления восприятие своей страны как некоего культурно-духовного единства, которое из-за разделенности хорватских земель и неуве-

ренности в собственном существовании вследствие постоянной турецкой угрозы приняло широкие пространственные очертания.

Сравнивая хорватскую и чешскую средневековые модели идеи славянской общности, можно констатировать взаимовлияния и определенное единство основных позиций. Славяне едины по своему происхождению и языку; их предки относятся к благородным историческим персонажам или к славным народам древности; в семье славянских народов хорваты и чехи занимают первейшие места; идея славянской этнической общности актуализирует вопрос о восстановлении конфессионального единства славянского мира; историческое сознание является неотъемлемым компонентом этноязыкового самосознания. В свою очередь именно идея славянской общности повышает статус этнического самосознания чехов и хорватов, так как делает их "лучшей частью" огромного славянского мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Spěváček J. Myšlenkové zdroje státovorného usíí Karla IV // Literární měsíčník. Pr., 1978. N 6; Idem. Fenomen dualismu ve státopravním profilu svaté říše římské doby Karla IV // Český časopis historický. Pr., 1995. N 1. S. 37–64.
2. Kalista Z. Karel IV. Jeho duchovní tvář. Pr., 1971. S. 140–171.
3. Bláhová M. Odraz státní ideologie v oficiální historiografii doby předhusitské // Folia historica Bohemica. 12. Pr., 1988. S. 269–282.
4. Мельников Г. П. Этническое самосознание чехов во второй половине XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 208–209.
5. Jan Marignola. Kronika česká // Kroniky doby Karla IV. Pr., 1987. S. 502.
6. Přibík z Radenína, Žečený Pulkava. Kronika česká // Kroniky... S. 272.
7. Kosmova Kronika česká. Pr., 1972. S. 12–13.
8. Kronika tak řečeného Dalimila. Pr., 1977. S. 12–13.
9. Přibík... Pulkava. Op. cit. S. 272.
10. Jan Marignola. Op. cit. S. 448, 458–459.
11. Výbor české literatury: Od počátků po dobu Husova. Pr., 1957. S. 739–740.
12. Корекский М. Чешский人文主义. Pr., 1988. S. 74; Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв. М., 1963. С. 196.
13. Jakobson R. Ceský vliv na středověkou literaturu polskou // Co daly naše země Evropě a lidstvu. D. I. Pr., 1939.
14. Heck R. Uwagi o rozwoju polskiej i czeskiej świadomości narodowej w średniewieczu // Studia nad rozwojem narodowym Polaków, Czechów i Słowaków. Wrocław etc., 1976.
15. См. образцы-формуляры грамот: Collectarius perpetuarum Johannis de Geyla-husen. Innsbruck, 1900. Р. 222. О самой концепции: Мельников Г. П. Чешско-польские отношения в XIV в.: от претензий на польский трон к концепции "старшего родственника" // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. Сб. тезисов. М., 1989. С. 36–37.

16. Přibík... Pulkava. Op. cit. S. 281, 306–307.
17. Prochno J. Terra Bohemiae, regnum Bohemiae, corona Bohemiae, Corona regni // Studien über die Krone als Symbol des Staates im späten Mittelalter. Darmstadt, 1961. S. 198–224.
18. Bohatcová M. a kolektív. Česká kniha v proměnách staletí. Pr., 1990. S. 230–232; Šmatlák S. Dejiny slovenskej literatúry. Br., 1988. S. 151; Смирнов Л. Н. Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных // Развитие этнического самосознания... С. 252–254.
19. Цит. по: Корескý M. Op. cit. S. 50.
20. Лучшие работы об Эммаусском монастыре собраны в специальном издании: Z tradic slovanské kultury v Čechách. Sázava a Emauzy v dějinách české kultury. Pr., 1975.
21. Hajek z Libočan, Kronika česká. Pr., 1819. LLXI–LXII; Kolar J. Hájkova kronika a česká kultura // Hajek z Libočan V. Kronika česká. Pr., 1981. S. 7–24; Василевски Т. Славянское происхождение солунских братьев Константина-Кирилла и Мефодия // Сов. славяноведение. 1991. № 4. С. 58–59.
22. Мельников Г. П. Этническое самосознание чехов и национальные проблемы в Чехии в гуситскую эпоху (конец XIV века – 1741 год) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995.
23. Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana (Ed. Rački F.). Zagreb, 1894.
24. Летопись попа Дукъянина (Уред. Шишић Ф.) Београд – Загреб, 1928.
25. Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Sclavoniae. Zagreb, 1906. V. 4. P. 343.
26. Pantelić M. Glagoljski brevar popa Mavra iz godine 1460 // Slovo. Zagreb, 1965. Sv. 15–16. S. 133.
27. См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей (Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева). М., 1990. С. 128–129; ср.: Thomas Archidiaconus. P. 11.
28. Marci Maruli In eos, qui beatum Hieronymum Italum esse contendunt // Ioannis Lucii de regno Dalmatiae et Croatiae. Amstelaedami, 1666. P. 457–458.
29. Analecta recentiora ad historiam renascentium in Hungaria litterarum spectantia (Ed. Hegedus S.) Вр., 1906. P. 104–105.
30. Thomas Archidiaconus. P. 25.
31. Vincentius Priboevius. De origine successibusque Slavorum (Ed. Novak G.). Zagreb, 1951. P. 58–59.
32. Ibid. P. 79–80.
33. Commentaria temporum. Rhagusii, 1790.
34. Fausto Verantio. Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmati(c)ae et Ungaricae. Venezia, 1525.
35. Summa nauka hristjanskoga. Roma, 1583.
36. Куев К., Петков Г. Събрани съчинения на Константин Костенечки. С., 1986. С. 100–101.
37. Mavro Orbini. Il regno degli Slavi oggi corruttamente detti Schiavoni. Pesaro, 1601.
38. Vila Slovinka // Djela Jurja Barakovića. Zagreb, 1889.
39. Ivan Gundulić. Osman (Ured. Pantić M.) Beograd, 1967.
40. Djela Gjona Palmotića (Ured. Pavić A.). Zagreb, 1884.
41. Юрий Крижанич. Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов. М., 1859–1860. Ч. 1–2.
42. Крижанич Ј. Граматично изказанје... (Издано О. Бодянским). М., 1859.

ИДЕИ ОБЩНОСТИ СЛАВЯН
В КУЛЬТУРАХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
(конец XVIII – первая половина XIX в.)

Концепции общности славян и программы их единения постоянно привлекали и привлекают внимание ученых разных стран. Особенно это касается периода национального Возрождения славянских народов¹. Настоящая статья ставит задачей раскрыть проявление и воздействие этих идей на развитие национальных культур славян в конце XVIII – первой половине XIX в.

В рассматриваемое время у славян на фоне формирования национального самосознания с новой силой ожило чувство родства, связанное с поисками своих корней, обострением исторической памяти, тревогой за собственную судьбу. Беспокойные умы обратились к родственным связям как опоре для обеспечения всестороннего развития и национального самоутверждения своего народа в условиях чужеземного гнета.

Общественная мысль на многие годы занялась проблемой соотношения общих и самобытных черт славянских этносов в поисках путей решения назревших задач в контексте исторических судеб всего или части славянского мира. Концепции общности славян имели разную социальную и национальную интерпретацию. С укреплением наций представления менялись в сторону более глубокого осознания самобытности и равноправия каждого народа в широком славянском мире.

Развитие славянской мысли в конце XVIII – первой половине XIX в. прошло путь от весьма туманных представлений деятелей Просвещения о структуре славянства, через теорию словацкого поэта и мыслителя Я. Коллара, рассматривавшего славян как "один народ", разделенный на четыре "племени" (русское, польское, чехословацкое и иллирийское), концепцию словацкого национального лидера, поэта и философа, историка и лингвиста Л. Штура, предполагавшую "единство в многообразии", до признания чешским литератором и общественно-политическим деятелем К. Гавличеком-Боровским национальной самобытности каждого из славянских народов, прежде всего чешского.

В рамках общих представлений были сформулированы поло-

жения о единстве части славян (теория "чешско-словацкого народа", идея национальной целостности южных славян). На основе теоретических принципов строились конкретные программы сближения славян в области культуры, а также слияния в литературном языке ближайших родственных народов. В перспективе представлялось возможным и государственное объединение всех или части славян в разных формах.

Концепции славянской общности и программы единения славян отразили объективную тенденцию к сближению народов, но им были свойственны утопические черты. Они сдерживали общественное осознание конкретных нужд национального развития, в то же время облегчая преодоление локальной и религиозной разобщенности отдельного этноса, обогащение родной культуры, ее защиту в условиях насильтственной денационализации.

Воздействие сознания славянской общности на разные сферы культуры было неодинаковым. Различным было и воплощение идей единения в отдельных национальных культурах в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств. В польском обществе общеславянские интересы заметно ослабли под влиянием трагических событий 1830–1831 гг.

Стремление образованных славян понять свой народ, его место в новой реальности, актуальные задачи времени дало толчок развитию науки, в первую очередь филологии и истории. Именно в это время, с подъемом общественного интереса к происхождению славян, их родине, истории, языкам, судьбам и значению в мировом историческом процессе были заложены основы научного изучения славянства. Под знаком идеи общности славянских народов проводил историко-археологические работы Ян Потоцкий². Чех И. Добровский, получивший в литературе высокий титул "патриарха славянской филологии", выступил зачинателем сравнительно-исторического изучения славянских языков.

Со второго десятилетия XIX в. в обстановке значительного оживления национальной и культурной жизни славян стали выходить фундаментальные труды П. Й. Шафарика, словаца по происхождению, известного деятеля чешского и словацкого национального Возрождения, давшие научное, теоретическое обоснование исконной мысли о большой этнической, исторической и языковой близости славянских народов, владевшей умами славянских хронистов, историков и писателей еще в давние времена. В 1826 г. на немецком языке вышла в свет книга П. Й. Шафарика "История славянской нации".

вянских литератур”, представлявшая собой первое общеславянское исследование в области литературоведения. В 1828 г. появилось сочинение того же автора “О происхождении славян”, в 1837 г. – его фундаментальный труд “Славянские древности”, в 1842 г. – “Славянская этнография”. Это были первые действительно научные труды по древней истории славянства, вошедшие в мировую науку. В книгах ученого, показывавших славян как единое целое, раскрывались роль и место славянских народов в создании европейской цивилизации. Работы Шафарика произвели огромное впечатление на славянскую общественность, способствуя дальнейшему усилению интереса к славянству в целом и его изучению.

Идея национального единства южных славян, окрасившая теорию и практику хорватского национально-освободительного движения в первой половине XIX в. (иллиризма), стала основой романтического направления в хорватской историографии. В сочинениях деятелей иллиризма, и прежде всего в наиболее крупном из них – труде И. Швеара “Зеркало Иллириума” (т. 1–4, 1839–1842) –, прошлое хорватов с древности до конца XVIII в. представляло как часть истории южных славян, рассматриваемой под углом зрения борьбы за независимость.

В рассматриваемое время было положено начало сравнительному изучению славянского права. В 1832–1835 гг. публиковался четырехтомный труд польского ученого В. Мацеёвского “История славянских законодательств”, получивший широкую известность.

Славянские авторы стали заниматься специальным исследованием истории и культуры отдельных родственных народов. Ю. И. Венелин, называвший себя “карпатороссом”, издал книги “Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам” (1829), “О зародыше новой болгарской литературы” (1838), “Критические исследования об истории болгар” (1849). Работы российского слависта, проникнутые мыслью о славном прошлом славян, заняли важное место в развитии болгаристики. В поле зрения Венелина были также словенцы. Ему принадлежала первая в России книга, посвященная этому народу, – “Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам” (1841).

Сознание единых генетических истоков славян побуждало к поискам и публикации древних и средневековых письменных

памятников. Причем их издательская судьба подчас объединяла усилия разных славянских ученых. В 1827 г. русский историк, этнограф, статистик П. И. Кеппен с помощью выдающегося слависта А. Х. Востокова при материальной поддержке графа Н. П. Румянцева на высоком научном уровне издал знаменитую Фрейзингенскую рукопись (или Фрейзингенские отрывки) – памятник на "древнесловенском" языке, относящийся к рубежу X–XI вв.

В свою очередь словенский ученый Ф. Миклошич опубликовал в 1847 г. отрывки из Супрасльской летописи, а в 1852 г. издал ее полный текст. Этот памятник первой половины XVI в. был обнаружен в Супрасльском монастыре в Белоруссии (ныне территория Польши) белорусом М. К. Бобровским, униатским священником, проявлявшим интерес к филологии. В 1848 г. русский славист О. М. Бодянский опубликовал некоторые сочинения Ю. Крижаница, хорватского мыслителя XVII в., выступавшего за единение славян.

Повышенный интерес к славянству оказал влияние на выбор научных тем, стимулировал выявление источников и поиски наиболее подходящей литературы, способствовал развитию сравнительно-исторического метода познания. Все это двинуло вперед гуманитарные науки у славян.

Идеи межславянского сближения оказали влияние на реформы литературных языков, которые прошли в рассматриваемое время у многих славянских народов, в частности у хорватов. Этот народ был разделен в административно-политическом, культурном и языковом отношениях и сознание славянской общности становилось фактором его духовного сплочения. Лидер хорватского национального Возрождения Л. Гай использовал при реформе орографии родного языка в качестве образца чешскую графику. В основу же нового литературного языка хорватов в целях южнославянского сближения был положен штокавский диалект, общая с сербами народно-разговорная речь.

Сознанием сопричастности славянству украинцев Галичины, именовавших себя русинами, была отмечена деятельность М. Шашкевича, И. Вагилевича и Я. Головацкого, занявших видное место в истории украинской культуры. Будучи студентами Львовского университета и одновременно воспитанниками духовной семинарии, они составили общество "Руська троица", издавшее в 1837 г. в Буде фольклорно-литературный альманах "Русалка Дniestрова". Касаясь в предисловии актуального литературно-языкового вопроса, М. Шашкевич писал, что издатели придерживались положения

"Пиши – как слышишь, а читай – как видишь"³. Именно литературно-языковая реформа сербского ученого, собирателя и издателя фольклора Вука Караджича, провозгласившего принцип "Пиши, как говоришь", вдохновила львовских деятелей отойти от устаревшей историко-этимологической орфографической системы и издать альманах новым, фонетическим правописанием⁴.

Выдающийся серболужицкий ученый, лингвист Я. А. Смолер, разрабатывая единую орфографию верхнелужицкого языка, так называемое "аналогическое правописание", ориентировался на системы правописания других славянских языков, в первую очередь чешского. Реформаторские идеи одновременно со Смолером развивал в своей грамматике серболужицкого языка (1841) другой видный представитель серболужицкой культуры Я. П. Йордан⁵. В результате реформы верхнелужицкого литературного языка наметилось его сближение с другими литературными славянскими языками, особенно с чешским.

Новые литературные языки славян, создававшиеся в результате сознательной деятельности ученых и литераторов – Й. Добринского, Й. Юнгмана, Л. Штура, В. Караджича, Н. Рыльского, П. Берона и др.–, на всем протяжении своего формирования находились в тесном и живом взаимодействии⁶.

В первой половине XIX в. среди славянских деятелей культуры получила распространение идея создания общего для всех славян литературного языка. О нем задумывался выдающийся словенский ученый Е. Копитар, искавший обоснование такого проекта в деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Он полагал, что начинать следовало с создания общей для всех славян письменности на основе латинского алфавита. Мысли Копитара оказали влияние на разработку словенскими грамматистами новой орфографической системы⁷.

Приверженцем сближения славян в литературно-языковом отношении был и чешский будитель Й. Юнгман. Эта идея придала особый оттенок его национальной языковой концепции, получившей наиболее полное воплощение в его пятитомном "Чешско-немецком словаре" (1834–1838). Вырабатывая конкретную программу обогащения словарного состава чешского литературного языка, Юнгман в число источников лексического пополнения включил родственные славянские языки. Ревностным сторонником общеславянского литературно-языкового единства был также словенец М. Маэр, издавший в 1848 г. работу "Правила о преобра-

зовании иллирийского наречия в общеславянский язык".

Идея единого славянского литературного языка не угасала. Однако ей не суждено было воплотиться на практике в условиях национального размежевания славянских народов. И потому она осталась в истории их умственного развития лишь как заманчивая социальная утопия. Вместе с тем исходившее из реального факта родства славян обращение теоретиков и грамматистов к славянским языкам способствовало становлению национальных филологических школ и решению практической задачи возрождения, обновления и совершенствования "своего" литературного языка.

Сознание общих генетических истоков, христианских традиций, близости исторических судеб славян пронизывало художественную культуру, в первую очередь литературу, большей части славянских народов. Идеи общности пропагандировались не только с помощью публицистики, но и средствами искусства. Это в значительной степени определяло идеино-тематическое наполнение литературы. В первой половине XIX в. многие видные поэты и прозаики у славян, в большей или меньшей степени, отдавали дань общеславянскому чувству.

Трубадуром "всеславянства" выступил Я. Коллар, воспевший в поэме "Дочь Славы" (1824) героическое прошлое славян и их выдающихся деятелей. Авторитет и влияние Коллара в славянском мире особенно возросли после издания им трактата "О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянской нации" (1837). Смысл его учения о славянской взаимности состоял в культурном сближении разрозненных славянских "племен". Оно стало путеводной звездой пробуждавшейся к новой жизни и деятельности славянской общественности.

Славянские мотивы звучали в творчестве чеха Ф. Л. Челаковского, словацкого Я. Голлого, словенца Ф. Прешерна, украинца Т. Г. Шевченко, А. С. Пушкина и других поэтов и прозаиков. Хорватская литература 30–40-х годов XIX в. постоянно развивала темы и идеалы братства и солидарности "иллиров", т. е. южных славян. Преданность славянству вошла как норма общественной ценности личности в этико-эстетические концепции, стала основой эмоционально-оценочной направленности художественных произведений.

Объектом внимания литературы непосредственно становились другие славянские народы и страны. Ф. Л. Челаковский издал поэтический сборник "Отзвук русских песен" (1829), К. Гавличек-Боровский после пребывания в России в 1843–1844 гг. опублико-

вал очерковые заметки "Картины России", запечатлевшие как "самобытные обычаи и национальные достопримечательности" русской жизни, так и социальные ее аспекты.

Выразительные средства обогащались в известной степени благодаря освоению писателями фольклорной поэтики разных славянских народов, в том числе и посредством перевода народных песен. В трехтомном издании Ф. Л. Челаковского "Славянские народные песни" (Прага, 1822, 1825, 1827) оригиналы были помещены параллельно с переводом их на чешский язык. Народная поэзия славян систематически была представлена в сербских, хорватских и других национальных литературных изданиях. В "Русалке Днестровой" были напечатаны восемь сербских народных песен в переводе М. Шашкевича и Я. Головацкого, в первой книге альманаха "Винок русинам на обжинки", изданного в Вене в 1846 г. братьями И. и Я. Головацкими, — 29 сербских народных песен в том же переводе, во второй книге альманаха — 150 сербских и хорватских пословиц из фольклорного собрания В. Караджича⁸. Романтическая эстетика у славян, особенно в условиях повышенного значения фольклора для формирования национальных литератур, опиралась на богатство устного народного творчества всего славянства при всей национальной индивидуальности.

Переводческая деятельность охватила творческие сферы от фольклора до высокой литературы и научных трудов. В первой половине XIX в. резко увеличилось количество и расширился реPERTUAR переводов с других славянских языков. Наставший интерес к истокам родственных культур наглядно проявился в обращении ряда славянских литераторов к "Слову о полку Игореве". В 1806 г. был напечатан польский перевод Ц. Годебского фрагментов "Слова" (правда, с немецкого варианта). Его отзвуки присутствовали в дальнейшем в поэзии К. Бродзинского, Ю. Б. Залесского, Ю. Словацкого и др.⁹ К древнерусскому сочинению проявлял большой интерес Й. Юнгман. В 1821 г. появился чешский перевод "Слова", сделанный В. Ганкой¹⁰. И. Вагилевич и М. Шашкевич в 30-х годах обращались к этому произведению. Но был опубликован только полный перевод Вагилевича и лишь в 1884 г.¹¹ Славянские литераторы находили в древнерусском памятнике не только убедительное свидетельство высоты и могущества художественной культуры славян в прошлом, но и актуальную аргументацию в пользу единения для решения национальных задач в настоящем.

Потребность в сближении, поиски ответа на острые вопросы

дня в близкой среде, наконец, эстетические запросы – все это обусловило повышенное внимание славянских деятелей культуры к современным им родственным литературам, особенно русской. Ф. Л. Челаковский переводил на чешский язык сочинения А. А. Дельвига, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, А. Д. Кантемира, И. А. Крылова и др. К. Томичек, Ф. Челаковский и К. Сабина открыли для чешского читателя А. С. Пушкина. В 40-х годах К. Зап перевел "Тараса Бульбу" Н. В. Гоголя, К. Гавличек-Боровский – другие его произведения, в том числе "Мертвые души"¹².

В литературной периодике иллиризма регулярно публиковались переводы русских стихотворных и прозаических произведений. Это были сочинения Н. М. Карамзина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Хомякова, Д. В. Веневитинова. Но больше всего хорватские авторы, прежде всего Ст. Враз и Д. Деметер, переводили А. С. Пушкина. В 40-е годы на сербскохорватском языке появились, помимо стихотворений русского поэта, "Пиковая дама" в переводе М. Поповича, повести "Метель" в вольном изложении Д. Деметера и "Выстрел". На страницах хорватских изданий нашли место произведения и других русских авторов. Одним из первых переводчиков стихотворений Пушкина на словацкий язык выступил поэт Я. Краль.

Внимание славянских переводчиков привлекало творчество великого польского поэта А. Мицкевича. Общеизвестен факт издания многих его произведений в России. Словенский поэт Ф. Прешерн познакомил национальных читателей с фрагментами его поэмы "Конрад Валленрод". В Хорватии И. Мажуранич и Ст. Враз переводили с польского языка стихотворения Мицкевича и других авторов.

Приведенные выше факты являются немногочисленными островами в обширном архипелаге переводов со славянских языков, сложившемся в рассматриваемое время. Переводные произведения входили в набиравшие силы национальные литературы, способствуя совершенствованию языка, выработке литературной техники, выделению именно художественной сферы в литературе вообще, формированию ее жанровой структуры и т. д.

Писатели сознательно обращались к славянской классике в поисках путей и способов совершенствования родной литературы. В 1842 г. Ст. Враз в литературно-критической статье писал: "Мы не можем всем тем нашим господам, которые пишут повести, иного рекомендовать, как то, чтобы они читали повести Пушкина, Гоголя

и старались стать для нас, иллиров, в нашем духе тем, чем являются два названных писателя в русском духе для русских братьев”¹³. Путь углубления национального характера хорватской литературы виделся через освоение художественного опыта русского народа.

Ассимиляция литературных форм, овладение богатствами фольклора, проникновение в художественную практику родственных народов содействовали выявлению внутренних ресурсов национальной литературы.

В первой половине XIX в. развитие литератур у славян проходило под знаком формирования художественного сознания национального типа. Своеобразие этого процесса состояло, в частности, в том, что оно проявлялось не только через собственно национальные, но и через славянские образы, которые воспринимались как “свои”. В связи с переводом сербских народных песен М. Касторским журнал “Современник” в 1838 г. писал: “... Когда представим в мыслях всеобщее стремление к разрабатыванию всех отраслей литературы народной, когда сообразим, сколько из сокровищ единоплеменного с нами народа можно заимствовать свежих красок для оживления исторических или поэтических лиц и характеров их – тогда на его труд не иначе уже смотреть можно, как на явление самое свое временное и удовлетворяющее вкусу всех и каждого”¹⁴. Ф. Л. Челаковский в поэтическом цикле “Отзвук русских песен” использовал образы русского фольклора¹⁵. Вхождение в художественное сознание славянских образов придавало национальному своеобразию отдельно взятой литературы новое качество, обусловленное расширением ее международного взаимодействия в первую очередь с родственными литературами.

“Славянизация” затронула не только литературу, но и другие виды искусства, в частности музыку. Композитор и теоретик музыкального искусства А. Н. Серов отмечал “особенности славянских оборотов мелодий и модуляций” у польского классика Ф. Шопена¹⁶. Специалисты подчеркивают типично славянский интонационный и образный строй его музыки.

Художественное творчество отдельных славянских народов обогащалось благодаря их тесному взаимодействию. Но была и другая сторона культурного процесса. Приобщение рядовых читателей, слушателей, зрителей к сокровищнице родственных культур позволяло им в ряде случаев более глубоко понять окружающий мир, полнее осознать насущные задачи времени, острее

ощутить магию искусства. Это был один из способов интеллектуального и эстетического возвышения славян.

Переводческая деятельность со славянских языков захватила также научную и публицистическую сферы. Наибольшее внимание привлекали сочинения П. И. Шафарика и Я. Коллара. В 1835 г. в хорватском журнале "Даница илирска" была помещена в свободном переводе статья Шафарика "Значение и просвещенность славянского народа в целом". В следующем году он познакомил хорватскую публику с крупной работой ученого "Мысли об автохтонности славян в Европе". С этого времени "Даница илирска" часто перепечатывала в основном из чешских журналов и помещала специально написанные для нее в переводе на сербскохорватский язык научные статьи, рецензии, литературоведческие обзоры Шафарика.

В 1836 г. Я. Коллар написал для хорватского периодического издания большую статью "О литературной взаимности между славянскими племенами и наречиями". Журнал перепечатывал его публицистические и научные статьи из чешской периодики, помещал в переводе отрывки из его книг. В 1844 г. редакция вновь опубликовала работу Коллара, проникнутую мыслью о славянском единении и просвещении.

В свою очередь в Праге в 1845 г. были изданы в переводе на чешский язык путевые заметки хорватского деятеля М. Мажуранича "Взгляд на Боснию, или Короткое путешествие, совершенное в эту провинцию одним патриотом" и публицистическая брошюра виднейшего представителя иллиризма Я. Драшковича "Слово благородным иллирийским дочерям".

Большой интерес работы славянских ученых вызывали в России. Это было связано и с направленностью общественного сознания на уяснение путей развития русского народа, и с событиями, разворачивавшимися в славянских землях, и с общим подъемом гуманитарных наук в стране. Уже в 20-е годы авторитетный русский журнал "Вестник Европы", издававшийся тогда одним из первых русских славистов М. Т. Каченовским, опубликовал выдержки из исторических и этнографических работ В. Караджича с описанием Сербии и ее народа.

В 1836 г. журнал "Телескоп", издателем которого был критик и эстетик Н. И. Надеждин, поместил в переводе О. М. Бодянского большую статью П. И. Шафарика "Обозрение новейшей литературы иллирийских славян", заимствованную из журнала "Часопис ческого музея" за 1833 г. Она знакомила русского читателя с

состоянием литературы южных славян. Труд чешского ученого "Славянские древности" вскоре после выхода в свет был переведен на русский и польский языки.

В 1843 г. в журнале "Москвитянин" было напечатано сочинение Шафарика по этнографии славян в переводе О. М. Бодянского под названием "Славянское народописание". Редакция "Отечественных записок" А. А. Краевского в рецензии воздала "должную честь этому, достойному всякого уважения труду знаменитого славянского филолога". В рецензии также говорилось: "В сжатом, но весьма подробном и раздельном очерке здесь изложены все важнейшие результаты, к которым привели первого современного знатока славянщины его многолетние исследования и наблюдения над всею массою многочисленных славянских наречий, в отношении собственно филологическом, историческом и топографическом"¹⁷. Журнал отмечал научное и практическое значение переведенного труда Шафарика для русских, проявлявших интерес к славянским языкам.

Мимо внимания издателя "Отечественных записок" не прошел и трактат Коллара "О литературной взаимности..." В 1840 г. сочинение вдохновенного проповедника "всеславянства" в переводе было опубликовано на страницах журнала. В примечании редакция выразила уверенность, что "каждый из русских читателей прочтет его с наслаждением и пользой"¹⁸.

В 1846 г. в издании "Чтения в Императорском обществе истории и древностей при Московском университете" был помещен в переводе того же Бодянского "Закон Винодольский" – историко-юридический хорватский памятник 1288 г., квалифицированно изданный в 1843 г. А. Мажураничем.

Переведенные на родственные языки наиболее известные научные труды и публицистические сочинения, а также исторические источники становились как бы общим достоянием этих народов. Переводы преследовали не только сугубо научные и познавательные цели. Они были призваны содействовать в целом самопознанию славян.

Сознание славянской общности окрасило как творческую сферу у славян, так и деятельность по распространению культурных достижений в обществе, доведению их до рядовых его членов. Идея культурного объединения южных славян сказалась на концепции музея, создававшегося в 40-е годы в Загребе.

Славянская тематика проникла и на театральные подмостки. В

В 30–40-е годы любительское театральное движение в Хорватии в свою очередь развивалось идеино и организационно под знаком единения и солидарности южных славян. По городам Хорватии гастролировала полупрофессиональная сербская труппа из Нови-Сада, которая воспринималась местной публикой как "своя".

Особенно заметное место театр занимал в комплексе чешского национального Возрождения. С 1824 г. в Сословном театре Праги как следствие большого интереса к славянской драматургии, а также недостатка добрых оригинальных пьес регулярно ставились переводные пьесы, в основном немецких авторов, на славянские темы. Это были "Элисена, княжна Болгарская", пьеса Рёслера (перевод С. К. Махачка), "Микулаш, град Зринский" – трагедия Вернера в переводе Ф. К. Томсы, драма "Завоевание Смоленска" И. Франуловой, комическая опера "Царь и плотник" Лорцинга в переводе И. Печирки. В 1849 г. на открытии Чешского театрального общества была поставлена первая пьеса славянского автора – одноактная комедия польского драматурга Ф. Фредро "Пан Чапек, или Кто меня не знает" в переводе Ф. Л. Ригера. В 50-х годах на сцене Сословного театра шли переводные пьесы современных польских авторов Ю. Корженевского, Л. Анчица¹⁹. Переводный репертуар на славянские темы, служивший актуальным общественным запросам, в известной мере подготовил условия для чешской драматургии и ее сценического воплощения.

Появление оригинальных пьес в свою очередь не обошлось без творческого использования чешскими авторами славянского материала. Один из видных драматургов первых десятилетий XIX в. В. К. Клицпера создал, в частности, драматическую поэму "Братья в Архангельске" (1823), в которой получили отражение черты русской жизни. Отдал дань русской тематике крупнейший театральный деятель эпохи национального Возрождения Й. К. Тыл, написавший пьесу "Петр Великий, или Царский сын перед судом" (1851). Однако она была запрещена цензурой к постановке²⁰.

Театр национального Возрождения у славян внес особый вклад в расширение в обществе знаний о родственных народах и их сближение.

В рассматриваемое время у одних славянских народов задордилась, у других – заметно возросла роль национальной периодической печати. Интерес к славянству оказал влияние как на ее содержание, так и коммуникативную функцию. В предисловии к первому выпуску журнала "Сербска летопис" (Буда, 1824) о его

программе говорилось следующее: "Все, что славянского народа от Адриатического до Ледовитого и от Балтийского до Черного морей вообще, а особенно нас, сербов, касается в литературной жизни, — все это предмет журнала "Сербска летопись"²¹. На программе и основной линии сербского журнала сказалось влияние П. И. Шафарика, который в то время работал вместе с его редактором Г. Магарашевичем в гимназии Нови-Сада.

Национальная периодика выступала главным глашатаем и неустанным пропагандистом славянской солидарности. Она регулярно информировала читателей о разных сторонах современной жизни родственных народов, раскрывала их славную историю, помещала материалы по этнографии и статистике, показывая многочисленность славян. Большое внимание уделялось их культурным достижениям, публиковались в оригиналe и переводе народные песни, печатались переводные сочинения славянских писателей, ученых, публицистов. Газеты и журналы охотно предоставляли свои страницы для выступлений славянских авторов.

Печать знакомила с формами национальной жизни родственных народов, с удовлетворением описывая балы и "беседы", концертные представления и благотворительные вечера, деятельность разного рода институций, обществ и организаций. Это способствовало взаимному обмену опытом проведения национальных мероприятий.

В журналах постоянно присутствовала "русская тема", хотя в польских изданиях после восстания 1830–1831 гг. была особая ситуация.

В 20–40-х годах на страницах вышеупомянутой "Сербской летописи" публиковались в переводе сочинения П. И. Шафарика, Е. Копитара, В. Мацеёвского. Нередко появлялось в журнале имя Я. Коллара. В нем получили место переводные сочинения словацких писателей Я. Голлого, Я. Калинчака. "Летопись" знакомила с образцами народной поэзии славян. Редакция нередко печатала произведения славянских авторов в оригиналe, рассматривая их языки как диалекты одного общеславянского языка. Журнал помещал исторические и этнографические статьи о славянах, выступая в защиту их национального достоинства. Регулярно публиковались литературные обзоры, библиография, информационные заметки о культурных мероприятиях у славян. Правда, первоначально эти материалы представляли собой заимствования из разных иностранных изданий.

"Летопись" уделяла большое внимание культурной жизни России. Журнал информировал о состоянии русской литературы и науки. В нем были опубликованы в переводе отрывки из "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина, его повесть "Марфа Посадница, или Покорение Новгорода", работы русского историка и археографа К. Ф. Калайдовича, в оригинале и переводе текст "Русской правды", путевые заметки П. И. Кеппена, посетившего славянские земли. Журнал впервые познакомил сербов со стихотворениями А. С. Пушкина (на русском языке), Н. М. Языкова, М. В. Ломоносова, Д. И. Хвостова, баснями И. А. Крылова. Он писал о Н. В. Гоголе, А. А. Бестужеве-Марлинском, А. И. Одоевском, В. А. Жуковском и других русских писателях. Публиковались переводные работы историко-культурного характера О. М. Бодянского, Н. И. Надеждина. "Сербска летопись" была первым "толстым" журналом у сербов и долгое время единственным, представлявшим широкую панораму прошлой и настоящей жизни славян.

В хорватском журнале "Коло", который издавался с 1842 г. в Загребе Ст. Вразом, Д. Раковацем и Л. Вукотиновичем, печатались, помимо лучших национальных писателей, сербские, словенские, чешские, словацкие, русские, польские ученые и литераторы.

Сознание родства славянских народов было отчетливо выражено в русской периодической печати, хотя органы разных общественных направлений неодинаково оценивали родственный фактор, генетический и религиозный, при осмыслиении путей развития страны.

Нарастание в первой половине XIX в. интереса русского общества к зарубежным славянам и связям с ними объяснялось прежде всего внутренними процессами, протекавшими в России. Развитие национального самосознания побуждало общественность к познанию прошлого русского народа для понимания настоящего его положения, к уяснению его сходства и отличий от этнически родственных западных и южных славян. Путь самопознания проходил через знакомство с историей, современной общественной жизнью этих народов. Осмысление государственных интересов России в свою очередь обостряло внимание к западным и южным славянам, поднимавшимся на борьбу против угнетения, за достойное место в кругу европейских народов. Наконец, развитие русской культуры, поставившее вопросы обновления литературного языка, национального характера и народности искус-

ства, освоения новой, романтической эстетики, стимулировало постижение опыта родственных народов, решавших в то время сходные культурные задачи. Потребность русской общественности в информации о зарубежных славянских землях усиливалась под влиянием общественного подъема их населения. Ответом на нее и было обращение периодической печати к славянским сюжетам. При этом славянский материал использовался органами разных направлений для обоснования соответствующих общественно-политических принципов, в идейной борьбе тех лет.

О славянах писали все видные русские журналы. В первые десятилетия XIX в. материал о них большей частью черпался из немецких изданий, но постепенно налаживались информационные контакты со славянскими землями. Этому способствовали поездки русских ученых и литераторов по ним. В конце 1830 – начале 1840-х годов в этих краях побывали О. М. Бодянский, И. И. Срезневский и П. И. Прейс, в 1846 г. – В. И. Григорович, проходившие за границей научную подготовку для занятия кафедр славистики в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах. Посещали славянские земли и другие деятели. С 30-х годов стала нарастать общественная дифференцированность русских повременных изданий. При всем многообразии журналов в 40-е годы отчетливо выделились западническое, славянофильское и полуофициальное направления. Если западническая печать рассматривала русско-славянские связи под углом зрения общности задач в комплексе цивилизованных отношений России с Европой, то славянофильские органы исходили из славянской исключительности, придавая ей особое значение в решении актуальных вопросов российской жизни. Официозные издания руководствовались постулатом "самодержавие, православие и народность".

Одним из первых начал писать о положении и культуре славян московский журнал "Вестник Европы", основанный в 1802 г. Н. М. Карамзиным. Славянскую тему открыла в 1805 г. публикация этнографического характера о черногорцах. В дальнейшем журнал писал о Й. Раиче, в частности об издании им в 1798 г. "Трагедии", написанной в первой половине XVIII в. М. Козачинским на тему средневековой сербской истории, о Карагеоргии и антиосманской борьбе сербов, Й. Добровском и чешской литературе, славянской старине, польском и чешском языках и пр. "Вестник Европы" неоднократно обращался к трудам Караджича, публикуя в оригинале и переводе собранные им народные песни. В 1827 г. в нем

была перепечатана из альманаха "Даница", издаваемого сербским ученым, в переводе его работы "Описание сербского народа", а в следующем году – отрывки из книги "Милош Обренович".

Исторический, политический и литературный журнал "Сын отечества", основанный Н. И. Гречем, поместил в 1814 г. выборку Д. Языкова о славянах из исторического труда Шлецера (1771) с препроводительными замечаниями о переменах, происшедших в их положении, в дальнейшем печатая материалы о Далмации, Дубровнике, Черногории. Он неоднократно писал о И. Добровском, введя в 1822 г. особый раздел "Славянская литература". Особенностью журнала, близкого в то время к декабристским кругам, была публикация сведений, почерпнутых из иностранных газет, о политической ситуации в Сербии в связи с восстанием 1821 г. под руководством Владимиреску и началом греческой революции. Касаясь языковой темы, Греч высказывался против проведенной Караджичем реформы сербской азбуки, видя в этом отдаление сербов от России²². С 1826 г. журнал стал совместным изданием Н. Грече и Ф. Булгарина, обретя официозно-консервативные черты.

Научно-литературный и художественный журнал "Московский телеграф", издателем которого был Н. А. Полевой, за короткое время своего существования (1825–1834 гг., был запрещен цензурой) неоднократно обращался к славянским сюжетам. Журнал с широкой просветительной ориентацией помещал обзоры сербской, польской и чешской литературы, специально останавливаясь на деятельности Караджича и творчестве Мицкевича. Причем в критическом обзоре трудов Караджича, написанном Полевым в 1827 г., из практики сербского фольклориста делались выводы для русских литераторов. Издатель писал: "Но подвиг сербского литератора, собравшего народные песни своей отчизны, не должен ли напомнить нам, что мы до сих пор не подумали сделать этого с нашими русскими песнями, и спокойно смотрим, как они постепенно обозраживаются и истребляются в народе?"²³. В свое время сборник русских песен Кирши Данилова в известной мере вдохновил Караджича на собирательскую деятельность у себя на родине, теперь опыт сербского ученого заставлял задуматься лучшие русские умы над судьбой отечественного фольклора.

Литературно-общественный журнал "Телескоп", издававшийся в Москве в 1831–1836 гг. и закрытый цензурой за публикацию "Философического письма" П. Я. Чаадаева, успел высказаться по вопросам истории Польши, представить читателю современное

состояние чешской литературы, осветить проблемы политического и литературного возрождения сербов, рассматривая его под углом зрения усиления славянской стихии в Европе, познакомить с рядом сербских народных песен (в оригинале и переводе), с повериями, преданиями, героическими сказаниями, показать некоторые обряды и обычай сербов и болгар. Выше уже отмечалась публикация в "Телескопе" статьи Шафарика.

В западническом журнале "Отечественные записки", издателем которого был А. А. Краевский, помимо вышеупомянутых материалов, регулярно помещались обстоятельные рецензии на книги и журнальные статьи о славянах, вышедшие в России²⁴. В них в острой полемической форме развенчивалась позиция официозной печати, оспаривалась правомерность славянофильского взгляда на славян, их историю, современную жизнь и судьбы. Журнал выступал против идеализации славянофилами старины, противопоставления славян западному миру, претензий на мессианскую роль в историческом развитии человечества. "Отечественные записки" систематически информировали читательскую публику о многочисленных журналах и альманахах, существовавших в славянских землях. В этом органе были напечатаны письма И. И. Срезневского из Праги и Харькова, филолога-русиста П. П. Дубровского из Варшавы – авторов, хорошо осведомленных о культурной жизни славян и разделявших идеи их взаимности.

Общеизвестно внимание к славянскому миру славянофильской печати, связывавшей судьбы России со всем славянством. В 1846–1847 гг. это направление представлял "Московский литературный и ученый сборник".

В 40-е годы устойчивый интерес к славянам отличал научно-литературный журнал "Москвитянин", придерживавшийся теории официальной народности. Его издателем и редактором был известный историк М. П. Погодин. Журнал имел постоянный отдел "Славянские известия", в котором сотрудничали Срезневский, Надеждин, Дубровский, Бодянский, Чижов, Ригельма, Шафарик²⁵.

Славянская тема мелькала на страницах и других русских изданий. Среди них была "Библиотека для чтения" (издатель – А. Ф. Смирдин, редактор – О. И. Сенковский), где в 1835 г. увидели свет сочинения А. С. Пушкина "Сербская песня" и "Песни западных славян".

Основные русские журналы первой половины XIX в. регулярно информировали русское общество, хотя и с разных позиций, о на-

циональном пробуждении славян. Были названы ведущие деятели, раскрыты литературно-языковые реформы, охарактеризованы повременные издания, представлены главные произведения новой литературы, освещено состояние науки, показана деятельность различных обществ. В силу условий частной издательской деятельности в России журналы обстоятельно знакомили в основном с культурой зарубежных славян. Материалы о них повышали информационное наполнение повременных изданий и имели значение для самого их развития. Славянская тема придала русской периодической печати новые черты. Она свидетельствовала не только о расширении общественного кругозора и мысленного географического охвата, но и о напряженном внимании периодики к современности.

При всех различиях в позиции русских журналов по славянскому вопросу их объединяли уважительное и сочувственное отношение к усилиям славян отстоять свою самобытность и продвинуться в общественном развитии, заинтересованность в повышении интереса и внимания к ним в России, поддержка их взаимодействия.

В первой половине XIX в. появились международные славистические издания. Первым из них был журнал "Библиографические листы", который в 1825 г. выпускал П. И. Кеппен, тогда чиновник департамента народного просвещения в России. По свидетельству издателя, он получал материал от Копитара, Караджича, Ганки, Юнгмана, Челаковского, Коллара, Шафарика²⁶. Журнал давал квалифицированную для своего времени информацию о состоянии славянских литератур в широком значении слова.

Инициативу Кеппена развил П. П. Дубровский, выпускавший в 1842–1843 гг. в Варшаве журнал "Денница" на русском и польском языках. "Предмет наш, – писал издатель, – есть богатый славянский мир, следовательно, все, что является в нем замечательного, должно обращать на себя наше внимание"²⁷. В "Деннице" публиковались народные песни, произведения славянской поэзии, материалы, содержавшие сведения о литературе, общественной деятельности, культурных институциях у славян.

В кругах образованных славян пользовалось известностью издание Я. П. Йордана на немецком языке "Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft", призванное, по мысли серболужицкого ученого, объединить научные и литературные усилия славянских авторов. Однако оно не стало общеславянским органом.

Славянская общественность не была еще подготовлена для материальной поддержки изданий, не имевших конкретного адресата. Поэтому судьба общеславянских журналов была кратковременной. Тем не менее они внесли свой вклад в укрепление межславянских связей.

В 20-е годы XIX в. в славянском мире появились разного рода кружки, отмеченные в той или иной форме общеславянским сознанием их участников. Таковы были Иллирийский клуб южнославянской студенческой молодежи в Граце, словацкий читательский кружок со славянской библиотекой в Пеште, словацкие образовательные кружки при евангелических лицеях и гимназиях и т. д.

В славянских землях возникали национальные объединения с литературно-научными задачами, которые в свою очередь проявляли интерес к контактам в этнически родственной среде. В 1825 г. Общество Патриотического музея в Праге избрало своим почетным членом за заслуги в области науки и культуры Ю. М. Оссолиньского, основателя польского культурного фонда, в будущем Национального института им. Оссолиньских ("Оссолинеума") во Львове. Библиотека Оссолиньского стала местом работы и личных контактов ряда славянских ученых. "Оссолинеум", превратившийся к середине 40-х годов в научный и культурный центр польского общества в Галиции, поддерживал живые связи с чешской стороной²⁸. Выше говорилось о славянской ориентации "Руськой троицы".

Укрепление национального самосознания и одновременно усиление взаимных симпатий в славянском мире получили выражение, помимо прочего, в деятельности культурно-просветительных обществ – матиц. Их развитие началось с 1826 г., когда была образована Сербская матица в Пеште. В 1831 г. появилась подобная организация у чехов, в 1842 г. – у хорватов. Идея образования матицы созрела у Я. А. Смолера после его путешествия с Ф. Л. Челаковским в 1843 г. по Чехии. Прототипом Серболужицкой матицы, возникшей в 1845 г., стала Чешская матица. Опыт других славянских народов был использован при организации в 1848 г. украинской матицы во Львове. Ее учредители рассматривали общество как "орган взаимности всеславянской". Во второй половине столетия матицы появились и у других народов.

Матицам суждено было стать осью культурной жизни своих наций.

Созданные из потребности развития национальной культуры,

тесно связанные с освободительным движением, они представляли собой объединения с близкими целями, схожей организационной структурой и однотипными формами деятельности. Матицы развивались под знаком идей национального просвещения и славянского единения.

Широкие связи в славянском мире имела, в частности, Иллирская матица в Загребе. Уже при ее организации 16 чешских деятелей, разделявших идеи славянской взаимности, по инициативе Шафарика направили ей 210 золотых. В 1846 г. в нее входили 28 чехов и 20 словаков²⁹. Основателями Иллирской матицы стали видные деятели чешского Возрождения – Ф. Палацкий, Ф. В. Ригер, Й. Фрич, Й. Чейка, Я. Э. Воцель, Эм. Пуркине, а также Л. Тун. В числе основателей был словацкий поэт Я. Краль. Поддержали загребскую Матицу словенские сторонники иллиризма М. Маэр и Ст. Кочевар. В 1858 г. ее членом-основателем стал В. Караджич³⁰.

Связь Иллирской матицы со славянской общественностью проявлялась также в многочисленных сообщениях и статьях о ней в печати. В России о Матице в Загребе сообщали Ригельман и Дубровский в журнале "Москвитянин", Срезневский – в "Современнике"³¹. Русская печать с одобрением писала о литературно-издательской деятельности Иллирской матицы, выражая тем самым ей моральную поддержку. Журналы высоко оценивали конкретные издания Матицы, подчеркивали их художественную или научную ценность.

Чешские деятели оказали материальную помощь при создании Далматинской матицы. В 1848 г. в ответ на обращение ее инициатора Б. Петрановича за поддержкой и информацией к главному чешскому культурно-политическому обществу Славянской лиге в Праге был собран для будущей матицы в результате пожертвований 771 фор.³²

В 1851 г. Правление Иллирской матицы обратилось к славянским культурным обществам с призывом выделить по два-три ученых с тем, чтобы они собрались в Варшаве или Белграде для обсуждения вопроса о сближении письма у славян. Их задачей было разработать в духе славянской взаимности правила развития славянских языков, предупреждающие их дальнейшее расхождение. "Если нам не суждено иметь один литературный язык, – заявляла Матица, – наша обязанность, следуя примеру древних греков, стремиться к тому, чтобы наши языки возможно более сближались"³³. Инициатива Иллирской матицы вызвала резкое

недовольство в Вене. Потребовались неимоверные усилия хорватских властей, чтобы спасти общество от запрещения. Между тем некоторые славянские учреждения поддержали призыв загребских литераторов и выразили пожелание, чтобы Матица начала издавать журнал, способный прокладывать путь к взаимному сближению.

Роль матиц в жизни славянских народов в XIX в. трудно переоценить. Это были национально консолидирующие и в ряде случаев единственные национальные организации у славян. И именно поэтому их деятельность по сближению этих народов была особенно значимой. В свою очередь знамя славянской консолидации помогало организационному становлению и материальному укреплению самих этих обществ.

Под знаком славянской общности заметно расширились и участились контакты между отдельными представителями славянских культур. Так, не раз упоминавшиеся деятели "Русской троицы" опирались на поддержку О. М. Bodянского, И. И. Срезневского, М. Максимовича, П. И. Шафарика, Я. Коллара, К. В. Запа, К. Гавличека-Боровского, Я. П. Коубека, Г. Петровича, Т. Павловича, Ф. Курелаца и других славянских ученых и литераторов, руководствовавшихся сознанием межславянской солидарности³⁴. Формы индивидуальных контактов были самые разные: от переписки, личных встреч, бесед и моральной поддержки до обмена информацией, материалами и книгами, наконец, материальной помощи.

В рассматриваемое время культурным центром западного славянства была Прага. Город посещали многие славянские деятели, здесь в ряде случаев издавались их сочинения. Прага задавала тон национальной деятельности в других славянских землях, инициируя некоторые формы общественных мероприятий. И не случайно Прага была избрана местом проведения в 1848 г. Славянского съезда. Тесно связаны были с жизнью России представители южнославянской интеллигенции, находившиеся на учебе или постоянно проживавшие здесь.

Этническая близость славянских народов, подкрепленная сходством исторических задач, вставших перед ними на пороге Нового времени, преломилась в обострении сознания общности и идеях единения славян. Общеславянская мысль, порожденная внутренними потребностями развития отдельных славянских народов, оттенила общие черты их культур и придала специфику глобальному переходу славян на новый уровень духовной жизни национальной поры. При этом взаимное тяготение

славян друг к другу протекало при общем нарастании их европейских контактов.

Сознание славянской общности и идеи межславянского сближения усиливали гуманистическое, общечеловеческое содержание славянских культур, смягчая разновекторное воздействие католического и православного факторов, преодолевая духовную изоляцию, отвращая от узкого национализма.

Идеи сплочения славян дали импульс расширению и углублению на практике межславянских культурных связей. Они сыграли весьма положительную роль в духовном и общественном развитии славян, создавая условия для взаимного обогащения славянских культур, выравнивания их уровня и повышения участия славян в общеевропейском творческом процессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В последние десятилетия в России вышли работы, в которых рассматривалась или затрагивалась названная проблема: Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения (конец XVIII – начало XX в.). М., 1968; Лещиловская И. И. Иллиризм. М., 1968; Она же. Концепции славянской общности в конце XVIII – первой половине XIX века // Вопросы истории. 1976. № 12; Межславянские культурные связи. М., 1971; Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978; Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII–XIX вв. М., 1978; Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М., 1980; Мыльников А. С. Культура чешского Возрождения. М., 1982; Чуркина И. В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. М., 1986; Лаптева Л. П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 года). М., 1993; Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; Славянские материцы. XIX век. Ч. I, II. М., 1996 и др.

2. Бэлза И. Ф. Международные культурные связи и их роль в формировании национальных культур // Формирование национальных культур... С. 106.

3. Русалка Дністровая. Київ, 1987. С. 28.

4. Стеблій Ф. И. Західноукраїнські землі в культурних зв'язках України з південними слов'янами кінця XVIII – першої половини XIX ст. // З історії міжслов'янських зв'язків. Київ, 1983. С. 120.

5. Трофимович К. К. Развитие верхнелужицкого литературного языка в середине XIX века // Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. С. 174.

6. Бернштейн С. Б. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков // Формирование национальных культур...

7. Чуркина И. В. Становление национальных идей в словенской художественной культуре // Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX веков. М., 1985. С. 193, 194.

8. Стеблій Ф. И. Указ. соч. С. 118–119.
9. Липатов А. В. Литературный облик польского Просвещения (Особенности национального развития, общественные идеи и художественные направления от сарматского барокко до романтизма) // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982. С. 164, 165.
10. Панченко А. М. Чешские переводы "Слова о полку Игореве" XIX в. // Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. М., Л., 1957. Т. XIII. С. 636, 639.
11. Стеблій Ф. И. Указ. соч. С. 111–112.
12. Мыльников А. С. Указ. соч. С. 112.
13. Kolo. 1842. Т. II. С. 106.
14. Современник. 1838. Т. XII. С. 96.
15. Кишкин Л. С. Об изучении национальной образности в литературе (В порядке постановки вопроса) // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. С. 116.
16. Бэлза И. Ф. Указ. соч. С. 108, 109.
17. Отечественные записки. 1843. Т. XXX. Библиографическая хроника. С. 26–27.
18. Там же. 1840. Т. VIII. Науки и художества. С. 25.
19. Титова Л. Н. Польско-чешские театральные связи 30–50-х годов XIX в. // Межславянские культурные связи. С. 142–147.
20. Титова Л. Н. Чешский театр эпохи национального возрождения. Конец XVIII – первая половина XIX в. М., 1980. С. 70, 182.
21. Сербске летописи за год. 1825. Будим, 1824. С. V. (Фототип. изд.). Нови Сад, 1968.
22. Сын отечества. 1824. Ч. 94. С. 249. В 1829 г. журнал был объединен с журналом "Северный архив" под названием "Сын отечества и Северный архив".
23. Московский телеграф. 1827. Ч. XIII. С. 147.
24. Возглавляли отдел критики в рассматриваемое время В. Г. Белинский, затем В. Н. Майков. Показательно, что А. А. Краевский первый создал в 1859 г. в газете "С.-Петербургские ведомости" специальный отдел "Славянские земли".
25. Позиция журнала "Москвитянин" по славянскому вопросу специально рассмотрена в статье М. Ю. Досталь. См.: Досталь М. Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении 40–50-х годов XIX в. (по материалам периодики) // Славяноведение и balkанистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990.
26. Кеппен П. И. Литература славянских народов (Письмо к редактору журнала) // Журнал министерства народного просвещения. 1836. Кн. II.
27. Дениница. Варшава, 1842. С. 70.
28. Славянские матицы. Ч. II. С. 171, 172.
29. Жажек В. Матичарски покрет код словена у Аустрији и за време њиховог народног препорода // Културно-политички покрети народа Хабсбуршке монархије у XIX веку. Нови Сад, 1983. С. 189, 190.
30. Szabo Ag. Središnje institucije Hrvatske u Zagrebu. 1860–1873. Zagreb, 1988. С. 21–25.
31. Москвитянин. 1845. Ч. V. № 9. С. 85; Ч. VI. № 11. С. 42; Современник. 1846. Т. 42. С. 324–325.
32. Karlić P. Matica Dalmatinska. U Zadru, 1907. С. 15–16.
33. Цит. по кн.: Smičiklas T., Marković F. Matica hrvatska. 1842–1892. Zagreb, 1892. С. 25.
34. Славянские матицы. Ч. I. С. 195.

ИДЕИ ЮГОСЛАВИЗМА В ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Начальный период национального Возрождения югославян в Австрии относится ко второй половине XVIII в. Причиной его стали новые процессы в социально-экономическом развитии этих народов. Большое значение для их возникновения и развития имели реформы просвещенного абсолютизма Марии-Терезии и Иосифа II, преобразования, которые провели французы в части словенских и хорватских земель в период существования Иллирийских провинций (1809–1813). В результате на территории, где проживали словенцы, хорваты и сербы, были уничтожены многие препятствия для свободного развития капиталистических отношений: личная зависимость крестьян, патrimonиальный суд, в значительной степени цеховая система и т. д. Под влиянием французских и немецких мыслителей в этом регионе распространились идеи Просвещения, давшие мощный толчок южнославянскому национальному Возрождению. Определенное воздействие на национальных деятелей югославянских народов Австрии оказали, в частности, взгляды немецких просветителей Г. Э. Лессинга, И. Г. Гердера и других, поднявших в своих трудах вопрос о необходимости объединения германского народа в единое целое. Эти объединительные идеи, преломляясь в сознании славянских идеологов, приспособливались ими к насущным требованиям национальных движений югославян.

Большое значение для выработки мировоззрения югославянских национальных деятелей имели представления, сложившиеся у европейских ученых второй половины XVIII – начала XIX в., о нации, о тех основных признаках, которые отличают одну нацию от другой. Крупнейшие немецкие и славянские филологи (Ф. Аделунг, Я. Гримм, Й. Добровский, Е. Копитар, А. Х. Востоков и др.) считали, что главной отличительной чертой каждого народа является его язык. Они были убеждены, что существует единый славянский язык, который разделяется на несколько наречий. Такие взгляды были вполне объяснимы, ибо только в конце XVIII – первой половине XIX в. стали формироваться литературные языки ряда славянских народов (словенцев, словаков, украинцев) и модернизиро-

ваться у других (чехов, сербов, хорватов).

Эти идеи были восприняты и деяниями югославянского Возрождения. Так известный сербский просветитель Досифей Обрадович писал, что "закон и вера могут измениться, а род и язык никогда"¹.

Во второй половине XVIII в. в научных трудах появилось понятие "южные славяне". Впервые его употребил немецкий историк А. Л. Шлётцер в своем труде "Всеобщая северная история" (1771). Это понятие спустя два десятилетия использовал в своей книге словенский историк А. Линхарт².

Создание Наполеоном на землях южных славян Австрии Иллирийских провинций ввело термин "иллиры" в политическую номенклатуру. После возвращения данной территории под власть Габсбургов она получила название Иллирийского королевства, просуществовавшего, хотя и名义上, до 1849 г. Сам факт существования сначала Иллирийских провинций, а затем Иллирийского королевства сыграл важную роль в появлении и закреплении термина "иллиризм", которым было названо национальное культурное движение, распространившееся в юнославянских землях Австрии в 30–40-х годах XIX в.

Центром возникновения иллиризма стали хорватские территории. Часть из них входила в состав Венгерского королевства (провинции Хорватия и Славония), третья же провинция, населенная хорватами, Далмация в конце XVIII в. была присоединена к коронным землям Габсбургской монархии. Во всех трех провинциях население было довольно смешанным в национальном отношении. Помимо славян здесь жили немцы, венгры, итальянцы. Да и само славянское население не отличалось однородностью, кроме хорватов здесь проживали сербы. В Хорватии и Славонии они составляли приблизительно четвертую часть всего населения, в Далмации – одну пятую, в Военной Границе (тоже подчинявшийся Вене) – почти половину³.

Сербы и хорваты имели один и тот же язык, но отличались друг от друга вероисповеданием и национальным самосознанием. Вместе с тем, даже в среде славистов еще в 20-е годы XIX в. их воспринимали как единый народ. Так, великий чехословацкий ученый П. Й. Шафарик писал в "Истории славянского языка и литературы" (1826) о сербах-православных и сербах-католиках⁴.

Хорваты говорили на трех наречиях: большинство (Далмация, Славония, Дубровник) на штокавском, которым пользовались и

сербы; меньшая часть (Хорватия) – на кайкавском, близком словенским говорам, и совсем немного – на чакавском. Как можно видеть, в языковом отношении хорваты представляли собою переходную зону от сербского языка к словенскому.

В конце XVIII – начале XIX в. в разных районах хорваты пользовались разными самоназваниями. Этноним "хорват" употреблялся только в землях кайкавского диалекта (Хорватия). Население, говорившее на штокавском диалекте, называло себя "иллирами". Одновременно жители Дубровника и юго-восточной Далмации именовали себя словинцами, а жители Славонии – славонцами⁵. Штокавцы и кайкавцы не считали себя единым народом и развивали литературу каждый на своем наречии. Особенно богатые традиции имела штокавская литература, центром которой был Дубровник, переживший в XVI–XVII вв. вместе с Италией и средней Европой эпоху Ренессанса.

Уже в конце XVIII в. в Хорватии и Славонии возникло довольно сильное национальное движение, руководителем и носителем которого являлось хорватское дворянство. Венгерские правящие круги попытались урезать его автономные (муниципальные) права, которыми оно пользовалось с XI в. Особое возмущение хорватского дворянства вызвало стремление венгров заменить в официальных сферах латынь венгерским языком. В противовес этому хорваты выдвинули требование ввести хорватский язык. Кроме того, они потребовали объединения трех провинций, населенных хорватами (Далмации, Славонии, Хорватии), в Триединое королевство. Эти требования – введение хорватского языка и создание Триединого королевства – стали основными требованиями хорватских патриотов на протяжении многих десятилетий.

В второй половине XVIII в. наряду с дворянским движением в защиту муниципальных прав в хорватских землях стало развиваться национальное движение, связанное с европейским Проблеском. Его представители считали своей целью прежде всего возрождение литературы на родном языке. Первые просветители появились в Далмации. Францисканец Ф. Грабовац в 1747 г. издал книгу "Цвет беседы народа и языка иллирского или же хорватского", где практически отождествлял понятия "иллир" и "хорват".

В 1808 г. филолог Ф. Аппендини опубликовал в Дубровнике на итальянском языке "Грамматику иллирского языка". Он первым из ученых, не подвергая сомнению существование единого славянского языка, высказал мысль о делении его на четыре главных наречия – русское, польское, чешскословенское и иллирское.

Грамматика Аппендини до 40-х годов была издана еще дважды⁶.

Учение о четырех наречиях славянского языка было воспринято славянскими просветителями. Словак Ян Коллар, прославившийся уже в 20-е годы как певец славянской взаимности, стал проповедовать необходимость каждому образованному славянину знать все четыре главных славянских наречия. Именно через труды Коллара точка зрения Аппендини была воспринята хорватскими патриотами нового поколения, выступившими впервые со своими идеями в конце 20-х годов. В соответствии с представлениями науки того времени они считали основным отличительным признаком каждого народа его язык. Всех южных славян они рассматривали как единый иллирский народ с общим иллирским языком-наречием. Отсюда и движение хорватских национальных деятелей 30–40-х годов получило название иллиризма. Его лидером стал поэт, историк и филолог Людевит Гай. Первоочередной задачей он и его сторонники считали создание единого литературного языка для всех иллиров, в первую очередь для сербов и хорватов, и воспитание в обществе и народе любви к нему. В 1835 г. Гай ввел у хорватов чешский алфавит, а в 1836 г. перевел свои издания с кайкавского на штокавское наречие. Единство иллирского народа хорватские национальные деятели стремились обосновывать историческими аргументами. И. Кукулевич – Сакцинский доказывал, что современные южные славяне являются прямыми потомками древних иллирийцев⁷.

Считая южных славян единственным народом, Гай все же признавал, что серб, хорват и словенец всегда останутся таковыми, хотя наречие, история, фольклор и цели у них общие. "Серб никогда не захочет быть хорвatom или краинцем (словенцем. – И. Ч.), – писал он 23 декабря 1839 г. в своем издании "Даница Иллирска", – а эти двое последних ни за что не смогут быть сербами". И далее: "Наша цель не отбросить личные названия, но только объединить их под общим национальным именем, так как с каждым личным названием связаны особые события, которые все вместе составляют общую историю иллирской национальности"⁸. Гай причислял к иллирам словенцев, хорватов, славонцев, далматинцев, босняков, черногорцев, сербов, болгар. В 1849 г. он утверждал, что сербский язык – "наш литературный язык". Спустя пять лет видный хорватский ученый А. Т. Брлич опубликовал свою грамматику иллирского языка с двумя алфавитами – кирилловским и латинским. Во введении к ней он указывал: "Я не думаю, что хорваты и сербы две раз-

личные нации, которые говорят и пишут на различных языках"⁹. Молодая хорватская интеллигенция не считала вероисповедание решающим фактором, способным стать одним из главных признаков национальной принадлежности. В этом она отличалась, в частности, от сербского ученого Вука Караджича, который к характерным чертам нации кроме языка относил обычай и религию. Вместе с тем хорватские иллиры не отрицали большой роли религии в формировании нации. Они полагали, что иллирский народ должны объединять не только общий язык и литература, но и единая славянская церковь¹⁰.

Сначала иллиризм развивался как чисто культурное течение. Но в дальнейшем он приобрел политическую окраску. Этому способствовало подключение к иллирскому движению представителей дворян. Еще в 1832 г. граф Я. Драшкович, один из идеологов хорватского дворянства, издал "Диссертацию", в которой объявил о необходимости положить в основу хорватского литературного языка штокавское наречие, выступил за объединение хорватских земель в Иллирское королевство, равное по правам с Венгрией. Позднее он под влиянием идей Гая о принадлежности всех южных славян к единому народу высказался за создание Большой Иллирии, в которую помимо хорватских земель входили бы Воеводина, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Болгария. Драшкович тесно сотрудничал с иллирами, и последние взяли у него ряд положений, в том числе идею создания Триединого королевства с широкими автономными правами, а затем и Большой Иллирии.

Наиболее радикальных политических взглядов придерживался Л. Гай. Еще до революции он мечтал об установлении независимого югославянского государства и пытался найти поддержку своих планов у русского правительства и сербского князя Александра Карагеоргиевича¹¹. С конца 30-х годов Гай помышлял организовать восстание в Боснии и Герцеговине против турок. В 1846 г. он писал, что целью его является воссоздание Душанова царства или, как он называл его, Великой Иллирии во главе с династией Карагеоргиевичей¹².

Венские власти с большой подозрительностью относились к иллирскому движению. В 1843–1845 гг. было запрещено даже само слово "иллир". Но это запрещение только увеличивало популярность иллирских идей среди молодежи.

Хорватские иллиры вели среди сербских и словенских национальных деятелей активную агитацию. В словенских землях она

имела определенный успех. Само название "иллир" было известно словенцам еще в XVI в. Создатель первых словенских книг Примож Трубар иногда подписывался под своими трудами "Philopatridus Illiricus", т. е. "иллирский патриот"¹³. Мысль о необходимости более тесного сотрудничества между словенцами и хорватами появилась значительно позднее, во время существования Иллирийских провинций Наполеона. В 30-е годы в среде словенских национальных деятелей возникло два направления. Одно выступало за развитие самостоятельного словенского литературного языка и культуры, другое – за создание иллирского языка и культуры, общих для словенцев, хорватов и сербов. К первому направлению принадлежали словенцы из провинций Крайна и Приморье, где большинство населения было словенским и ему не угрожала ассимиляция. Они группировались вокруг критика и философа М. Чопа и поэта Ф. Прешерна, заложившего основы современной словенской литературы.

Второе направление было тесно связано с хорватским иллиризмом. Сторонники его являлись по преимуществу уроженцами Каринтии и Штирии, провинций, где словенцы находились в меньшинстве и угроза германизации была особенно реальной. Штирийцы и каринтийцы опасались, что только своими силами им не удастся устраниТЬ эту угрозу. Самый известный из словенских иллиров поэт Станко Враз полагал, что без великой жертвы словенский народ не сможет освободиться от иноземного ига. Такую жертву, по его мнению, принесли уже хорваты, отказавшись от своего народного имени "хорват" и приняв название "иллир". Хорваты отказались и от кайкавского наречия в пользу штокавского. То же должны сделать и словенцы, заменив свое имя и литературный язык на иллирские¹⁴. В письме к Прешерну от 1 августа 1838 г. Враз откровенно сетовал на отсутствие героических традиций у словенцев. "Что это за нация, – писал он, – если при создании своей литературы и духовной эманципации она не может опираться на какую-либо возвышенную идею. И откуда мы возьмем эту идею, если будем действовать самостоятельно? Может быть в героических традициях наших предков? А где наша история говорит о них?"¹⁵ Но таких крайних взглядов у словенцев придерживались немногие.

Для некоторых словенских иллиров, например, для епископа А. Сломшека, ученого-слависта Ф. Миклошича, иллирские идеи оказались временным увлечением, другие их понимали иначе, чем

хорваты. Так, один из самых убежденных словенских иллиров Матия Маяр, хотя и мечтал о слиянии всех юнославянских языков в единый литературный язык, все же считал, что им должно стать не штокавское наречие, а наречие, на котором говорит население между Любляной и Риекой, т. е. переходное от словенского к сербохорватскому¹⁶.

Накануне революции 1848 г. иллиры имели довольно прочные позиции в словенском национальном движении. Резкого противостояния между ними и сторонниками самостоятельного развития словенского литературного языка не было. И когда в начале 40-х годов словенские иллиры выступили с предложением ввести у словенцев по примеру хорватов чешский алфавит, их поддержали многие из тех, кто был против главной идеи иллиров – создания общего литературного языка для всех югославян.

Название "Иллирия" было известно и сербам. Богатейший человек из австрийских сербов Сава Текелия, позднее ставший главным благодетелем Сербской матицы, утверждал, что он послал два письма – одно в 1804 г. Наполеону, второе в 1805 г. австрийскому императору – с предложением дать имя "Иллирия" южным провинциям Австрии¹⁷. Трудно судить, действительно ли письма Текелии оказали влияние на именование Иллирийских провинций, но во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что в сербских национальных кругах на рубеже XVIII–XIX вв. это название имело хождение.

Сторонников иллиризма среди сербской интеллигенции Австрии было немного. Из них выделялся П. Йованович, директор сербской гимназии в Нови-Саде. В 1841–1845 гг. он издавал альманах "Бачка вила", в котором проповедовал свои взгляды. Альманах имел до 10 тыс. подписчиков¹⁸. Подавляющее большинство сербских патриотов в культурном и политическом плане были ориентированы на полунезависимое княжество Сербию, на создание единой сербской культуры и единого сербского государства.

В период революции 1848–1849 гг. сторонники иллиризма сыграли решающую роль в национальном движении юнославянских народов. В Словении они создали первую словенскую политическую программу Объединенной Словении; в хорватских, словенских, сербских землях ими были провозглашены первые юнославистские политические программы, правда, еще австрославистского толка. Во время революции юные славяне Австрийской монархии оказались в очень сложном положении. Их националь-

ные права не желали признавать ни Габсбурги, ни немецкие и венгерские революционные деятели. Враждебное отношение обоих лагерей к национальным стремлениям сербов, хорватов и словенцев, усилило тягу этих народов друг к другу, к совместным действиям. И чем решительнее выступали немцы и венгры против требований южных славян, тем более сплачивались последние.

В особенно трудных условиях находились сербы и хорваты, с желаниями которых венгерское революционное правительство совершенно не хотело считаться. Попытки сербских и хорватских политиков договориться в апреле 1848 г. с Л. Кошутом и его окружением успеха не имели.

Разрыв венгров с сербами произошел в марте, с хорватами – в апреле. Избранный хорватами бан Й. Елаич отказался ехать в Пешт для принятия присяги и запретил властям Хорватии и Славонии платить налоги в венгерскую казну. Проходившая в середине мая в Сремских Карловцах сербская скупщина провозгласила создание сербской административной единицы Воеводины в союзе с хорватским Триединым королевством, избрала правительство во главе с лидером либералов Д. Стратимировичем, объявила митрополита Й. Раичича патриархом. Пештское правительство не только не признало законность решений скупщины, но и развязало в начале июня военные действия против сербов, требуя, чтобы она отказались от своих решений¹⁹.

В начале июня был создан хорватский сabor. На нем торжественно заявили о создании Триединого королевства в союзе с Воеводиной и словенскими землями, Елаича возвели в должность бана и главнокомандующего хорватской армией. Клятву верности хорватскому народу Елаич произнес перед Сербским патриархом Раичичем, так как загребский епископ Хаулик отказался признать созыв сабора законным. Процедура принесения присяги была встречена всеобщим ликование²⁰. Решения хорватского сабора венгерское правительство так же признало незаконными, как и постановления сербской скупщины. И в этом его решительно поддержали венские власти: контрреволюция и революция действовали на редкость сплоченно против южных славян.

В переговорах с венграми в конце июля хорваты выставили требования, соответствовавшие решениям сабора, но наряду с ними и требование признания автономии Воеводины. Венгры были готовы пойти на некоторые уступки хорватам, но сербские притязания решительно отметали. Елаич прервал переговоры, хорват-

ские либералы во главе с Гаем поддержали его действия. В их газете "Славенски юг" появились статьи, восхвалявшие хорватского бана, в котором они видели щит и спасителя всего славянства²¹.

Сербские и хорватские лидеры выступали как единая сила, поддерживая требования друг друга, не только по отношению к внешним противникам, но и перед лицом хорватской и сербской реакции, пытавшейся поссорить сербов и хорватов. Уже в июле 1848 г. загребский капитул с помощью некоторых хорватских офицеров, выступавших за союз с венграми, стал распространять слухи, что якобы сербы намерены всех хорватов перевести в православие. В ответ на это правительство Воеводины 13 июля издало обращение "Славяnam римо-католикам в Среме и Славонии", в котором объявляло о своем стремлении защищать католиков от всех, кто посягнет на их веру. В свою очередь, хорватским сабором был принят закон "О пресечении ложных слухов о том, что римо-католической церкви грозит опасность". Он предписывал католическим епископам разослать по хорватским церквам послания, опровергавшие слухи о желании православной церкви подчинить себе католиков. И позднее Раич обходился к православным, запрещая ругать и преследовать католиков; а Елаич, в свою очередь, призывал католических и православных священников иско-ренить религиозную нетерпимость среди своей паствы. Подобные действия со стороны признанных лидеров сербов и хорватов по-зволили предотвратить столкновения между сербским и хорват-ским населением²².

Вплоть до конца сентября, когда венгерское правительство объявило о своем полном разрыве с Веной, габсбургские власти поддерживали его в борьбе с сербами и хорватами. После разрыва с венграми они вынуждены были обратиться за поддержкой к южным славянам. Так в октябре 1848 г. возник союз между правя-щими кругами Австрии и национальными движениями хорватов и сербов, права которых венгерские и немецкие революционеры не желали признавать.

Революция 1848 г. способствовала превращению культурных программ иллиров в политические югославистские программы. В ноябре 1848 г. в "Славенском юге" было опубликовано несколь-ко проектов переустройства Габсбургской монархии. Один из них, разработанный хорватским сербом О. Острожинским, являлся наиболее полным вариантом югославистской программы. Остро-жинский предлагал основать на месте Австрии конфедерацию зе-

мель, созданную по этническому принципу. В конфедерацию должны были войти немецкая, венгерская, чехославянская, югославянская, польско-русинская, румынская и итальянская административные единицы. Общими для них были бы армия, финансы, внешняя торговля, иностранные дела, во всех остальных делах они проводили бы самостоятельную политику²³. Таким образом Острожинский видел югославянское политическое объединение частью Австрийской монархии.

Подобные югославистские планы появлялись и у словенцев. В начале апреля 1848 г. Матия Маяр, ставший главным идеологом словенцев в период революции, выдвинул программу Объединенной Словении, предусматривавшую создание автономной административной единицы в этнических границах словенцев со своим самоуправлением, со словенским языком в школах и учреждениях. По мнению Маяра, она должна была находиться в союзе с Хорватией, Славонией и Далмацией. В мае 14 каринтийских патриотов (в том числе и Маяр) послали приветствие сербской скопшине в Сремских Карловцах с призывом восстановить прежний союз между сербами, хорватами и словенцами, "который бог скрепил между ними силой общей крови и языка"²⁴. А хорватскому сабору в начале июня была вручена петиция, подписанная 11 тыс. словенцев из Штирии, в которой выражалось желание объединить словенские земли с хорватскими²⁵.

Словенская пресса свидетельствует, что словенские патриоты, следя за драматическими событиями, происходившими в Венгерском королевстве, все свои симпатии отдавали хорватам и сербам.

Но уже летом 1848 г. положение несколько изменилось. Словенские национальные деятели стали выдвигать австрославистские программы без учета югославистских моментов. В июле 1848 г. Маяр опубликовал план создания чисто славянской державы под скипетром Габсбургов, без немцев, венгров, итальянцев. Стремления последних образовать собственные государства, по мнению Маяра, должны были быть удовлетворены. Что касается славянской державы, то она включала бы Словению, Хорватию, Славонию, Далмацию, Воеводину, Чехию, Галицию, Владимиерию, Моравию, Словакию. В ноябре 1848 г. Маяр в статье "Провинции нашей империи" несколько видоизменил свой проект. В это время вопрос о создании Объединенной Германии и независимой Венгрии утратил свою актуальность, и Маяр уже не мог мечтать о

чисто славянском государстве. Теперь, согласно его плану, в новую конфедеративную Австрию должны были войти пять административных единиц, устроенных по национальному признаку: немецкая, венгерская, румынская, итальянская и славянская (Славия). Рассматривая всех славян как единый народ, разделенный на племена, Маяр считал, что автономная Славия в свою очередь должна иметь федеративное устройство. Каждое из славянских племен, а их Маяр в Австрии насчитывал восемь (словенцы, далмато-хорвато-славонцы, сербы, чехи, мораване, словаки, поляки, русины), должно иметь права самоуправления и ни одно из них не могло обладать преимуществами по сравнению с другими²⁶. Вместе с Маяром переход от югославизма к всеславянским идеям (пока еще в форме австрославизма) наблюдался и у других словенских илиров.

Таким образом, в годы революции южными славянами на повестку дня был поставлен вопрос о политическом объединении южных славян — сербов, хорватов, словенцев, правда, еще в пределах Австрии. Создателями югославистских политических программ являлись либералы, в своем большинстве участвовавшие в иллирском движении. Эти программы активно разрабатывались хорватскими и отчасти словенскими политиками. Сербы относились к ним более сдержанно, поскольку главной целью для них по-прежнему являлось объединение с Сербией, австрийское югославянское содружество для них было все же переходным этапом.

Однако совместная борьба против венгров и немцев укрепила сотрудничество и взаимопонимание между сербскими, хорватскими и словенскими национальными деятелями. Результатом сближения сербов и хорватов стало совещание в Вене югославянских ученых в конце марта 1850 г. На нем был заключен литературный договор, согласно которому хорваты принимали реформу В. Караджича. Этим договором закладывались основы развития единого сербохорватского литературного языка на базе штокавского наречия. Договор подписали хорваты Л. Гай, И. Кукулевич, А. и И. Мажураничи, сербы В. Караджич, Дж. Даничич, словенец Ф. Миклошич, уже в то время ставший крупнейшим европейским авторитетом в области славистики²⁷.

Создание основ единого сербохорватского языка и политической югославянской программы — таковы важнейшие национальные итоги революции 1848–1849 гг. для южных славян Австрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Екмечић М. Стварање Југославије. Београд, 1989. Т. I. С. 53.
2. Там же. С. 49, 50.
3. Фрейдзон В. И. Хорватия // Формирование национальных независимых государств на Балканах. М., 1986. С. 227.
4. Екмечић М. Стварање Југославије. С. 440.
5. Данилова А. В. От культуры народностей к хорватской национальной культуре // Концепции национальной художественной культуры. М., 1985. С. 134.
6. Екмечић М. Стварање Југославије. С. 182, 421.
7. Данилова А. В. Указ. соч. С. 144, 145.
8. Korunić P. Jugoslavenska ideologija horvatskoj i slovenskoj politici. Ljubljana, 1986. С. 31, 32.
9. Екмечић М. Стварање Југославије. С. 422.
10. Korunić P. Op. cit. Р. 149, 150.
11. Фрейдзон В. И. Указ. соч. С. 230, 232, 233.
12. Екмечић М. Стварање Југославије. С. 454, 455, 466.
13. Rupej M. Primoz Trubar. Ljubljana, 1962. S. 77.
14. Slodnjak A. Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968. S. 127.
15. Kardej E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1970. S. 290, 291.
16. Cerkina I. Matija Majar-Ziljski. Ljubljana, 1974. S. 14.
17. Екмечић М. Стварање Југославије. С. 179.
18. Крестић В. Историја српске штампе у Угарској 1791–1914. Нови Сад, 1980. С. 47, 54.
19. Перовић Р. О српском покрету у Војводине 1848/1849 // Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848–1849. Београд, 1952. С. XXVII.
20. Крестић В. Историја срба у Хорватској и Славонији 1848–1914. Београд, 1992. С. 22.
21. Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848–1849. Zagreb, 1979. S. 229–232.
22. Крестић В. Историја срба... С. 23–27.
23. Korunić P. Op. cit. S. 114, 115.
24. Prelog M. Slavenska Renesansa. Zagreb, 1924. S. 325.
25. Ilešić F. Os. na knj: Dezelic V. Slovenci za sjedinjenje s Horvatskom god. 1848 // Carniola. Ljubljana 1910. S. 157.
26. Cerkina I. Op. cit. S. 29, 30.
27. Данилова А. В. Хорватская культура (1835–1867) // Становление национальной классики. М., 1991. С. 131.

Джонг, Хи-Сок
(Республика Корея)

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В МИРОВОЗЗРЕНИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Идея славянского единства в российской общественно-политической мысли XIX в. занимает особое место и актуальна по сей день. Представители различных идеино-политических течений интерпретировали ее по-разному и использовали для пропаганды своих взглядов и целей не только в политической, но и в научной, и в творческой сферах.

Своебразное преломление идея славянского единства нашла во взглядах Ф. И. Тютчева (1803–1873). Выдающийся русский поэт, долгие годы состоявший на дипломатической службе, как известно, проявлял серьезный интерес к славянским проблемам. Взгляды Тютчева на славянский вопрос уже рассмотрены некоторыми историками в России и на Западе. Их затрагивали американские ученые Г. Кон, М. Петрович и Ф. Фаднер в работах, посвященных панславистской идеологии¹. В дореволюционной России славянские сюжеты в творчестве Тютчева впервые рассмотрел его зять И. С. Аксаков, издавший в 1874 г. биографическую книгу о поэте². Он стремился подчеркнуть связь творчества поэта со славянофильской идеологией. В дальнейшем о Тютчеве были написаны сотни книг и статей, однако основная масса их авторов традиционно занималась анализом жизни и творчества поэта и лишь незначительная их часть писала о его общественно-политических взглядах. В современной российской историографии наше внимание привлекают исследования К. В. Пигарева, В. В. Кожинова, В. А. Дьякова, М. Ю. Досталь и других³, которые, однако, специально идею славянского единства в мировоззрении поэта не рассматривали.

Учитывая это, автор данной статьи ставит перед собой задачу дать характеристику идеи славянского единства в понимании Тютчева, рассмотреть его взгляды на проблему славянского единства в связи с внешнеполитическими сюжетами в его трудах, намеревается показать не столько их сходство с идеологией славянофильства, сколько различие с ней.

Интерес к славянскому вопросу зародился у Тютчева еще в 20-х годах, когда среди студентов Московского университета, где

он учился, обсуждались идеи о "соединении всех славянских племен в одно целое, в одно государство", как об этом свидетельствовал М. П. Погодин.

Почти 20-летнее пребывание Тютчева за границей на дипломатической службе сыграло большую роль в формировании мировоззрения поэта. Он изучал немецкую философию, а, будучи в Мюнхене в 1829 г., познакомился с Ф. В. Шеллингом, читавшим тогда лекции в тамошнем университете.

Находясь в Европе, Тютчев не порывал связи с родиной и во время своих приездов в Россию интенсивно общался с литераторами, университетскими товарищами – М. П. Погодиным, И. В. и П. В. Киреевскими и др. Без сомнения, рассуждения о судьбах славянства, высказываемые в этих кругах, глубоко впечатляли поэта.

Впервые идея единения славян была выражена им в стихотворении "Альпы" (1830 г.). Здесь славянские и православные народы трактуются как одна семья, и выражена, хотя и в иносказательной форме, идея создания Восточной империи во главе с Россией. Затем Тютчев говорил о славянском единстве в стихотворении, посвященном взятию Варшавы в 1831 г. Борьба российского самодержавия против мятежной Польши воспринималась Тютчевым как борьба за сохранение целостности славянской державы, которая должна была выполнить предопределенную русскому народу великую историческую задачу: "Славян родные поколенья / Под знамя русское собрать / И весть на подвиг просвещенья / Едино-мысленных, как рать"⁴.

Уже начиная с 40-х годов Тютчев обдумывал план объединения славянских народов под эгидой России. В его политической поэзии того времени можно видеть черты, сближающие поэта со славянофилами. Это – вера в самобытность славян, истинность православия, монархические идеалы и историческое призвание России как главы славянского мира.

Биограф поэта К. В. Пигарев не без основания полагает, что уже тогда в некоторых его произведениях можно усмотреть намек на будущие славянофильские великодержавные идеи Тютчева⁵. Историческая миссия России, считал Тютчев, диктовалась ей "высшим сознанием", Провидением. Империя, объединившая славян, должна была повести их к лучшему будущему – "на подвиг просвещенья", что оправдало бы "кровавую цену", которую придется заплатить за это будущее.

В 1841 г. Тютчев, уже ушедший с дипломатической службы, но продолжавший жить в Мюнхене как частное лицо, совершил путешествие в Прагу, где познакомился с В. Ганкой, видным деятелем чешского национального Возрождения. Навеянное этой встречей стихотворение "К Ганке" также содержало мысль о единении славянских народов, дотоле враждующих между собой и разъединенных завоевателями. Объединение славян Тютчев сравнивал с сиянием солнечного дня, рассветом новой жизни, началом новой эпохи: "Вековать ли нам в разлуке? / Не пора ль очнуться нам / И подать друг другу руки, / Нашим кровным и друзьям?... / Иноверец, иноземец / Нас раздвинул, разломил: / Тех обезъязычил немец, / Этих – турок осрамил... / О, какими вдруг лучами / Озарились все края! / Обличилась перед нами / Вся Славянская земля! / Горы, степи и поморья / День чудесный осиял, / От Невы до Черногорья, / от Карпатов за Урал / Рассветает над Варшавой, / Киев очи открыл, / И с Москвой золотоглавой / Вышеград заговорил! / И наре-чий братских звуки / Вновь понятны стали нам, – / Наяву увидят внуки / То, что снился отцам!"⁶.

Примерно та же мысль была выражена в стихотворении "От русского, по прочтении отрывков из лекций г-на А. Мицкевича", датированном 16–18 сентября 1842 г. В нем Тютчев призывал всех славян объединиться, а А. Мицкевича именовал "пророком" и "мужем примиряющей любови": "Воспрянь, разрозненное племя, / Совокупись в один народ- / Воспрянь – не Польша, не Россия- / Воспрянь Славянская Семья! И отряхнувши сон, впервые / Промолви слово: Это я!"⁷.

Славянофильско-мессианская направленность указанных стихотворений Тютчева не вызывает сомнения. Проявилась она и в его ранних публицистических опытах, в частности, в брошюре "Россия и Германия", написанной еще в бытность его в Мюнхене в 1844 г., в которой Тютчев пытался ответить на мучивший тогда русское общество вопрос: "Что такое Россия? Каков смысл ее существования, ее исторический закон?... Правда ли, что вселенная указала ей видное место?"⁸.

В отличие от славянофилов, Тютчев не противопоставлял Россию Европе. Он считал Россию Европой, но Восточной, со своими специфическими особенностями. Россия – такая же европейская страна, как и другие. Восточная Европа – это славянский и православный мир. По мнению Тютчева, Россия – душа и двигательная сила "Восточной Европы", т. е. славянства, представляющего

особый мир, объединенный духовным началом и самобытной жизнью. Однако Восточная Европа, в его понимании, еще не достигла высот своего развития. Она разрозненна, слаба и пока не занимает подобающего ей места в мире. Миссия России состоит в том, чтобы призвать Восточную Европу к жизни и дать ей свое имя, иными словами, объединить ее под своим верховенством. Путь к этому Тютчев видел в распаде Австрийской империи в результате революции, полагая, что Германия должна быть союзницей России в деле осуществления задачи объединения.

Следствием распада Австрийской, а затем и Османской империй, по Тютчеву, должно было стать создание "Славянской империи" под покровительством России. По его мысли, России как законной наследнице Византийской империи, предстоит присоединить к себе земли, входившие прежде в состав Священной Римской империи, принадлежавшие немцам, но населенные славянами, и создать "Великую Греко-Российскую Восточную Державу". Тютчев даже определил границы этого всеславянского царства в стихотворении "Русская география" (1848 г.): "Семь внутренних морей и семь великих рек... / От Нила до Невы, От Эльбы до Китая, / От Волги по Ефрат, от Ганга до Дуная... / Вот царство русское..."⁹ При этом столицей империи должен быть Константинополь.

"Объединение Восточной Европы, – указывал поэт, – может совершиться как путем естественного хода событий, так и силою оружия, причем в последнем случае мир подвергнется величайшим бедствиям"¹⁰.

В 1849 г. Тютчев писал, что будущее Европы связано с двумя событиями: "Эти два факта суть: 1) окончательное образование великой православной империи, законной империи Востока, одним словом – России будущего, осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя; 2) соединение двух церквей – восточной и западной. Эти два факта, по правде сказать, составляют один, который вкратце сводится к следующему: православный император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима; православный папа в Риме, поданный императора"¹¹. Этот откровенно утопический и совершенно нереальный план нельзя даже назвать политической программой Тютчева; утопично и его убеждение в том, что в 1853 г., через 400 лет после падения, Константинополь, вновь станет православной столицей. Поэтического вымысла здесь было больше, чем политики. В своих мечтаниях поэт выражал отвлеченные построения славяно-

филов о великой славянской империи, в основе которой должно было лежать не столько племенное, сколько духовное начало. Видя объединяющую народы силу в духовно-нравственном и религиозном факторах, Тютчев не придавал большого значения национальному моменту, тем более не раскрывал политические аспекты существования такой обширной державы.

Таким образом, уже тогда отчетливо выявились панславистские тенденции в мировоззрении Тютчева. Характерно, что славянофилы, с которыми он идейно в то время сближается, не ставили с такой четкостью идею всеславянского объединения под эгидой самодержавия.

Длительное пребывание поэта на дипломатической службе, без сомнения, усиливало его внимание к внешнеполитическим аспектам славянской проблемы. Славянский вопрос, далеко не сразу вошедший в плоть и кровь славянофильства, всегда имел в глазах поэта первенствующее значение. Тютчев, вернувшийся на родину в 1844 г., сразу сблизился со славянофилами, особенно с А. С. Хомяковым, соглашаясь прежде всего с их представлениями о противоположности России и Запада и убежденностью в особом пути развития России, чуждом социальных и политических конфликтов, характерных для западноевропейских стран. В то же время поэт не разделял взглядов славянофилов на крестьянскую общину и их идеи отчуждения России от западного мира.

Революция 1848–1849 гг. в Западной Европе произвела на Тютчева огромное впечатление и повлияла на развитие его мировоззрения в сторону консерватизма. Он был непримиримым противником революции, ибо она есть "не что иное, как апофеоз крайнего индивидуализма, олицетворяющего только стихию разрушения"¹². Главной же чертой русского характера поэт считал способность к самоотвержению и самопожертвованию. Россия, являясь христианской империей с ее великим нравственным началом, стоящая во главе всего "славяно-православного Востока", может и должна, по его мнению, служить мощным противовесом революционному и "антихристианскому" (католическому и протестантскому) Западу. С полной убежденностью говорил Тютчев о неотвратимости исчезновения в результате революции Австрийской империи, поработившей целый ряд славянских народов Юго-Восточной Европы и бывшей тогда крупнейшим европейским государством. "Освобожденные из-под власти Габсбургов славяне примкнут тогда к России"¹³.

Что же позволяет России стать объединительницей и главой славянского мира? Главное для Тютчева – не необозримые ее просторы, не политическое и военное могущество, не многовековой опыт государственности, даже не племенное родство со славянскими народами. Ему представлялось, что во внешней политике России, в противоположность Западу, есть этическое начало. То есть, главное – это православная традиция. По Тютчеву, его родина являлась законной наследницей Византийской империи. "Россия гораздо более православная, нежели славянская. И, как православная, она является залогохранительницей империи... Империя едина: православная церковь – ее душа, славянское племя – ее тело. Если бы Россия не пришла к Империи, то она зачахла бы", – заявлял поэт¹⁴.

Таким образом, в деле объединения славян на первом плане оказалось духовно-нравственное, религиозное начало. В этом смысле взгляды Тютчева отличались от идей славянофилов. По мере того, как последние расширяли рамки своей деятельности, национальный принцип приобретал у них все большее значение, оттесняя на задний план религиозное начало.

Однако, как представляется, на пути объединения славян стояло немало препятствий. Сложность положения во многом определялась и тем, что в религиозном отношении славянство не было единым. Такие крупные славянские народы, как чехи и поляки, исповедовали католицизм. О хорватах и словенцах Тютчев не упоминал.

В отношении чехов он полагал, что в результате распада Австрийской империи Чехия станет независимой и вернется к началам гуситской веры. Ему казалось, что, поскольку католицизм был навязан чехам силой, они легко обратятся к вере своих предков, исповедуемой гуситами (которую Тютчев неправомерно считал связанный с православными традициями).

Что же касается "крамольно-католической" Польши, в глазах поэта фанатической пособницы Запада, то путь к ее "обращению" лежал через коренные преобразования в Европе – распад Австрийской империи и образование великой православной Восточной Державы. В одном из своих стихотворений 1850 г. Тютчев писал: "Тогда лишь в полном торжестве / В славянской мировой громаде / Стой вожделенный водворится, / Как с Русью Польша помирится, – / А помирятся ж эти две / Не в Петербурге, не в Москве, / А в Киеве и в Цареграде..."¹⁵. Итак, великое православное царство

предполагало включение в него и Польши. Однако, каким образом католическая Польша будет входить в православную державу и на чем будет основано примирение, поэт не указывал.

Вторым препятствием на пути славянского объединения Тютчев считал Австрийскую империю. Само ее существование представлялось ему исторической несправедливостью. Выступление русского царизма против венгерской революции в 1849 г. им порицалось. Он считал, что Россия, спасая Австрию, действовала вразрез с интересами славянства. При этом поэт призывал царское правительство изменить проавстрийский внешнеполитический курс, как противоречащий национальным интересам России.

В одной из глав незавершенного трактата "Россия и Запад" (1849 г.), посвященной Австрии, Тютчев уделил особое внимание австрийским славянам. Он видел два пути, стоявшие перед ними: "Либо остаться славянами, сделавшись русскими, либо сделаться немцами, оставаясь австрийцами". В биографии Тютчева И. С. Аксаков так трактует этот тезис: ««Тютчев под словом "стать русскими" вовсе не разумеет ни государственного закрепощения, ни обруссения в тесном смысле слов. Употребив это выражение в черновой заметке для краткости, он дает ему тот смысл, что славяне или должны стать гражданами грекославянского мира, которого душой, без сомнения, может быть и есть только Россия, – или же погибнуть прежде всего духовно, т. е. утратить свою нравственную народную самостоятельность»¹⁶. Далее Аксаков разъяснял известный славянофильский постулат: "Славяне неправославные могут спасти в себе славянскую народность только под условием возвращения к православию"¹⁷. Оставаясь же католиками, они будут принадлежать Западу и утратят национальные черты славянства.

В отличие от славянофилов, противопоставлявших славянский мир Западу, Тютчев полагал, что всеславянская держава должна преследовать цели не борьбы, но примирения и духовного общения всех европейских народов. Утопия Тютчева, хотя и имела определенную панславянскую окраску, но была далека от политических построений панславизма. В ее основе лежало не завоевание ради завоевания, но духовное объединение.

Последующие внешнеполитические события придали взгляям Тютчева большую определенность. Крымская война окрылила его надеждами. Ему казалось, что Россия вступает, наконец, в поединок со всем Западом, и новый мир – "Великая Греко-Российско-

Восточная империя" – возникнет в результате этой борьбы, борьбы не на живот, а на смерть: "Дни настают борьбы и торжества, / До-стигнет Русь завещанных границ, / И будет старая Москва / Новей-шею из трех ее столиц /"¹⁸. Эта же уверенность выражена в стихо-творении "Пророчество" (1854 г.), которое Николай I запретил пуб-ликовать и собственноручно зачеркнул в нем две последние стро-ки: "И своды древние Софии, / В возобновленной Византии, / Вновь осенят Христов алтарь. / Пади пред ним, о царь России, – / И встань как всеславянский царь (курсив мой. – Д, Х-С.)"¹⁹.

Однако вскоре стало ясно, что борьба с европейской коалицией не под силу отсталой в экономическом отношении России. Пораже-ние в Крымской войне показало, что славянское освобождение – дело будущего. Николаевская Россия оказалась не в состоянии осуществить чаяния славянства. Севастопольская катастрофа и Парижский мир 1856 г. нанесли жесточайший удар всей политичес-кой концепции Тютчева. Тема великой исторической миссии Рос-сии как объединительницы славянства надолго исчезает из его творчества. Поэт не без горечи посмеялся над подарком шубы черногорскому князю Николаю Александром II, сказав, что "ничего другого Россия не может предложить балканским славянам"²⁰.

Под влиянием военных поражений и особенно севастополь-ской катастрофы взгляды Тютчева на современную ему действи-тельность, в частности славянский вопрос, претерпели изменения, характерные для большинства славянофилов. Он считал, что виною поражения являются неверные действия дипломатов и даже само-го царя. Тютчев упрекал покойного Николая I именно в том, что тот не сумел осуществить историческую миссию русской державы "воссоздать самостоятельность для всего племени". Великая ис-торическая миссия России, в которую Тютчев так долго верил, представлялась ему теперь уже малореальной. На смену идеи политического объединения славянских народов была выдвинута в качестве более непосредственной задачи проблема духовного единения славян. В связи с этим высказывания Тютчева в духе политического панславизма сменились рассуждениями о духов-ном единстве. Но это не значит, что вызванная сложившимися после Крымской войны обстоятельствами пассивная внешняя политика России в славянском вопросе удовлетворяла Тютчева. В целом он одобрял курс министра иностранных дел А. М. Горча-кова на выход России из политической изоляции, на отмену усло-вий позорного Парижского договора, на усиление влияния России

на Балканах, но считал, что проводится он недостаточно активно. В письмах, рассчитанных на известное распространение в петербургских, московских и даже заграничных гостиных, он утверждал, что в политике Горчакова присутствует "малодушность и неясность соображений" и что Россия должна сделать так, чтобы славяне "поняли, наконец, что вне России нет и не может быть никакого для них спасения"²¹.

После Крымской войны Тютчев еще больше сблизился со славянофилами, чему способствовала его тесная дружба с И. С. Аксаковым. Поэт, как и славянофилы, выступал за активизацию внешней политики России, в особенности на Балканах, поддержку освободительного движения славян за свержение иноземного ига – османского и австрийского, за отказ от сближения России с Австроией и Пруссией. В отличие от своей прежней позиции теперь Тютчев считал, что России следует искать не союза с Западом, а стремиться к разъединению с ним, поскольку всякий конфликт в этом регионе будет выгоден для нее. Реализацию внешнеполитических задач России Тютчев по-прежнему связывал со славянством, видя в нем союзника в борьбе против Османской и Австрийской империй. Одновременно он рассматривал славянское единство как противовес угрозе германизации славян.

Надежды Тютчева на славянское единство усилились с ростом национально-освободительной борьбы на Балканах во второй половине 60-х годов, в частности со времени восстания греков на острове Крит, начавшегося в 1866 г. Подобно И. С. Аксакову, Тютчев полагал, что решение славянского вопроса повлечет за собой нравственный переворот в русском обществе, окажет стимулирующее влияние на внутреннюю политику и обусловит либерализацию внутриполитической жизни. Многие тогда питали подобные надежды.

В то время поэт вновь вернулся и в своем творчестве к проблемам славянства. Мечты о политическом и национальном возрождении славян, выраженные в аллегорической форме, мы видим в стихотворении, сочиненном в июле 1865 г.: "Молчит сомнительно Восток, / Повсюду чуткоë молчанье... / Что это? Сон иль ожиданье, / И близок день или далек? / Чуть-чуть белеет темя гор, / Еще в тумане лес и долы, / Спят города и дремлют селы, / Но к небу подымите взор... / Смотрите: полоса видна, / И, словно скрытной страстью рдея, / Она все ярче, все живее – / Вся разгорается она – / Еще минута, и во всей / Неизмеримости эфирной / Раздастся благовест всемирный / Победных солнечных лучей"²².

Тютчев надеялся, что Австрийская империя вполне возможно прекратит существование в результате ее поражения в войне с Пруссией и под ударами национально-освободительного движения населяющих ее народов. В этом случае Россия, по его мнению, должна занять Восточную Галицию, населенную украинцами (по мнению Тютчева – русскими), включив ее в свой состав. Остальные славянские народы Австрийской империи создали бы независимые государства. Однако эти надежды не оправдались; Австрия в 1867 г. заключила сделку с Венгрией за счет славян и сохранила свой статус империи.

Этнографическая выставка 1867 г. в Москве и Славянский съезд, как считал Тютчев, должны были сыграть большую роль в деле пропаганды славянского единства. В письме к И. С. Аксакову от 10 мая 1867 г. он писал о необходимости того, чтобы "славяне воротились от нас проникнутые до мозга сознанием, что они дроби, а Россия – знаменатель, и только подведением под этот знаменатель может осуществиться сложение этих дробей"²³. Как видим, Тютчев вернулся к своей старой идеи о славянской империи, созданной помощью России. 11 мая 1867 г. поэт как член Петербургского славянского комитета, в качестве приветствия славянским гостям, прибывшим на славянский съезд, прочитал стихотворение "Славянам". В нем акцентировалась идея единства славян и их освобождения с помощью России: "Хотя враждебною судьбиной / И были мы разлучены, / Но все же мы народ единый, / Единой матери сыны; / Но все же братья мы родные! / Вот, вот что ненавидят в нас! Вам не прощается Россия / России – не прощают вас!"²⁴. Эти же мысли Тютчев развивал и в своей переписке. Так, в письме к Ю. Ф. Самарину от 15 мая 1867 г. поэт замечал, что славянское единое государство возникнет лишь тогда, когда славянские народы "искренне поймут, что составляют одно с Россией, когда почувствуют, что связаны с нею той зависимостью, той органической общностью, которые соединяют между собой все единые составные части единого целого, действительно живого"²⁵.

Тютчев по-прежнему продолжал безгранично верить в историческую миссию России как объединительницы славянства. Однако роль России понималась им уже несколько иначе. Если пользоваться терминологией тех лет, тютчевский политический панславизм все более уступал место "панславизму духовному". Будущее объединение славян мыслилось, прежде всего, на культурно-исторической, а не на самодержавно-государственной основе.

Россия, в его понимании, призвана стать по отношению к славянским племенам силой не внешней, хотя и дружественной, а неким нравственным и идейным центром их сплочения. Основой объединения являются общая культура, язык (конечно, русский), православие, а главное – взаимная необходимость в этом союзе, оплоте против чужеземных завоевателей и притязаний католицизма.

В программе реализации славянского единства Тютчев особое значение придавал таким этическим категориям, как ненасильственность, любовь. В стихотворении "Два единства" (1870 г.) он противопоставлял два разных метода объединения народов: бисмарковский, насильственный, и славянский, основанный на взаимной любви и общих интересах народов: "Единство, – возвестил оракул наших дней, – / Быть может спаяно железом лишь и / Кровью... / Но мы попробуем спаять его любовью, – / А там увидим, что прочней..."²⁶.

В отличие от славянофилов, Тютчев отнюдь не считал, что Россия должна замкнуться в славянском мире. В письме к И. С. Аксакову от 2 ноября 1871 г. он говорил даже о возможности войти в мирное духовное общение с Германией: "Тут зарождается такое поистине примирительное начало, до того преобладающее над всею племенною рознью и политическими соображениями, что оно одно вполне определяет настояще призвание России"²⁷. В письме к И. С. Аксакову 17 ноября 1872 г. поэт высказывался за установление добрых отношений с Австрией, которая являлась, как он считал, противовесом растущему влиянию Германии. В действительности же Австрия уже была тесно спаяна с Германией.

Поэт ни в коей мере не разделял мнения, что Россия и западные страны враждебны в своих основных устоях и принципах. Он относился непримиримо лишь ко вполне определенным силам и тенденциям Запада, воплощавшимся в том же римском папстве, и в прусском милитаризме, и в английских буржуазных политиках, и разумеется, в фигуре Наполеона III. В своей политически-историософской концепции Тютчев определял эти силы как многоголикие выражения воинствующего индивидуализма, который являл в его глазах источник всякого зла вообще²⁸.

Ратуя за независимость зарубежных славян, поэт в принципе не допускал польского и украинского "сепаратизма" и утверждал необходимость целостности самодержавной России. В частности, восстание в Польше 1863–1864 гг. Тютчев, подобно славянофилам, расценивал как покушение на славянское единство, на незыб-

лемость самодержавия и православной империи и потому выступал за жесткие меры его подавления.

Представления Тютчева о славянском единстве были утопичны: в тот период его реализация была невозможна. И не только потому, что этому противодействовал Запад. Сами славяне были далеки от него. В чем же причина? Тютчев задавался этим вопросом. В 1867 г. в стихотворении "Славянам" он писал: "Опально-мировое племя, / Когда же будешь ты народ? / Когда же упразднится время / Твоей и розни и невзгод, / И грянет клич к объединению, / И рухнет то, что делит нас?"²⁹. Он уже начинал понимать, что славяне – разные народы, каждый со своей верой, историей, обычаями, языком и разными политическими и экономическими интересами и задачами, но надежда на их объединение все же не оставляла его.

Наивная вера в силу морально-этических категорий была характерна не только для Тютчева. В идеологии славянофилов, да и философов других направлений (например, Вл. Соловьева), они также трактовались как скрепляющие силы славянского мира.

Итак, в целом воззрения Тютчева на славянский вопрос в переформенный период мало чем отличались от его ранних представлений. В них наблюдалось то же близкое сходство со славянофильскими концепциями. Нельзя отрицать в системе взглядов поэта и наличие элементов политического панславизма, характерных и для его убеждений предыдущего периода.

Встает вопрос, является ли идея славянского единства Тютчева выражением панславистской идеологии? Сам он в набросках незавершенного трактата "Россия и Запад", сохранившихся в бумагах поэта, определил содержание понятия "панславизм" следующим образом: "Истинный панславизм в массах. Он проявляется в общении русского солдата с первым встретившимся ему славянским крестьянином, словаком, сербом, болгарином и т. п., даже мадьяром... Все они солидарны между собой по отношению к немецу". Итак, главная особенность панславизма – антигерманализм, объединение славян перед лицом немецкой опасности. Вторая черта панславизма – "никакая политическая национальность невозможна для славян вне России"³⁰. В таком ракурсе взгляды Тютчева можно считать панславистскими. Тютчевская концепция панславизма основывалась на консервативно-религиозном начале. Он органически не воспринимал демократического понимания идеи славянского единства, выдвигаемого М. А. Бакуниным, в основе которого лежал принцип национальной свободы.

В понятие "панславизм" в разные времена различные деятели вкладывали свое понимание. Если рассматривать это понятие как выражение агрессивности объединенного славянского мира во главе с Россией в отношении Запада, то, на наш взгляд, интерпретация идеи славянского единства Тютчевым далека от такой трактовки. Панславизм как идею политического объединения славян в едином государстве славянофилы, в частности И. С. Аксаков, категорически отрицали³¹. Определение панславизма дал во второй половине XIX в. А. Н. Пыпин, считавший, что в его основе лежала борьба славян за национальное освобождение, солидарность славянских народов на почве общности культуры³².

Исследование тютчевской идеи славянского единства позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, она была основана на вере в историческую миссию России как освободительницы и объединительницы славянского мира, который противостоял "революционной" Европе. Консерватизм идеи заключался в предположении, что славянский мир будет основан на монархических началах и принципах православия, символом величия которого представлялся Константинополь.

Во-вторых, в тютчевской трактовке идеи славянского единства ясно просматриваются государственные интересы России: сохранение территориальной целостности, усиление политического влияния на Балканах. Для поэта одно не противоречило другому: интересы России объективно совпадали с интересами славянских народов – таково политическое и моральное кредо Тютчева-мыслителя.

В третьих, его идея славянского единства имела скорее историософский, чем политический и прагматический характер. У него не было конкретного плана устройства государства славян и способа осуществления своей идеи.

Нельзя не отметить, что Тютчев явно недооценивал различия и противоречия между славянами, хотя в более поздний период он начал понимать, что славяне – разные народы, каждый со своей верой, историей, обычаями, языком и разными политическими и экономическими интересами и задачами. В религиозном отношении Тютчев ограничивался указанием на разность двух христианских конфессий и не видел вражды между славянами-мусульманами и православными, поскольку мало внимания уделял балканским славянам. К тому же, преувеличивая роль России в деле славянского единства, поэт не придавал должного значения на-

циональной идеологии в ряде славянских земель, исключающей участие России в устройстве славянского мира (австрославизм, югославизм, идеи "Великой Сербии", идеи "Великой Иллирии" и т. п.). Также поэт игнорировал огромное влияние Запада на зарубежных славян, их прозападную ориентацию и боязнь оказаться под властью или под влиянием самодержавной России.

В конце концов, как справедливо отметила М. Ю. Досталь, историософская утопия Тютчева о создании "греко-славянской державы" под эгидой России, изложенная в его статьях, возможно способствовала созданию на Западе мифа об угрозе панславизма, якобы являющегося реальной целью внешней политики России того времени, хотя это и не соответствовало действительности³³.

Тютчев, как никто другой, силой своего таланта выразил в художественной форме внешнеполитические идеи славянофилов, в том числе идею славянского единства, пропагандируя их среди широких читательских масс. Эмоциональность и страсть его "политических" стихотворений воздействовала на читающую публику гораздо сильнее, чем сухие философские и публицистические статьи, и в целом его творчество сыграло заметную роль в усилении "славянских симпатий" русской общественности накануне и в период Восточного кризиса 70-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Kohn H. Pan-Slavism. Its History and Ideology. 2 ed. New York, 1960. P. 150–160; Petrovich M. B. The Emergence of Russian Panslavism 1856–1870. New York, 1956. P. 46–47; Fadner F. Seventy Years of Panslavism in Russia: Karamzin to Danilevsky, 1800–1870. Georgetown, 1962. P. 279–292.
2. См.: Аксаков И. С. Ф. И. Тютчев (Биографический очерк). М., 1874.
3. См.: Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962; Досталь М. Ю. Славянский вопрос в творчестве и общественно-политической деятельности Ф. И. Тютчева // Общественная мысль и славистическая историография. Калинин, 1989. С. 8–14; Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 37–40; Кошинов В. В. Тютчев. М., 1994; и др.
4. Тютчев Ф. И. Сочинения. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 70.
5. Пигарев К. В. Указ. соч. С. 47.
6. Тютчев Ф. И. Соч. Т. 1. С. 302–303.
7. Там же. С. 173.
8. Там же. С. 189.
9. Там же. С. 305.
10. Тютчев Ф. И. Политические статьи. Paris, 1876. С. 16.
11. Литературное наследство. Ф. И. Тютчев. М., 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 192.
12. Там же. С. 195.

13. Тютчев Ф. И. Политические статьи. С. 43–50.
14. Там же. С. 223.
15. Тютчев Ф. И. Соч. Т. 1. С. 310.
16. Аксаков И. С. Ф. И. Тютчев. С. 215–216.
17. Там же. С. 216.
18. Тютчев Ф. И. Соч. Т. 1. С. 137.
19. Там же. С. 307.
20. Цит. по: Пигарев К. В. Указ. соч. С. 157.
21. Литературное наследство. Ф. И. Тютчев. С. 410.
22. Тютчев Ф. И. Соч. Т. 1. С. 204.
23. Литературное наследство. Ф. И. Тютчев. С. 296.
24. Тютчев Ф. И. Соч. Т. 1. С. 357–358.
25. Пигарев К. В. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. М., 1935. Т. 19/21. С. 236.
26. Тютчев Ф. И. Соч. Т. 1. С. 384.
27. Литературное наследство. Ф. И. Тютчев. С. 360.
28. Кожинов В. В. Указ. соч. С. 448.
29. Тютчев Ф. И. Соч. Т. 1. С. 359.
30. Литературное наследство. Ф. И. Тютчев. С. 222.
31. И. С. Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 2. Ч. 1. Письма 1848–1851 годов. С. 160.
32. Подробнее об этом см.: Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 46–53.
33. Досталь М. Ю. Указ. соч. С. 14.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ
ОБОСНОВАНИЯ ИДЕИ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА
В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В общественной и научной жизни России XIX век наполнен различными теориями, основной смысл которых зачастую состоял в призывах к славянской политической солидарности и государственному единению. Эти теории выводились из этнокультурной специфики славян, обосновывавшейся в исследованиях ученых-славистов¹. Круг источников, обнаруживающий характерные особенности славянской общности, постоянно расширялся, велись поиски проявлений языкового и культурного единства славян. В России эту работу возглавили университетские профессора, ежедневно встречавшиеся со скептически настроенной молодежной аудиторией, которая требовала подтверждений любой теории конкретными фактами. Перед такой аудиторией в течение тридцати лет выступал профессор Нил Александрович Попов, первый лектор курса истории славян в Московском университете.

Н. А. Попов принадлежит к числу известных, но малоизвестных отечественных славистов. Из всего его огромного научного наследия обычно цитируется лишь книга "Россия и Сербия"² – историческое исследование частного вопроса. Взгляды же Попова на славянский вопрос, на популяризацию идеи славянской взаимности, как ни странно, современной наукой не анализируются. Это еще более удивительно, если вспомнить, что Попов был организатором Славянского отдела Этнографической выставки 1867 г., более десятилетия занимал должность секретаря Славянского благотворительного комитета в Москве и был его первым историографом, публикатором многочисленных документов по славянской истории, автором публицистических статей. Наконец, увлечение Н. Попова эпистолярным жанром содействовало накоплению в его личном архиве писем ученых и общественных деятелей из всех славянских стран, содержащих самые разнообразные взгляды по славянскому вопросу. Исследователи славянофильства так и не опубликовали переписку Н. А. Попова с И. С. Аксаковым, не проанализировали их отношения – секретаря Комитета и его председателя. С. А. Никитин, ведущий исследователь истории славян-

ских комитетов, хорошо знавший деятельность Попова, затруднился дать ей оценку, но все же отделял Попова и от славянофилов, и от панславистов³. Тем более он не характеризовал, подобно современному исследователю В. В. Кириллову, Попова как "ярого консерватора, принадлежавшего к катковскому кругу, врага всего прогрессивного"⁴. Статья В. В. Кириллова написана исключительно по материалам старых энциклопедических словарей, но претендует на некий новый взгляд, противостоящий мнению С. А. Никитина, якобы являющемуся "следствием идеологизированного подхода к истории".

Представление о взглядах Попова на проблему славянской общности дает его небольшая по объему рецензия, озаглавленная им "К вопросу о славянских географических названиях", на "Географический словарь западнославянских и югославянских земель" Я. Ф. Головацкого⁵. Интерес автора настоящей статьи к этой работе не случаен. Рецензия Попова, опубликованная им в 1887 г. и именно в "Известиях С.-Петербургского Славянского благотворительного общества"⁶, оказалась последней из работ, написанных ученым по славянской тематике. Причин тому несколько, но в письме к своему коллеге, петербургскому профессору В. И. Ламанскому от 29 января 1884 г. Попов писал, что его "сношения со славянским миром почти прекратились" и "он более занимается русской историей, чем славянской"⁷. С 1888 г. Попов перестал читать лекции в Московском университете, полностью сосредоточившись на руководстве архивом министерства юстиции и реорганизации в Москве, этим крупнейшим собранием материалов по русской истории.

Жанр рецензии был любим Поповым: достаточно вспомнить, что его первой научной публикацией стал отзыв на книгу⁸. В рецензиях Попов не столько обращал внимание на достоинства и недостатки критикуемого издания, сколько сам ставил и рассматривал вопросы малоразработанных в науке тем. На эту особенность его научного мышления обращали внимание и коллеги во время докторских диспутов (к примеру, по магистерской диссертации В. О. Ключевского), и современные слависты (В. П. Гудков)⁹.

В рецензии на "Словарь" Головацкого Попов поставил несколько труднорешаемых вопросов и среди них – "О влиянии природы земель, занятых славянами, на их быт и историю" (с. 1). Понимание взаимообусловленности этнической истории и природных условий проявлялось уже в лекциях по русской истории и истории славян,

читанных Поповым в Московском университете с 1860 г.¹⁰ В курсе лекций по "Древней русской истории" Попов объяснял, например, что "в произведениях народного творчества историк должен изучить первоначальные народные воззрения на явления природы..."¹¹ Там же, описывая природу Русской равнины, он ссылался на своего учителя С. М. Соловьева, а в лекциях по истории славянской приводил собственные наблюдения, полученные во время поездки по Чехии, Сербии, Болгарии и Венгрии. Ярко описывая природу Военной Границы с многочисленными пуштами (степями) и болотами Притисья, Попов создавал образ земли, осваиваемой сербами с большими потерями¹². Он доказывал, что для выживания в венгерских степях, сербам пришлось изменить образ жизни (тип жилища, способы передвижения), но при этом не менялись культурно-языковые традиции. Попов был уверен, что "изучение земель, которые занимали и занимают славяне, столь же важно, как знание их языков, их быта и истории: без такого изучения не будет полно и правильно и это последнее" (с. 1). Результатом изучения должно стать составление словаря географических названий, который бы позволил выяснить ареалы обитания славян, их "род жизни и занятий", границы расселений и миграции. Понятна поэтому положительная реакция Попова на выход "Словаря" Головацкого, содержавшего более 6 000 названий, в том числе 3 966 славянских наименований.

Свой интерес к славянской топонимии Попов объяснял так: "В названиях гор и долин, рек и озер, лесов и пустынь, поселков и урочищ сказывался народный взгляд на природные свойства этих местностей, но также и на значение их в народной жизни" (с. 1). Иными словами, ученый рассматривал топонимы как источник изучения славянских народностей, подчеркивая при этом, что "в русской ученой литературе на славянское землеведение обращено мало внимания". Можно предположить, что Попов научился выделять объективную информацию, поставляемую совокупностью географических названий, изучая работы первого российского топонимиста Н. И. Надеждина. Такое предположение, хотя и не подтверждено документально, имеет основания: работы Надеждина, его биография и личный архив были хорошо знакомы Попову как публикатору переписки Надеждина с деятелями славянского возрождения¹³. Возможно, и знаменитое высказывание Надеждина – "... земля есть книга, где история человечества записывается в географической номенклатуре" – было знакомо Попову. По край-

ней мере, он его полностью разделял. Так, в программе курса "История южных славян", составленной Поповым для студентов-историков университетов, был специальный раздел "Характер земель, занятых южными славянами: Карпаты, Средне-Дунайская низменность, Балканский полуостров". В конспекте лекционного курса, читанного в 1886 г., этому разделу отводилась отдельная лекция. В ее тексте обращает на себя внимание этимология названия "Карпаты" – от корня "хрп", что значит "хребет"¹⁴. Интерес к славянской топонимии Попов проявлял и ранее. Так, на Археологическом съезде в Киеве в 1874 г. он участвовал в обсуждении докладов о географических названиях. В дневнике В. О. Ключевского сохранилась запись, что "на статью Износкова о названии сел в Казанской губернии... возражал Попов"¹⁵. Почему Ключевский упомянул именно об этом? Может быть, потому, что казанский материал ему был интересен при работе над Соловецким архивом, находившемся в Казани? Или замечания Попова были интересны потому, что делались по знакомому ему материалу (Попов жил в Казани и преподавал в университете с 1857 по 1860 гг.)? На съезде был заслушан также доклад чешского историка М. Коляра с предложением издать всеобщий славянский словарь. В обосновании проекта Коляр говорил, что "для историка и археолога названия местностей – это как бы окаменелые первоначальные документы о почве, первоначальной культуре, образе жизни, нравах и обычаях и расселении наших предков"¹⁶. Опубликованный в "Трудах" съезда доклад Коляра цитируется и Головацким в предисловии к "Словарю", и Поповым в рецензии. Замечу, что в вышедшей ранее рецензии А. С. Будиловича нет акцента на значимость топонимического материала для исторических исследований¹⁷. Однако, именно он, а не Попов, возражал на слишком прямолинейное заявление Головацкого о том, что в землях, заселенных славянами, были исключительно славянские названия рек, гор, селений. Будилович напоминал, что славяне – не автохтонное население, их распространение имело характер колонизации, постепенной ассимиляции, в том числе и топографических терминов. Современными исследованиями доказано, что в пределах славянского ареала всегда были дославянские и неславянские элементы¹⁸.

Для Попова же "Словарь" Головацкого важен как "необходимое пособие для исторических работ" и он показывает его возможности как источника. Так, он выбирает из "Словаря" 156 названий,

известных прежде по Лаврентьевской и Ипатьевской летописям и сохранившихся на картах XIX в., особенно выделяя верную идентификацию местечка Середа. В указателе к Ипатьевской летописи оно значится как село в Галицком княжестве, Головацкий же находит его в Силезии и тогда становится ясной следующая фраза из летописи: "Михаил... бежа с сыном своим в Ляхи Кондратови ... и приде ко месту немецкому именем Середу" (с. 10). Попов предлагал продолжить поиск славянских названий в Европе в текстах, опубликованных в "Памятниках дипломатических сношений древней России", где можно найти славянские названия мест, через которые проезжали русские послы XV–XVII вв.

Необходимой для историка признает Попов и работу, проделанную автором "Словаря" по сличению славянских и иноязычных названий в учебных изданиях, предназначенных для школ. Речь идет об учебном атласе немецкого картографа Э. фон Сидова, переведенном на русский язык и изданном Императорским Русским географическим обществом. В нем Головацкий обнаружил 125 названий славянских мест, написанных с искажениями. К примеру, сербский город Смедерево назван Семендрия, река Неретва в Герцеговине – Нарента, болгарский город Средец назван Софией и др. Требования Головацкого и Попова о внесении изменений в учебные планы не были исполнены. В "Учебном географическом атласе" Э. Ю. Петри (5-е изд., 1903) сохранилось искаженное написание названий.

Головацкий настаивал на замене всех иноязычных названий славянскими, Попов же предлагал "ставить на картах те и другие рядом": Аустерлиц – Славков, София – Средец, Лейпциг – Липск, Лайбах – Любляна, Рагуза – Дубровник и др. В ряде случаев даже в двойном написании не было необходимости. По мнению Попова, достаточно в "Словарях" приводить славянский топоним "как археологическую справку": Майнц – Могуч, Дрезден – Драждяны, Венеция – Банатки, о. Рюген – о. Рана и др. Скорее всего необходима, действительно, такая топонимическая справка, особенно в исторических атласах и географических указателях, с тем, чтобы читатели могли иметь точное представление об описываемом географическом объекте. К сожалению, на учебных картах так и не закрепилась практика двойных названий. К примеру, место рождения славянских первоапостолов г. Солунь чаще называют Салониками, а Рагузу на картах XIV–XVII вв. – Дубровником.

Попов не одобряет чрезмерное увлечение славянизмами в ге-

ографической номенклатуре, заимствованной из чешских источников и закрепившейся в русских научных изданиях. Например, в ходу были формы: "словенский" вместо "словацкий", "словинский" вместо "словенцы". Аргументация Попова, выступавшего против употребления таких названий, ясна и логична: "Начать надо с того, что сами словенцы (у немцев венды), населяющие Крайну, Истрию, Каринтию, Штирию, никогда не называют себя словинцами, а язык свой словинским, но говорят о себе Slovenec. Словинский – чешская форма образовалась единственно для того, чтобы не смешивать словенцев со словаками. Для русского языка такое различие не нужно: если от казак прилагательное казацкий, от рыбак – рыбацкий, то и от словак может быть только словацкий" (с. 11). Таким образом, он положил начало установлению тех норм написания славянских этнонимов, которыми пользуются и поныне.

Особое внимание Попов обратил на прилагаемую Головацким к его "Словарю" карту, которую он сравнивает с "Этнографической картой славянских народностей" М. Ф. Мирковича (1875 г.) и "Картой южных и западных славян" А. Ф. Риттиха, напечатанной в приложении к его книге "Славянский мир" (1886 г.). Сравнение было явно не в пользу Головацкого, который, "обходя иноязычные названия, дает одни славянские". Попов предупреждал: "Географ – не администратор; он должен только собирать историко-географический материал для восстановления или возобновления в памяти забытой и затертоей позднейшими иноязычными наслоениями топографической номенклатуры" (с. 13). Картографический материал для Попова – важнейший источник знаний, и потому к карте Головацкого он предъявляет серьезные требования. Нил Александрович был коллекционером и знатоком картографии. В его личной библиотеке, лучшем в Москве книжном собрании по славянской тематике, имелось множество карт и атласов¹⁹. В рецензии в качестве рекомендаций будущим исследователям славянской географии приведен библиографический перечень изданных в Европе карт славянских земель. Таких карт названо 12, кроме того в перечне есть три географических словаря, также не использованных Головацким, и ряд пособий по географии и топографии. Попов подразделил всю географическую литературу на шесть групп: словари; епархиальные каталоги, схемы, путеводители; карты; энциклопедии, описания путешествий; этнографические сочинения (с. 3). Проведя классификацию, он высказал пожелание выяснить "историю постепенной разработки географического материала у различных славян-

ских народностей, у мадьяр и у немцев в Австрии" (с. 3). Конечно, это пожелание относилось не столько к Головацкому, сколько к будущим русским исследователям. В программу "Славянская историография" для обязательного изучения в университетах Попов включил издания карт Беккера, Лежана, Мирковича, Головацкого, Риттиха²⁰.

В числе его учеников были крупнейший русский географ Д. Н. Анучин и видный специалист по исторической географии России М. К. Любавский.

Первый опыт изучения географических сочинений Попов прошел сам, дав в рецензии на "Словарь" оценку усилиям польских, чешских, венгерских, немецких и югославянских исследователей, отметив, что "далее всех ушла польская литература". Важнейшей задачей славистов он считал составление подробного сравнительно-исторического словаря славянских местностей. Такую задачу мог решить только коллектив авторов. Попов понимал это и потому обращался с призывом к русским славистам "собрать старые местные названия, существовавшие некогда по окраинам русской земли... и вытесненные ныне не только из русских географических учебников, но даже из исторических сочинений" (с. 13). Сформулировав задачу будущих исследований, Попов показал возможности топонимии не как вспомогательного, а как важнейшего источника разысканий в области славянской истории.

Я. Ф. Головацкий, сопоставив славянские географические названия, пришел к убеждению, что "несмотря на долговечное разъединение славян и отчуждение их друг от друга, отличительная черта славянского единства проявляется в тождественности наименований стран, гор, рек, селений и пр. в различных землях славянщины"²¹. Мысль не оригинальна, ее высказывали еще П. И. Шафарик и Ф. Миклошич, Попов тоже не подвергает ее сомнению, но автор "Словаря" пошел дальше: комплекс славянской топонимии он предложил считать основой для будущего единого литературного языка. Причем, по его убеждению "литературное объединение славян должно быть воплощено в народе и не оставаться только мечтой идеалистов ... нужно прийти к твердому убеждению, что славянские земли есть и должны остаться навсегда славянскими". И далее: "Пусть в географическом словаре единство будет залогом их братства и свободы"²². Совершенно немыслимая утопия, суть которой уже давно понял Н. А. Попов; в научных работах он не прибегал к призывам единения, братания и взаимоуважений, так как считал, что нельзя "смешивать исторические задачи с географическими и этнографическими" (с. 11). Ученый никогда не смешивал задачи историка и политика, университет-

ского профессора и политического лидера, что четко проявилось в его взглядах на славянский вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.
2. Попов Н. А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. М., 1869.
3. Никитин С. А. Славянские комитеты в России. М., 1960.
4. Кириллов В. В. Н. А. Попов как историк и общественный деятель // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 146.
5. Головацкий Я. Ф. Географический словарь западнославянских и югославянских земель и прилежащих стран. Вильно, 1884.
6. Попов Н. А. К вопросу о славянских географических названиях // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1887. № 1. С. 1–13. Автор настоящей статьи пользовалась отдельным оттиском в Российской государственной библиотеке с дарственной надписью Н. А. Попова В. О. Ключевскому. Далее ссылки даны в тексте без указания названия рецензии на это издание в скобках.
7. ПФА РАН. Ф. 35. Оп. I. Д. 1167. Л. 16.
8. Попов Н. А. Древние и новые греки. По поводу книги Иоганна Тельфи // Московские Ведомости. 1854. № 39, 46, 54.
9. См.: Попов Н. А. [Рец. на кн.]: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых, как исторический источник // Православное обозрение. СПб., 1872. № 3. С. 410–426; Гудков В. П. История литературного языка у сербов в освещении Н. А. Попова // Сов. славяноведение. 1986. № 2. С. 58–65.
10. См.: Попов Н. А. История южных славян. Лекции читанные в 1886 г. [Б. г.]; Он же. Лекции по русской истории (ОР РГБ, ф. 131. П. 36. Д. 13).
11. См.: Попов Н. А. Лекции по древней русской истории 1878/9 г. [Б. г. и м.].
12. См.: Попов Н. А. Венгерские степи // Русский вестник. 1868. Т. 76. С. 81–98; Он же. Сербы в Австрии // Там же. 1865. Т. 57. С. 258–314.
13. См.: Письма Платона Атанацкого, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину // Русский архив. М., 1873. № 7. С. 1131–1221; Попов Н. А. Надеждин на службе в Московском Университете в 1832–1835 гг. // ЖМНП. СПб., 1880. № 1. С. 1–43.
14. См.: Попов Н. А. Лекции. История южных славян. [Б. г.]. С. 4.
15. Ключевский В. О. Письма: Дневники: Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 254.
16. См.: Труды 3-го Археологического съезда в России. Киев, 1878. Т. 2. С. 165.
17. См.: Будилович А. С. [Рец. на кн.]: Головацкий Я. Ф. Географический словарь западнославянских и югославянских земель // ЖМНП. 1884. № 7. С. 298–312.
18. См., например: Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991. С. 11, 15 и др.
19. О библиотеке Н. А. Попова см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1335: Каталог библиотеки Нила Александровича Попова. М., 1903.
20. См.: Попов Н. А. История южных славян. С. 7.
21. Головацкий Я. Ф. Указ. соч. С. XIX.
22. Там же.

П. А. РОВИНСКИЙ
ОБ ИДЕЕ СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ

Павел Аполлонович Ровинский (1831–1916), ученый-славист и публицист, демократ по своим убеждениям, был сторонником суверенных национальных прав славянских народов. Славистическую подготовку он получил на историко-филологическом факультете Казанского университета под руководством профессора В. И. Григоровича (1848–1852). Большое значение в формировании его мировоззрения имели 1861–1864 годы, когда он все силы отдавал революционной борьбе. Разделяя взгляды Н. Г. Чернышевского, революционер-конспиратор Ровинский играл видную роль в тайном революционном обществе "Земля и Воля", возглавив осенью 1862 г. все кружки этой организации в Поволжье. В эти годы Ровинский был близок к кружку "Современник", сотрудничал в демократической газете "Очерки", организовав в ней совместно с сербским демократом Живоином Жуевичем отдел "Славянские земли". В 1868 г. он уезжает в Сербию как корреспондент газеты "Санкт-Петербургские ведомости". Несколько лет Ровинский активно занимался научной и публицистической деятельностью, сохранив связь с революционерами и поддерживая контакты с русской секцией І Интернационала. По возвращении в Россию в 1874–1878 гг. он служил директором колонии для малолетних преступников, затем в качестве корреспондента "Нового времени" выехал в Сараево, откуда был выслан австрийскими властями за статьи, направленные против австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины.

В мае 1879 г. Ровинский прибыл в Черногорию, где прожил с небольшими перерывами 27 лет (1879–1906)¹. Эта маленькая славянская страна занимала особое место в жизни ученого. Изучая Черногорию, он прошел ее из края в край, находясь в тесном общении с народом. Ровинский пользовался большой популярностью среди черногорцев. Многие его называли "русский Павле". Хотя научные занятия поглощали почти все его время, Ровинский участвовал в создании "Народного музея" в Цетинье, организовывал раскопки римского города Диоклеи (совр. Дукля) и т. д. Средства для существования он зарабатывал на службе внештатным

переводчиком при русской миссии в Цетинье. Результатом его титанического труда явилось комплексное исследование "Черногория в ее прошлом и настоящем", осветившее все стороны народной жизни. А. Н. Пыпин назвал эту работу "монументальным трудом, далеко превышающим все, что было до сих пор писано о Черногории"². В 1904 г. в Казанском университете Ровинскому присвоена степень доктора филологии, а в 1906 г. присуждена премия профессора А. А. Котляревского; он был избран заграничным членом Югославянской Академии³.

Весьма широк диапазон его исследований – это находившиеся в составе Австро-Венгрии – Чехия, Словакия и другие, а также балканские земли – Сербия, Босния и Герцеговина, Болгария и Черногория. Ровинский не ограничивался ролью "кабинетного исследователя", а побывал во многих славянских странах. В центре внимания русского ученого жизнь и быт славянских народов, их историческое прошлое, их взаимосвязи и т. д. При изучении народной жизни большое значение Ровинский придавал социально-экономическому фактору, в особенности аграрному вопросу. В своих корреспонденциях из Сараева, протестуя против австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины, он писал о сохранении в них национального и социального гнета, о необходимости проведения там аграрных преобразований. При этом свои надежды в решении аграрного вопроса он возлагал не на венское правительство, а на народные массы⁴.

Другой важной проблемой, по его убеждению, являлась борьба народных масс против национального и политического гнета. Ровинский высоко оценивал революционные выступления народа, называя их "главными моментами" истории, способствующими прогрессивному развитию общества. Поэтому вполне объясним его особый интерес к революции 1848–1849 гг. Он показал расстановку в ней политических сил и, что особенно важно, рассмотрел процесс ликвидации феодальных пережитков в ходе революционных преобразований⁵.

Богатая событиями жизнь и многогранная деятельность Ровинского привлекала внимание ученых, как в нашей стране, так и за рубежом⁶. Однако поставленная в настоящей статье задача рассмотреть отношение русского ученого к славянскому единству, нашедшее отражение в печати, не была достаточно изучена в исторической литературе.

В своих публицистических статьях Ровинский отводил значи-

тельное место указанному вопросу. В идее славянского единства он справедливо видел специфическую форму идеологии национального возрождения славянских народов, немалую роль в ее развитии общественно-политических и культурных связей⁷. Он признавал, что племенное родство служит важным связующим фактором в жизни славян и в печати неоднократно писал о их племенной и языковой близости. Он утверждал: "... как русские, так и на западе – чехи, словаки, хорутане, хорваты, сербы, одного с нами племени и языка, наши братья-славяне"⁸. По мнению ученого, благодаря племенному родству у славян сохранилось много общего во внешнем облике. Вспоминая о посещении Сербии, Ровинский отмечал: "... при живом общении с народом... вы проникаетесь не абстрактным сознанием, но конкретным чувством родного, и в то же время эти мелочи указывают на одинаковость культурных влияний сербов и русских, что дополняет и крепче связывает родство племенное"⁹.

Как беспристрастный наблюдатель Ровинский с горечью констатировал отсутствие единства и политическую рознь между славянами. Достаточно современно звучит его утверждение: "... посмотрите кругом, что делается между славянами, вражда везде – ... поляки с русскими, сербы с хорватами из-за Боснии, болгары с сербами (кому господствовать на Балканском полуострове), русины с поляками"¹⁰.

Наиболее полно точка зрения о славянском единстве была изложена Ровинским в рецензии "Что такое славянская взаимность", напечатанной в народнической "Неделе" в 1874 г. по случаю выхода в свет исследования И. И. Первольфа ("Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII века" Соч. Т. I.¹¹), который, хотя и собрал богатый материал о славянах, преувеличил роль родового начала в их сознании.

Прежде всего Ровинский обратил внимание читателя на то, что в последнее время в русском обществе усилился интерес к славянам и происходит "постоянно усиливающееся сближение". Объяснение этому он усматривал в политическом интересе, возникшем в России к югославянам, утверждая, что "интересы религиозные и национальные в этом случае служили только предлогом"¹².

В чем же заключается славянское единство и какую роль оно играет в политической жизни? – спрашивал Ровинский. В отличие от славянофилов и панславистов, он не был склонен сводить

славянское единство к сознанию этнического родства, единой религии и исторической близости, а делал вывод о преобладании политических и "общечеловеческих" интересов над национальной идеей. Он писал: "Сознание общего происхождения никогда не исчезало у всех славянских племен, но это сознание усиливалось и оживлялось только в те моменты, когда политические события приближали славян одних к другим, или когда одно славянское племя являлось проводником цивилизации для другого, тогда теоретическое сознание сопровождалось и практическими результатами"¹³. В частности, он указывал, что славянская взаимность особенно оживлялась и усиливалась в те моменты, когда возникала необходимость бороться против общего врага. Тогда политические интересы оказывались преобладающими над национальной идеей, а религиозные различия отходили на второй план. Действительно, так произошло в период австро-венгерской оккупации боснийско-герцеговинских земель в 1878 г., когда боснийские сербы выступили вместе с боснийскими мусульманами.

В своей рецензии Ровинский писал о том, что большое влияние оказывало не столько сознание племенного единства, сколько – потребность иметь своего союзника, а также другие расчеты и интересы: территориальные, религиозные и пр. Но случалось и обратное, когда политические виды и религиозная идея приводили к национальным распрям, и тогда, утверждал он, мы часто видим славян "воюющих друг с другом и при том с таким ожесточением, какого они не высказывают в войне с другою нацией". Сегодняшние кровавые события, разыгравшиеся в Боснии, убеждают, насколько пророческим оказалось это его утверждение. Ровинский призывал славян жить в согласии и "вечной нераздельной любви братской, как людям одного языка и народа славянского"¹⁴.

Роль политического фактора в укреплении межславянских связей была изложена русским ученым в работах о развитии традиционных политических отношений между Россией и Черногорией. К этому вопросу Ровинский неоднократно обращался в своих статьях, выводы которых вошли в его фундаментальный труд о Черногории, а итоги подведены в выступлении, посвященном 200-летию развития связей России с Черногорией (1911 г.)¹⁵. Он утверждал, что эти два славянских государства связывают не только вера и народность, но и общность политических интересов. Для Черногории, которой приходилось бороться "за политическую самостоятельность" против притязаний Турции и Венеции, а затем

Австрии, были необходимы покровительство и материальная помощь России, в свою очередь нуждавшейся в союзнике в борьбе с Турцией, а однажды она привлекла Черногорию и к борьбе против Франции (в начале XIX в.). Таким образом, по мнению ученого, укрепление политических отношений отвечало интересам обоих государств. Развивая эту мысль, он отмечал, что существенная разница между Россией и другими государствами состояла в том, что Венеция, а затем Австрия стремились ослабить Черногорию, а Россия была заинтересована в том, чтобы она была сильнее. И заключал: "На этом и основана привязанность Черногории к России". Подчеркивая значение покровительства и помощи российской стороны южным славянам, Ровинский в то же время прекрасно понимал двойственность политики царского правительства. Он видел своеокрытие действий царизма, утверждая, что освобождение славян использовалось Российской империей для достижения "собственных целей". Но вместе с тем он был убежден, что объективно она способствовала национальному освобождению славян, в особенности черногорцев, считал, что результатом русско-турецких войн явилось ослабление османского гнета на Балканском полуострове и освобождение сначала Молдавии и Валахии, затем образование Сербского княжества и независимого греческого государства, укрепление независимости Черногории¹⁶. Этот вывод ученого, сделанный в начале XX в., не утратил своего научного значения и в наши дни¹⁷.

В вопросе о значимости политического фактора Ровинский не был оригинальным. Известно, что эту точку зрения разделяли и славянофилы, как, например, И. С. Аксаков. Следует отметить, что демократические убеждения ученого помогли ему понять многие явления глубже и сделать важные выводы. Он предпринял попытку связать идею славянской взаимности с необходимостью демократизации общества, рассматривая это как одно из основных условий национального развития. Ровинский писал: "Одно только должны славяне помнить, что национальность их всегда пробуждалась и развивалась в то время, когда государство, которому они принадлежали, освобождалось от политического гнета и поднимало уровень своего умственного развития"¹⁸.

Ученый рассматривал славянские страны как часть европейской цивилизации. В этом было его коренное отличие от славянофилов, противопоставлявших Восток Западу, влияние которого они считали "тлетворным", и опиравшихся на догмат о "самобытнос-

ти России". Как истинный демократ Ровинский утверждал, что благодаря железным дорогам, телеграфу и другим средствам коммуникации произошло сближение всех европейских народов, в том числе и славянских. Вместе с тем расширялось их культурное общение. Решение славянского вопроса он видел, согласно русской демократической традиции, в тесной связи с осуществлением национальных и демократических задач в Европе. По мнению Ровинского, славянская взаимность должна способствовать реализации "политических и общечеловеческих интересов". Он полагал, что в борьбе за достижение этих задач важно иметь как можно больше точек соприкосновения, единства во всем, поэтому близость языка в этом случае играет важную роль, как орудие общения. "Только прогрессом в общечеловеческом смысле развивается и поднимается наша национальность; в этом постепенном развитии и успехах в гражданской жизни национальное чувство должно перейти в сознание, и тогда только мы можем говорить о славянской взаимности", – утверждал ученый. Более того, Ровинский был убежден, что развитие национальности не может осуществляться в ущерб политической свободе, поэтому немыслимо, чтобы "при политическом гнете могло развиваться национальное чувство"¹⁹. "Это слишком мало, – писал он, – если нас связывает только кровное родство, которое выражается в языке и некоторых общих чертах характера, а нет сознания общей идеи, ни политических и общечеловеческих интересов, которые бы связывали нас друг с другом теснее, чем с остальными народами". Таким образом, имея в виду свободное демократическое развитие, Ровинский пришел к выводу: "Общечеловеческие идеи берут верх над национальной идеей"²⁰. Тем самым он вносил свой вклад в развитие идеи славянской взаимности. Естественно, что это не исключало борьбы за решение национального вопроса.

Сторонник права славянских народов на самостоятельное развитие, Ровинский выступал в поддержку их самоотверженной борьбы за свободу и независимость. Русский ученый с гордостью заявлял: "... я всю мою жизнь работал за освобождение славянства от чужеземного господства и за сближение с Россией, о том свидетель вся та часть славянства, в которой я вращаюсь уже более десятка лет и приобретаю не антипатии, а симпатии России"²¹. В этом случае он следовал за Чернышевским, который приветствовал борьбу славян за свободу, выступал против завоеваний и национального угнетения. Однако лидер демократического лагеря

отводил определяющую роль не национальной, а социальной борьбе. Он считал, что славяне должны сами сбросить чужеземный гнет. Чернышевский выражал свое несогласие с тем, чтобы самодержавная Россия выступала в роли освободительницы, полагая, что царизм не может принести свободу славянам²².

Изучив обстановку в славянских странах, Ровинский пришел к выводу о необходимости оказания помощи славянам в их борьбе за национальную свободу. Особенно громко его голос прозвучал в период балканского кризиса 1875–1878 гг.

Восстание в Герцеговине в 1875 г. вызвало в русском обществе сочувствие к славянам. Ровинский опубликовал ряд статей, в которых призывал оказать помощь восставшим. В 1876 г. вступление Сербии и Черногории в войну с Турцией выдвинуло на первый план сербов. В статье "Наши отношения к сербам [Поученье из прошлого и настоящего]" Ровинский вновь обратился к идеи славянской взаимности, призывая к укреплению дружеских контактов между русскими и сербами. Сочувствие в России к судьбам славян и отправку добровольцев в Сербию для участия в войне с Турцией он характеризовал как "народное движение". Ровинский с удовлетворением отмечает: "Наконец-то и в нас пробудилось народное сознание, мы не стыдимся более самих себя, не выдаем друг друга, мы открыто перед целым светом исповедуем, что мы славяне и все славяне наши братья". Он гордился, что "... вся Русь от мала до велика с замиранием сердца ждала известий оттуда, где решалась судьба наших братьев"²³.

Вместе с тем Ровинского огорчало отсутствие единства среди славянских народов. "Рознь славянская, если не усилилась, то уж никак и не ослабела", – с горечью замечал он. Русский ученый обращал внимание на наличие многих общих черт в историческом, культурном развитии сербов и русских, а также в их географическом положении и geopolитических задачах, что привело к возникновению общих интересов – духовных, политических и торговых. Он видел необходимость укрепления связей и союзнических отношений с югославянами, чтобы стремиться к одной цели, а за признанием "независимости югославян... должна начаться нескончаемая борьба за другие интересы"²⁴. Цензурные условия не позволили Ровинскому дать ответ, в чем состоят общие интересы, но, учитывая его политические убеждения, можно предположить, что имелась в виду борьба за демократизацию общества и прогресс.

Взгляды Ровинского на решение славянского вопроса наиболее полно были изложены им в статье "Россия и славяне Балканского полуострова", опубликованной после вступления России в 1877 г. в войну с Турцией. На почве взаимной общности славянских интересов он определял миссию России как поддержку и оказание помощи национально-освободительному движению "на западе и юге Европы". Когда среди русского общества возник вопрос, должна ли была Россия вступать в войну за освобождение славян? Ровинский заявлял, бросая упрек некоторым народникам и либералам, что "говорить, что мы не должны были начинать войны, что у нас есть важнее внутренние дела, значит не понимать или не признавать силы вещей"²⁵.

Определяя цели, преследуемые Россией на Балканах, Ровинский писал, что российское правительство не могло бы действовать только из гуманных соображений, если бы при этом не были затронуты интересы государства. Он полагал, что Российская империя всегда руководствовалась "соображением собственных выгод", так же она поступала, начав войну против Турции. Ровинский так объяснял действия своей страны: первоначально правительство предпринимало все необходимое, чтобы отклонить войну, "но суровая необходимость, существенные интересы России заставили взяться за оружие".

В своей статье он определял программу России относительно национально-освободительного движения славянских народов на Балканах, заявляя: "Наши интересы настолько солидарны, что мы не можем отрешиться друг от друга, следовательно интересы славян – наши собственные интересы". Ровинский выдвигал следующие требования. Во-первых, уважение национальных интересов всех славянских народов и отказ от какого-либо вмешательства и материального вознаграждения за счет славян и в ущерб их интересам. "Чем самостоятельнее и прочнее будут поставлены они, тем солиднее и наше положение в Европе", – заключал он. Во-вторых, предоставление самим славянским народам решения вопроса о внутреннем устройстве государства при оказании (но не навязывании) им всемерной помощи. В-третьих, оказание помощи в создании независимых славянских государств и отказ от вмешательства в их внутренние дела, уважение суверенитета малых славянских наций. При развитии в дальнейшем связей, считал Ровинский, необходимо помнить, что "правители и правительства их могут меняться, неизменен только народ, и потому как можно

выше должно быть поставлено его представительство, народная скупщина, это единственная сила, на которую может и должен опереться князь, если не хочет попасть в руки камарильи или в сети иностранной дипломатии; на нее же должно быть обращено главным образом и наше внимание; в ней мы должны искать опоры при исполнении нашей миссии”²⁶.

Во время пребывания в Сараево в 1878 г. Ровинский направлял в газеты подробную информацию о событиях в Боснии и Герцеговине. Оправдывая лживые утверждения австро-венгерской прессы о миролюбивой политике Австро-Венгрии в оккупированных провинциях, он вскрыл ее захватнический характер. В целях укрепления своего господствующего положения на Балканах, считал ученый, Габсбурги стремились зажать в тиски Сербию, чтобы затем подчинить ее своему влиянию²⁷.

В своих трудах Ровинский неоднократно обращал внимание на отрицательную роль в судьбах славян иноземного господства. Он писал с негодованием о “парализующем влиянии двух уродливых монархий – австро-венгерской и турецкой, которые, стесняя народное развитие, ослабляют дух предпримчивости и самодеятельности”²⁸.

Республиканскую федерацию ученый считал наиболее приемлемой формой государственного объединения славянских народов, что было естественно для него как шестидесятника и близкого соратника Н. Г. Чернышевского. По поводу устройства федерации он указывал: “... Полная политическая самостоятельность; свободные, основанные на автономии отдельных частей учреждения и вполне дружественные, преследующие одни и те же культурные и экономические цели отношения всех прилегающих к этой области земель”²⁹.

В отличие от монархически настроенных славянофилов, Ровинский нигде неставил вопроса о главенствующей роли России. Он являлся сторонником равноправия между народами, не хотел навязывания им роли “старшего брата”. Демократические взгляды ученого проявились и в критике самодержавного режима, существовавшего тогда в Сербии, и в отрицательных оценках внешнеполитических действий царского правительства, например, политики Николая I в отношении венгерской революции 1848 г.

В заключение отметим, что П. А. Ровинский неоднократно указывал на необходимость разработки проблем славяноведения. В связи с этим он обвинял славянофилов в незнании славян и на-

зывал их русофилами."Их критерий слишком узок, — писал он, — ... все, что не православное и не похоже на русское — не славянское". Он упрекал славянофилов в том, что они за всеми славянями, кроме русских, не признают права на самобытное политическое существование. Ровинский писал, что для укрепления дружеских связей необходимо изучать наших союзников-славян, поэтому слависты должны взять на себя задачу ознакомления русского общества со славянским миром по возможности самым всесторонним образом³⁰.

В 1901 г. Ровинский опубликовал статью "Славяноведение и его пропаганда в русском обществе"³¹, в которой дал отповедь славянофильству. Поводом для этой публикации послужила брошюра К. Я. Грота "Об изучении славянства". В своем письме А. Н. Пыпину он добавил в этой связи, что слабая разработка проблем славяноведения и появление в печати таких невежественных работ как роман Д. Голицына, в котором идеализировалось черногорское общество, вынудили его написать статью³². В ней ученый подверг критике научную деятельность славянофилов, состоящую, по его словам, только в публикации "статьек, десятками лет повторяющими одно и то же". Соглашаясь с мнением Грота о необходимости ознакомления русского общества со славянскими народами, он осудил его попытку под видом пропаганды славяноведения протащить панславистские идеи. В особенности его возмущали идеи Грота о первенствующей роли русского народа. Ровинский обратился к славянофилам со следующими словами: "Дайте обществу, что читать о славянстве, покажите ему славян, живых и действующих, а не расточайтесь в праздных рассуждениях об их роли и значении для нас, — тогда общество будет интересоваться ими и никакой пропаганды не потребуется"³³.

Таким образом, в П. А. Ровинском мы видим оригинального мыслителя. Несмотря на отход от революционной борьбы, он продолжал оставаться демократом. Вместе с тем, когда дело касалось поддержки славян, он выступал солидарно со славянофилами, хотя негативно относился к их догмам и выступал в печати с критикой их идей. Со славянофилами его разделяло отношение к славянскому миру — отрицание ими влияния Западной Европы на культурную жизнь славянских народов. Он критиковал славянофилов за противопоставление славянства Западу. Демократическое мировоззрение позволило Ровинскому подойти с научных позиций к объяснению многих явлений в славянском мире. В отли-

чие от славянофилов, поставивших во главу угла славянского единства "единокровие и единоверие", он указал на роль политического фактора в укреплении межславянских связей, показав на примере Черногории, что в основе внешней политики лежат "политические интересы". В особенности важен вывод ученого о демократизации общества как одном из главных условий для решения национального вопроса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Котлярская Л. А., Фрейденберг М. М. Из истории отечественной славистики: П. А. Ровинский (1831–1916) и П. А. Ровинский в Черногории. Калинин, 1988.
2. Пыпин А. Н. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1897. Т. II. Ч. I // Вестник Европы. 1897. № 12. С. 859.
3. Карасев В. Г. Исторические связи народов Советского Союза с Югославией. М., 1956. С. 14.
4. Новое время. 1879. 22 янв. № 1042; 14 апр. № 1121.
5. Хлебникова В. Б. Ровинский как исследователь Черногории. Автографат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1986. С. 18; Она же. Об исторических взглядах П. А. Ровинского // П. А. Ровинский (1831–1916) и его время. Калинин, 1988. С. 28–29.
6. См. библиографию трудов о П. А. Ровинском в сб.: "П. А. Ровинский и его время". С. 125–135.
7. Беляева Ю. Д. Литературы народов Югославии в России. М., 1979. С. 19.
8. Ровинский П. Россия и славяне Балканского полуострова // Древняя и новая Россия. СПб., 1878. Т. I. № 2. С. 152 (Далее – ДНР).
9. Ровинский П. Наши отношения к сербам (Поученье из прошлого и настоящего) // ДНР. 1877. Т. I. № 2. С. 188.
10. Ровинский П. Что такое славянская взаимность // Неделя. 1874. 20 сент. № 39. С. 1430.
11. Там же. С. 1424–1431.
12. Там же. С. 1424–1425, 1428.
13. Там же. С. 1429.
14. Там же.
15. Ровинский П. Отношения между Россией и Черногорией при владыках (По новым документам) // ЖМНП. 1885. № 6. С. 185–230; Он же. Значение правления владык в истории Черногории // Славянские известия. 1886. № 4–5. С. 162–180; Пыпин А. Н. Черногория... Т. I. 1888; Ровинский П. Двухсотлетие сношений России с Черногорией (1711–1911) // ЖМНП. 1912. № 9. Отд. 4. С. 1–50.
16. Ровинский П. Двухсотлетие сношений России с Черногорией. С. 48.
17. Такого же мнения придерживается В. Б. Хлебникова – см.: Хлебникова В. Б. П. А. Ровинский о русско-черногорских отношениях // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 142.
18. Ровинский П. Что такое славянская взаимность. С. 1429.
19. Там же. С. 1429, 1431.
20. Там же. С. 1431.
21. Ровинский П. Возражение г. Медаковичу // Славянские известия. 1887. № 11–12. С. 553.

22. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1950. Т. VII. С. 837–838.
23. Ровинский П. Наши отношения к сербам... С. 180–181.
24. Там же. С. 176, 185, 188 и др.
25. Ровинский П. Россия и славяне Балканского полуострова. С. 168.
26. Там же. С. 169.
27. Хитрова Н. И. Ровинский (1831–1916) и югославянские народы // Балканика. 1971. Т. 2. С. 163–167; Котлярская Л. А., Фрейденберг М. М. Из истории отечественной славистики: П. А. Ровинский в Черногории. С. 25–26.
28. Ровинский П. Два месяца в Сербии // Вестник Европы. 1868. № 11. С. 365–366, 372.
29. Там же. С. 372.
30. Ровинский П. Наши отношения к сербам. С. 190; Он же. Россия и славяне Балканского полуострова. С. 162.
31. Ровинский П. Славяноведение и его пропаганда в русском обществе // ЖМНП. 1901. СССХIV. № 3.
32. ОР ОНБ. Ф. 621. Д. 725, 1900 г. Л. 30–36 – П. А. Ровинский – А. Н. Пыпину, 28 декабря 1900 г.
33. Ровинский П. Славяноведение и его пропаганда в русском обществе. С. 180.

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ПОЗДНИХ СЛАВЯНОФИЛОВ
(конец 70 – середина 90-х годов XIX в.)

В последние годы внимание отечественных исследователей привлекает развитие идеи славянского единства в русской общественной мысли XIX в. Наиболее плодотворно в этом плане работал В. А. Дьяков, проследивший эволюцию взглядов на славянский вопрос российских мыслителей XIX – начала XX в.¹ Ряд интересных работ посвящен различным интерпретациям проблемы славянского единства в идеологии славянофильства². Эти и другие исследования показали, что славянофилы и в конце XIX в. уделяли серьезное внимание "славянской идее", придавая ей большое значение в деле сохранения и развития славянского мира. Однако вне внимания исследователей еще остаются внешнеполитические программы славянофилов и их связь с идеей единства славян. Между тем, славянофильские концепции в значительной степени испытывали влияние международной обстановки. Задача автора настоящей статьи состоит в том, чтобы показать место идеи славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов и проследить влияние их программ на развитие этой идеи. "Поздние славянофилы" – понятие, сравнительно недавно вошедшее в научный оборот и обычно применяемое для обозначения пореформенного славянофильства. При этом мнения о конечной границе существования славянофильства в России различны. Если С. С. Дмитриев полагал, что славянофильство не существует после 1865 г., то Н. И. Цимбаев и Е. А. Дудзинская отодвинули эту грань к середине 70-х годов³. В своей последней книге Е. А. Дудзинская говорит о славянофильстве уже применительно к началу 80-х годов⁴, а В. А. Дьяков относил трансформацию славянофильских доктрин и появление неославистской идеологии к рубежу XIX–XX вв.⁵ Представляется, что эта точка зрения ближе к истине. Мы хотим подчеркнуть, что хотя период 80–90-х годов XIX в. в истории славянофильства является наименее изученным, но не подлежит сомнению, что и в это время славянофилы достаточно активно действовали. Они выступали в печати по вопросам

внешней и внутренней политики, имели свою прессу (газета "Русь", журналы "Русская мысль" – до 1885 г., "Русское обозрение", "Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества"), их идеи разделялись многими современниками. У славянофилов было, в частности, немало сторонников в правящих кругах, к ним были близки такие влиятельные деятели, как К. П. Победоносцев, М. Н. Катков, Н. П. Игнатьев.

В отечественной литературе существуют различные оценки славянофильства пореформенного периода как идейного течения. Если Н. И. Цимбаев однозначно квалифицирует его как консервативное и реакционное⁶, то Е. А. Дудзинская полагает, что славянофилы занимали "либеральную срединную линию", находясь в оппозиции к правительству⁷. С последним мнением вряд ли можно согласиться. Представляется, что при наличии некоторых либеральных элементов в славянофильской программе (требование гласности, ограничения самодержавия общественным мнением, развития местного самоуправления) в целом славянофилы стояли на консервативных позициях, поддерживая самодержавную форму правления в России и выступая против парламентаризма и других прогрессивных начал западной демократии. Их внутри- и внешнеполитическая программы опирались на консервативные принципы самодержавия, православия, народности в своеобразной интерпретации, а в основе идеологии лежала традиционная мысль о мессианском предназначении славянства, особости славянского мира, его превосходства перед Западом, главенстве в нем России.

Последнее двадцатилетие XIX в. в Европе проходило под знаком складывания двух крупных противодействующих друг другу блоков – Тройственного и русско-французского союзов. Россия, вытесняемая с Балкан Австро-Венгрией при содействии Германии, вынуждена была изменить свой внешнеполитический курс и сблизиться с Францией. На Балканах ни одна страна не была удовлетворена границами, установленными Берлинским договором, каждая из них имела территориальные претензии к соседям, что способствовало росту националистических настроений и великодержавных амбиций. Престиж царской России на Балканах неуклонно падал, а болгарские кризисы 1885–1888 гг. показали ее неспособность играть активную роль в европейских делах. Царизм был вынужден на время отказаться от своих планов в этом регионе, его внешняя политика начала переориентироваться на Дальний Восток.

В этих условиях славянское единство представлялось славянофилам тем звеном, ухватившись за которое, можно было вытащить всю цепь – вернуть России былой международный авторитет, укрепить ее позиции на Балканах. До болгарского кризиса середины 80-х годов положение России не казалось славянофилам особенно катастрофичным; поскольку у нее были сильные позиции в Болгарии, последняя рассматривалась как плацдарм для "броска на юг". Главными стратегическими задачами российской внешней политики славянофилы считали завершение освобождения славян (в том числе объединение Болгарии и Восточной Румелии и освобождение Боснии и Герцеговины от австрийской оккупации) и приобретение черноморских проливов. В одной из своих программных статей в "Руси" И. С. Аксаков утверждал, что Россия как государство еще не закончила своего формирования и не достигла естественных границ, каковыми на юге являются проливы: "Тут южная стена нашего русского государственного дома"⁸. На западе же следовало включить в состав России Восточную Галицию и Угорскую Русь, как земли, населенные русскими. Подобные же планы разделяли Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, В. И. Ламанский, А. А. Киреев и др.

Реализовать славянофильскую программу могла лишь сильная Россия. Славянофилы выступали за развитие экономического и военного потенциала страны, усиление ее экономической независимости. Возобновленный в 1881 г. союз трех императоров ослаблял, по их мнению, Россию, сковывал ее действия, представлял преимущества на Балканах австрийцам. Как считал Аксаков, Россия в этом союзе играла роль узника, а ее обаяние на Балканах блекло⁹. Славянофилы требовали изменения внешнеполитического курса Петербурга и выступали за так называемую политику "национальных интересов", которая заключалась, по их мнению, в разрыве союза трех императоров, самостоятельных действиях в Европе и Азии, активизации балканской политики. Они предрекали обострение отношений с союзниками и говорили о возможной войне с ними. В предстоящей борьбе России с Германией и Австро-Венгрией славянофилы рассчитывали на помощь балканских славян, постоянно подчеркивая их значительную роль в решении внешнеполитических задач России. В силу этого идея славянского единства, сплочения и укрепления славянского мира являлась одним из важнейших постулатов славянофильской внешнеполитической программы. И. С. Аксаков прямо указывал, что го-

сударственные интересы России состоят в содействии славянскому тяготению, избавлении славян от возможности немецкого духовного порабощения. Идея славянства является, подчеркивал он, источником политической силы России в Европе¹⁰.

Вопрос о проливах и укреплении позиций России на Черном море неразрывно связывался славянофилами с созданием славянского (или балканского) политического объединения с центром в Константинополе и под эгидой Российской империи. При этом Константинополь рассматривался и как центр православия, а его освобождение от власти турок должно было усилить значение православной церкви, вдохнуть новую жизнь в Россию, повысить значение духовных ценностей в ее общественной жизни, спасти страну от прагматизма и утилитаризма, от ориентации общества только на материальные блага. Это были реминисценции раннеславянофильских представлений, перенесенных в другую эпоху и другие условия и выглядевших еще более утопичными. Но сама идея политической федерации в первые годы после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. представлялась реальной даже более трезвомыслящим политикам. Достаточно вспомнить проект конфедерации балканских стран, составленный в 1880 г. Д. А. Милютым¹¹. Кстати, С. Д. Сказкин видел в этом документе влияние славянофильских идей "национального возрождения славянства при помощи России и резко выраженной антипатии к Австрии"¹².

Идею славянского единства и славянской федерации продолжал развивать в своей публицистике конца 70 – начала 80-х годов Н. Я. Данилевский, считавший, что единство славянского мира является главным условием его существования как культурно-исторического типа. Новая внешнеполитическая программа Данилевского мало чем отличалась от той, которую философ изложил в книге "Россия и Европа" в 1869 г. По-прежнему первостепенной задачей славянства называлось создание всеславянской федерации, способной обеспечить политическое могущество России и славян и ограничить мировое владычество Европы. Первоочередной целью Российской империи считалось приобретение проливов и присоединение западноукраинских земель. Новым в программе было существенное расширение границ славянских государств, создаваемых на обломках Османской и Габсбургской империй. Данилевский предусматривал создание Болгарии в ее этнографических границах, увеличение Сербии и Черногории за счет Боснии и Герцеговины и сербских земель Австро-Венгрии, Греции – за

счет Эпира, Фессалии, Крита и Архипелага¹³.

Для выполнения своей программы Данилевский считал неизбежным преодоление сопротивления Великобритании. В отличие от славянофилов, видевших главного противника России в Австро-Венгрии, он указывал на Англию, как на основного врага России и славянства, и призывал к немедленной войне с ней. Подобные взгляды были характерны в послеберлинский период для части общественных кругов, считавших Англию виновницей дипломатических неудач России. Неизбежность войны с Англией предсказывали М. Н. Катков, Н. П. Игнатьев, о ней говорил И. С. Аксаков. Существовала необоснованная уверенность в том, что Англия как морская держава не может воевать на суше: стоит только перерезать морские коммуникации, соединяющие ее с колониями, как Британия останется без продовольствия и будет побеждена. При этом игнорировался тот факт, что российское государство не имело сильного флота, преувеличивались силы России и славян, недооценивался военный потенциал Османской и Габсбургской империй, наконец, не учитывалась позиция Германии, для которой усиление Российской империи в Европе было нежелательным. Ставка на войну с Англией свидетельствовала об известном авантюризме позиции Данилевского, которая тем не менее разделялась многими славянофилами и была воспринята ими с энтузиазмом. Представляется, что и Данилевский, и славянофилы видели в такой войне определенную перспективу для славянства, для обретения им своего "места под солнцем".

Провозглашение грядущей борьбы славянства с Европой дало основание отечественным и зарубежным политологам рассматривать Данилевского как теоретика воинствующего панславизма, идеолога российского империализма и экспансии. Бессспорно, в подобных суждениях есть немалая доля истины, однако, следует учесть, что национализм и панславизм Данилевского являлись реакцией на враждебное отношение Европы к России и славянству, на изменение международного положения Российской империи, утратившей свой былой европейский статус после крымского поражения и не смогшей восстановить его после Берлинского конгресса. В идеях Данилевского отражались мечты части русского общества о новом возрождении могущества России, о реализации ее "исторического призыва" возродить славянский мир и с его помощью занять если не первенствующее, то равное с другими великими державами место. При этом балканские славяне

рассматривались как средство для достижения целей российской политики. Их освобождение и сплочение было необходимо, по Данилевскому, не столько для свободного развития самих славянских народов, сколько для грядущей борьбы с Европой. В силу этого Н. Я. Данилевского интересовал, главным образом, политический аспект идеи славянского единства. В отличие от славянофилов, и к концу XIX в. сохранивших романтические представления о внесении нравственных начал во внешнюю политику, он утверждал в ней господство принципа эгоизма, выгоды, обеспечения только собственных интересов и полагал, что в международных отношениях не должно быть места альтруизма и морали.

Идея славянского единства активно пропагандировалась славянофилами с начала 80-х годов. Это было связано с тем, что в среде освобожденных славян явственно обозначились противоречия, проявлялась проавстрийская ориентация правящих кругов и части интеллигенции. И. С. Аксаков по этому поводу с грустью замечал, что южным славянам "недостает чувства "отечества" как политического целого, обязывающего всех к солидарности и ответственности", что понятия славян пока ограничиваются "племенем" и "родиной", т. е. не вышли за рамки узконациональных и не приобрели характер общеславянских интересов¹⁴. Вина в этом, по Аксакову, лежала отчасти на российском правительстве, давшем Болгарии либеральную конституцию. Считая, что болгарский народ еще не созрел для парламентаризма и европейских форм жизни, маститый публицист с радостью одобрил отмену Баттенбергом конституции в Болгарии в 1881 г.¹⁵ Провозглашение Сербии королевством аксаковская "Русь" также приветствовала, опубликовав корреспонденцию из Белграда, в которой утверждалось, что этот акт создавал условия для объединения вокруг этого города (как центра) всего сербского народа и образования Великой Сербии¹⁶. Таким образом, Аксаков связывал дело славянского единства с укреплением монархических режимов в балканских славянских странах. Это должно было также, по его мнению, усилить связь славянских государств с самодержавной Россией. Аксакову казалось, что такое единение уже начинает осуществляться. В одной из передовых статей "Руси" он писал: "России предопределено быть естественным, законным центром тяготения славянского мира, который уже начинает слагаться и выступать именно как особый мир славянский на вселенской исторической арене. И только те славянские племена, которые не извратят в себе этого закона

тяготения, которые искренно соблюдут духовную связь с Россией, могут иметь участие в будущности славянской"¹⁷.

Пропагандируя идею славянской федерации, славянофилы в то же время выступали за единую и неделимую Россию, отрицая право на самостоятельное существование в качестве субъектов федерации польского, украинского и белорусского народов. "Русь" яростно выступала против украинофилов и "польского сепаратизма", а все теории федералистского устройства России объявляла "коммунистическими" происками революционных партий¹⁸.

Главную угрозу славянскому единству до середины 80-х годов славянофилы видели в Австро-Венгрии, быстро завоевывающей экономические и политические позиции на Балканах. Они отмечали неэффективность действий российской дипломатии, не могущей противостоять этому процессу. В этом плане славянофилы сами предпринимали некоторые практические шаги, в частности, оказывали помощь герцеговинцам, восставшим в 1882 г. против австро-итальянской оккупации. Как сообщал впоследствии И. С. Аксаков К. П. Победоносцеву, он пересыпал деньги, собранные в Москве для финансирования повстанческих отрядов, в российское консульство в Софии. В сборе средств активно участвовал и "белый генерал" М. Д. Скобелев¹⁹, он сам собирался отправиться в Герцеговину командовать повстанцами, но скоропостижно скончался. Если сопоставить все эти обстоятельства с известными речами Скобелева в Петербурге и Париже в январе-феврале 1882 г. в защиту славян, имевшими огромный резонанс в Европе, то следует предположить существование какого-то плана московских славянофилов, рассчитанного на организацию крупного антиавстро-итальянского выступления на Балканах. Подтверждением могут служить слова петербургского славянофила генерала А. А. Киреева, который писал в своем дневнике в июне 1882 г.: "Все это указывает действительно на некоторую общую меру, задуманную довольно смело и исполненную очень неловко"²⁰ (как известно, сформированные в Софии в помощь герцеговинским повстанцам отряды Поповича-Липоваца и Йовановича действовали в Герцеговине крайне неудачно).

Серьезные опасения у славянофилов вызывали слухи о том, что по инициативе Бисмарка готовится раздел сфер влияния на Балканах между Россией и Австро-Венгрией. И. С. Аксаков видел в этом угрозу единству славян и горячо протестовал против подоб-

ного акта. Он утверждал, что если западная часть Балкан перейдет в сферу влияния католической державы, то единству славян будут поставлены неодолимые препятствия²¹. Аксаков призывал правительство не принимать предложения Бисмарка, ибо это означало бы предательство интересов славянства. Петербург и сам не поддерживал такую идею. Александр III считал абсолютно недопустимым отдать Сербию во власть Австро-Венгрии.

Вслед за Данилевским Аксаков утверждал, что славянский мир является новым культурно-историческим типом. Но если Данилевский акцентировал политический аспект славянского единства, то Аксаков видел объединяющее начало в духовной солидарности славян. Именно духовный фактор, обусловленный православием и заключавшийся в высшей нравственности, высоких моральных устоях, бескорыстии, взаимопомощи, самоотверженности, любви к ближнему, определял, по его мнению, силу славянского единства. Соответственно публицист квалифицировал панславизм, как "присущее всем славянам сознание их славянской общности или единоплеменности, духовная солидарность и тяготение друг к другу, сознание славянского братства". Объединение всех славян "в одно политическое тело и в мечтах никому не представлялось", — замечал Аксаков²².

Проблемам духовности славянофилы вообще придавали большое значение. Как уже говорилось, они выступали за нравственность внешней политики, ее бескорыстие, уважение других народов. Однако в эти понятия славянофилы вкладывали свое понимание. Так, они считали содействие России освобождению славян бескорыстным актом, поскольку российское правительство не требовало территориального вознаграждения на Балканах, в действительности же российская экспансия выражалась в другой форме — методах опеки и диктата в освобожденной Болгарии. Требование приобретения проливов славянофилы основывали на том, что Россия как "наследница" Византийской империи имела право возвратить себе "незаконно присвоенные турками" земли. Можно говорить и о "двойном стандарте" в подходе к проблеме "исторического права". Отвергая его для Польши в отношении ее притязаний на украинские и белорусские земли, славянофилы распространяли это право на Россию в отношении византийских территорий, кстати, никогда не бывших русскими.

Цементирующей силой славянской федерации славянофилы считали православие, создававшее, по их мнению, единый духов-

ный мир славянства. Заявляя, что к самостоятельной будущности призвано только православное славянство²³, они, по сути дела, сами раскалывали славянский мир. На страницах "Руси" постоянно утверждалось, что основа славянского мира имеет не столько этнический, сколько религиозный характер²⁴. Поэтому проавстрийский курс правящих кругов Сербии, а затем Болгарии, не говоря уже об австрийской оккупации Боснии и Герцеговины, воспринимался особенно болезненно, не только как политico-экономическая экспансия, но и как наступление католицизма на славянство. По мысли Аксакова, католицизм обеспечивал духовную мощь Габсбургской империи и сплачивал австрийское славянство²⁵. Это объясняет неприятие славянофилами австрославизма. Правда, Аксаков, как и многие другие славянофилы, надеялся на возвращение славян-католиков в лоно православия. "Истинными" католиками считались только поляки – хорваты, словенцы и словаки, по мнению славянофилов, сохранили остатки православной веры, а живучесть идей гусизма среди чехов давала беспочвенное основание надеяться и на их обращение в православие. Конечно, все это были только иллюзии, говорившие о том, что славянофилы остались в плену своих былых мечтаний о религиозном единстве славян, в то время как процесс конфессионального разъединения давно принял необратимый характер.

Однако едва ли не большей опасностью являлось политическое разделение славянства, усилившееся по мере освобождения славянских народов и обретения ими национальной государственности. Славянофилов особенно беспокоило, что при этом росли антироссийские настроения.

Наглядно продемонстрировали такую тенденцию события болгарского кризиса 1885–1886 гг. Сербско-болгарская война 1885 г. и разрыв русско-болгарских отношений в 1886 г. свидетельствовали о наличии глубокого кризиса в славянском мире, об ослаблении связи России со славянскими странами. Освобожденные с помощью российского государства славяне политически и экономически тянулись к Западу, к более прогрессивным формам жизни. Единство славянского мира оказывалось недостижимой мечтой, но славянофилам не хотелось с ней расставаться.

Во второй половине 80-х годов в славянофильскую концепцию идеи славянского единства вносятся некоторые корректизы. При этом существенную роль сыграло ослабление московской славянофильской группы в связи со смертью в начале 1886 г. И. С. Ак-

сакова и прекращением издания "Руси". На первый план выдвигаются славянофилы северной столицы, группировавшиеся вокруг Петербургского славянского комитета – В. И. Ламанский, А. А. Киреев, А. В. Васильев, Н. П. Дурново и др.

Прежде всего следует отметить, что главным врагом России теперь назывались не Англия и даже не Австро-Венгрия, а Германия. Болгарский кризис показал, что именно она стояла за кулисами событий. В славянофильской прессе усиливается критика союза трех императоров, срок действия которого заканчивался в 1887 г. Резкие выпады печати против Германии и Австро-Венгрии приводили к выговорам и предостережениям. В 1886 г. Александр III выразил недовольство деятельностью Петербургского славянского комитета, заявив, что "славянское общество не должно вмешиваться в политику"²⁶. По требованию Министерства иностранных дел, опасавшегося обострения отношений с Германией, не было разрешено восстановление Московского славянского комитета, хотя об этом хлопотали такие влиятельные деятели, как К. П. Победоносцев и М. Н. Катков²⁷. Был установлен контроль за деятельностью Петербургского славянского комитета.

Антигерманская позиция славянофилов во многом определялась усилением австро-венгерской и германской экспансии на Балканах, что усугубляло раскол славянского мира. Задача укрепления славянского единства становится главной в их глазах, тем более, что в российском общественном мнении проявлялся на этот счет известный скептицизм. Голоса о разъединении славян раздавались не только в либеральных кругах, но и среди самых ярых консерваторов. К. Н. Леонтьев еще в 70-х годах заявлял, что у славянских народов разные интересы, что они никогда не воспримут российскую государственную форму правления, так как являются сторонниками конституции²⁸. Теперь же события на Балканах как бы подтверждали его правоту. И, анализируя происходящие на Балканах процессы, Леонтьев стал еще более категоричным: он утверждал, что освободившиеся балканские славяне идут по пути Запада и что национальная независимость не послужила им таким образом на пользу²⁹, что она привела не только к "эгалитарному либерализму", но и к нивелированию национальных особенностей, упадку духовности и религии. Из этого Леонтьев делал вывод: Россия должна воздержаться от тесного общения с зарубежными, особенно австрийскими славянами, а славянофилы должны отбросить идею политического панславизма (т. е. объеди-

нения славянских стран под эгидой России), ибо "панславизм – это идеал современно-европейский, унитарно-либеральный, стремление быть как все, это все та же европейская революция"³⁰.

В итоге Леонтьев выступил поборником не славянского, а православного государственного объединения. В одном из писем к Вл. Соловьеву он развивал план создания православной конфедерации (Греция, Сербия, Румыния, Болгария), которая могла образоваться в случае распада Османской империи, причем к этой конфедерации могли быть присоединены и другие территории империи (Турецкая Армения и др.). "Австрийские славяне же могут подождать, пока мы найдем их достойными и безвредными"³¹. Таким образом К. Н. Леонтьев, в отличие от славянофилов, утверждал разделение славянского мира на восточный, православный, и западный, католический. Такое деление исходило из его идеалов православия и византизма. И хотя славянофилов тоже нельзя было заподозрить в пристрастии к началам европейского прогресса, они с негодованием отвергли скептицизм Леонтьева.

Следует отметить, что взгляды Леонтьева имели последователей. Одним из них являлся известный дипломат А. С. Ионин, более 20 лет прослуживший на Балканах. В 90-х годах он выступил с рядом статей в журнале "Русское обозрение" под псевдонимом "Spectator", где вслед за Леонтьевым утверждают, что славянского единства больше не существует, что славяне более разъединены, чем объединены, что растет их отчуждение от России. Склонные к парламентаризму, они не приемлют российского самодержавия, а православие уже не является объединяющим славянство фактором.

Но вывод из этого Ионин делал совершенно иной, чем Леонтьев: если последний выступал за создание восточного православного союза, то Ионин утверждал, что Российское государство вообще должно переориентировать свою внешнюю политику с Балкан на Ближний и Дальний Восток, где находятся его основные интересы – в Корею, Иерусалим, Абиссинию³². Он разделял, таким образом, в какой-то мере экспансионистский курс части правящих кругов, приведший Россию впоследствии к поражению на Дальнем Востоке.

Большинство славянофильских деятелей – А. А. Киреев, В. И. Ламанский, К. Н. Бестужев-Рюмин и др. – продолжало выступать с идеей славянского единства и славянской федерации, но относило теперь ее возможную реализацию в очень далекое буду-

щее. Как писал на страницах "Русского обозрения" С. Ф. Шарапов, до славянского союза под главенством России еще очень далеко, но теоретически, как идеал, эта идея имеет право на существование хотя бы потому, что такой союз предохраняет небольшие славянские государства, экономически слабые и политически нестабильные, от зависимостей от крупных держав и сохраняет свободу их внутренней жизни³³.

Осуждение славянофилами противоречий в славянском мире нашло выражение в ряде новых идеологических концепций. Одной из них являлась идея всеславянства, выдвинутая еще И. С. Аксаковым. Теперь ее развивал публицист и философ Н. П. Аксаков, председатель Аксаковского общества в Москве. Суть этой идеи заключалась в тесном взаимодействии каждого славянского народа как части целого (т. е. всего славянства) с этим целым и подчинении своих конкретных задач его интересам. Сплочение славян Н. П. Аксаков считал необходимым ввиду угрозы германизации³⁴. Он призывал славян независимо от их религиозной принадлежности объединиться для отражения этой угрозы "в федерально-политическом плане" и предложил проект создания славянского общества с целью выработки "славянского исторического и политического идеала через уяснение и утверждение славянского сознания"³⁵. Главную задачу славянства Н. П. Аксаков видел все же в духовном единении, а тезис о "федерально-политическом" объединении был только продекламирован и, видимо, являлся данью традиции.

С середины 80-х годов XIX в. в российской внешней политике явственно обозначается усиление азиатского и дальневосточного направления. В этой обстановке отстаивали приоритет балканского направления, и в частности славянского вопроса, во внешней политике Российской империи. С возражениями А. С. Ионину выступил А. А. Киреев, утверждавший старый тезис славянофилов о предопределенной России свыше исторической задаче – объединить славян. Киреев полагал, что рознь славян – результат внешнего влияния, что славянские народы по-прежнему сочувствуют ей, а на Запад ориентируется только часть интеллигенции. Россия же, отказавшись от роли главы славянства, отдаст тем самым его в жертву Западу и, вытесненная из сферы своих интересов, утратит значение европейской державы, "застынет хуже Китая"³⁶. Киреев понимал, что скептицизм Ионина в отношении славянского единства имеет под собой почву, поэтому он, как и

другие славянофилы, видел задачу своей публицистической деятельности в преодолении противоречий среди славян и в укреплении их связей с Россией.

В славянофильской прессе всемерно подчеркивалось, что славяне слабы без России, только вместе они могут противостоять германской угрозе. Категорически отрицались какие-либо завоевательные планы Российской империи на Балканах, подчеркивалось бескорыстие ее внешней политики в этом регионе в противовес действиям Австро-Венгрии. Славянофилы стремились создать привлекательный имидж России в глазах зарубежных славян, противостоять антироссийским настроениям в славянских странах. С другой стороны, понимая, что этническое родство и православие – весьма тонкая связующая нить, некоторые, в частности, В. И. Ламанский, вынуждены были констатировать, что страна, где "просвещение и наука объявлены неизбежным злом" (намек на контрреформы Александра III), не будет популярной у славян, и призывали правительство стремиться к достижению благосостояния во всех сферах государственной жизни³⁷. Однако правительство мало внимало подобным призывам.

Славянофилы были убеждены, что ориентация на Запад не соответствует национальным интересам славянских стран, и потому надеялись на кратковременность европейского влияния в них. Ламанский, например, утверждал, что усилия Европы направить славян против России никогда не увенчиваются успехом в силу симпатий к ней народных масс³⁸, а другой известный славист Ф. И. Успенский писал: "Славяне придут к сознанию, что с Запада они получат дары данайцев. Они вернутся к России"³⁹. Время показало, что доля истины в этих утверждениях была, свидетельством чего явилось падение проавстрийского режима в Сербии.

Славянофилы протестовали против тех внешнеполитических акций Российской империи, которые способствовали отчуждению между Россией и зарубежными славянами. Так, все они без исключения приветствовали румелийский переворот в Болгарии в сентябре 1885 г. и считали крупной ошибкой Петербурга ставку на сохранение условий Берлинского трактата и восстановление статус-кво. "Мы этого хотели с самого начала, – заявлял в "Славянских известиях" А. А. Киреев о соединении Болгарии и Восточной Румелии, – надо, чтобы этот акт получил юридическую санкцию европейского концерта"⁴⁰. В своем дневнике он писал: превращение России в "жандарма Берлинского трактата" будет означать,

что "наша роль в Болгарии кончена"⁴¹. Здесь славянофилы были недалеки от истины. Они сожалели о разрыве российско-болгарских отношений в 1886 г., справедливо полагая, что он противоречит интересам как России, так и Болгарии.

Ослабление позиций России в славянском мире и поворот Петербурга к азиатским проблемам оказали, на наш взгляд, определенное влияние на внешнеполитические программы славянофильских деятелей и на интерпретацию ими идеи славянского единства. Все чаще в славянофильской публицистике стали встречаться утверждения о двойной природе Российской империи как европейского и азиатского государства и о специфике ее интересов как европейской державы. Еще в 70-х годах К. Н. Леонтьев подчеркивал, что Россия не была чисто славянской страной и что ее восточные и западные владения "стесняли ее славизм". Он упрекал славянофилов за то, что они поддерживали только "узкий славизм", в то время как задачи России были неизмеримо более широкими. Леонтьев полагал необходимым сохранение связей России со всеми восточными христианами "на случай какой-нибудь западной грозы"⁴². Его восточно-христианский союз, как уже говорилось, включал, кроме балканских государств, "остатки Турции и всей Персии". Как вспоминал Вл. Соловьев, мечтой Леонтьева было восстановление Восточного царства по типу Византийской империи⁴³.

В начале 90-х годов с оригинальной концепцией трех миров выступил В. И. Ламанский. Евразийский материк он делил на три мира – европейский, азиатский и средний. Последний включал Россию, балканские государства, Европейскую Турцию, примыкающие к Кавказу земли Азиатской Турции, Приморье Сирии⁴⁴. Этнически неоднородный средний мир, по мысли Ламанского, объединялся духовной и религиозной общностью, поскольку большая часть его населения исповедовала православие. Связующей силой был русский народ. Общими были и политические задачи – противостояние германской и австро-венгерской экспансии на Балканы и на Восток. Ламанский полагал, что в случае войны с этими державами Россию поддержат народы среднего мира. Не ставя себе задачей анализировать концепцию Ламанского, мы отметим, что она уже учитывала новую ситуацию на Ближнем Востоке, в частности, германскую активность в Османской империи, и в Европе: ученый видел неоднородность европейского мира и разделение его на две части – германо-английскую и латинскую.

Здесь Ламанский имел в виду франко-русское сближение. И, наконец, он снова указывал на то, что экономика и управление в России страдают серьезными недостатками, которые учитывают германские стратеги в своих военных расчетах.

Таким образом, политическая сущность идеи трех миров Ламанского заключалась в сплочении среднего мира перед лицом германской угрозы, расширении круга союзников России. В этой связи предложение М. А. Робинсона о том, что идея Ламанского могла служить идеологическим обоснованием экспансии Российской экспансии Российской империи к Персидскому заливу, недостаточно обоснованным⁴⁵. Славянофилы, как уже говорилось, считали главной задачей России на юге овладение проливами (причем обоими их берегами – европейским и азиатским). И именно эта мысль лежала в основе их внешнеполитических программ.

Хотя славянофильские интерпретации идеи славянского единства находили понимание у отдельных представителей правящих кругов и даже членов царской семьи⁴⁶, правительство их не разделяло и опасалось, что пропаганда взглядов славянофилов может привести к обострению отношений с Германией и Австро-Венгрией. С другой стороны, славянофильские идеи и программы подвергались резкой критике либералов. Вл. С. Соловьев, П. Н. Милюков, Н. К. Михайловский, Л. З. Слонимский, С. Н. Трубецкой и другие либеральные публицисты порицали их за консерватизм, панславизм, национализм, отрыв от реальности, что безусловно было справедливо. В то же время критика славянофилов была, на наш взгляд, односторонней. В их идее славянского единства видели главным образом идеологическое обоснование поддержки политики самодержавия, гегемонистских и даже экспансионистских притязаний России. Славянофилы же рассматривали идею единства в первую очередь как основу самосохранения, самоутверждения славянства, доказательство его жизнеспособности и культурной значимости. "Мы – не в наступлении, а в обороне", – заявлял И. С. Аксаков⁴⁷. Идея славянского единства являлась важной составной частью славянофильской внешнеполитической программы, компонентом политики "национальных интересов", призванной, по их мнению, обеспечить самостоятельность и независимость славянского мира во главе с Россией, сохранить его от посягательств других держав. Для реализации этой идеи не было объективных условий, и не только потому, что славянские народы в силу разных причин были разъединены, но и потому, что стремление славяно-

филов соединить явления совершенно разного порядка – самодержавие и общечеловеческие ценности, нравственность, духовность – было неосуществимо. Тем не менее они сохраняли неистребимую надежду на лучшее будущее славянства, веря в его избранность и великую историческую миссию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дьяков В. А. Идея славянского единства в общественной мысли дореформенной России // Вопросы истории. 1984. № 12. С. 16–31; Он же. Славянский вопрос в общественной мысли дореволюционной России // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г.: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 29–43; Он же. Славянская идея в истории и современности // Свободная мысль. 1992. № 4. С. 73–83; Он же. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.
2. Робинсон М. А. Отражение славянофильских концепций в работе В. И. Ламанского "Три мира Азийско-Европейского материка" // Общественная мысль и славистическая историография. Калинин, 1989. С. 22–28; Косик В. И. Судьба России и славянства в трудах Константина Леонтьева // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991. С. 142–153; Пивоваров Ю. С. Николай Данилевский в русской культуре и мировой науке // Мир России. 1992. Т. 1. № 1; и др.
3. Дудзинская Е. А. Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 276; Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1988. С. 76.
4. Дудзинская Е. А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 245.
5. Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. С. 147–148.
6. Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 39.
7. Дудзинская Е. А. Славянофилы в пореформенной России. С. 264.
8. Аксаков И. С. Соч. Т. 2. Славянофильство и западничество, 1860–1886. М., 1886. С. 787.
9. Русь. 1881. № 44, 12 сент.; 1884. № 24, 15 дек.
10. Аксаков И. С. Соч. Т. 2. С. 596, 603.
11. Подробнее см.: Киняпина Н. С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века. М., 1994. С. 15–20.
12. Скаэкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1928. Т. 1. 1879–1884. С. 146–147.
13. Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890. С. 207.
14. Русь. 1881. № 25. 2 мая.
15. Там же. № 32, 20 июня.
16. Там же. 1882. № 10. 6 марта.
17. Там же. № 20. 15 мая.
18. Там же. № 47. 20 нояб.
19. АВПРИ. Ф. 340. Оп. 861. Д. 121. Л. 3 (Письмо от 12 октября 1884 г.).

20. ОР РГБ. Ф. 126. К. 3. Д. 9. Л. 113 об (Запись от 25 июня 1882 г.).
21. Русь. 1884. № 19. 1 окт.
22. Там же. 1883, № 20. 15 нояб.
23. Там же. № 22. 1 нояб.
24. Там же. 1882, № 11. 13 марта.
25. Там же. № 9. 27 февр.
26. ОР РГБ. Ф. 126. К. 3. Д. 10. Л. 186 (Дневник А. А. Киреева. Запись от 4 августа 1886 г.).
27. Там же. Л. 210.
28. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 1885. Т. I. С. 7–8.
29. Леонтьев К. Н. Национальная политика как орудие всемирной революции. М., 1889. С. 9.
30. Там же. С. 45.
31. К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 69.
32. Spectator. Текущие вопросы международной политики // Русское обозрение. 1890. № 7. С. 376; Он же. Современные вопросы // Там же. 1894, № 10. С. 848–852.
33. С. III. Иностранные обозрения // Там же. 1894. № 6. С. 890–902.
34. Аксаков Н. П. Всеславянство. М., 1910. С. 18.
35. Там же. С. 185–186. См. также: Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. С. 144–145.
36. Киреев А. А. В защиту "братушек" // Русское обозрение. 1890. № 8. С. 834–842.
37. Ламанский В. И. Восточный славянский вопрос // ИССБО. 1887, № 9. С. 436.
38. Ламанский В. И. Речь на заседании славянского общества 23 ноября 1886 г. // Там же. 1886. № 12. С. 562.
39. Успенский Ф. И. Как возник и развивался на Руси Восточный вопрос // Там же. № 6. С. 398.
40. Киреев А. А. Ответ русского царя принцу Баттенбергскому // Там же. № 9. С. 385.
41. ОР РГБ. Ф. 126. К. 3. Д. 10. Л. 122 (Запись от 8 сентября 1885 г.).
42. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. Т. 1. С. 25.
43. К. Леонтьев, наш современник. С. 324.
44. Ламанский В. И. Три мира Азиатско-Европейского материка. СПб., 1892. С. 41.
45. См.: Робинсон М. А. Указ. соч. С. 26.
46. Небезынтересно, например, свидетельство А. А. Киреева о том, что королева эллинов двоюродная сестра Александра III Ольга Константиновна "хочет говорить государю о необходимости для России взять в свои руки дело Востока, стать во главе православной восточной федерации" (ОР РГБ. Ф. 126. К. 3. Д. 10. Л. 181 об.–182. Запись от 24 июля 1886 г.).
47. Аксаков И. С. Соч. Т. 2. С. 804.

КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

(Эпоха польских
национально-освободительных восстаний)

Гибель Речи Посполитой и раздел ее территории между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией поставили перед поляками вопросы их дальнейшей судьбы — выживания, сохранения себя как нации развития национальной экономики и культуры, политического возрождения. Последняя проблема, означавшая необходимость восстановления независимого Польского государства в границах 1772 г., как бы концентрировала в себе все остальные и выдвигалась на первый план. Под воздействием национально-освободительных стремлений формировались ее основные идеологические концепции польской общественной мысли в период разделов.

Поскольку из трех держав, разделивших Польшу, две были по принадлежности "титульной" нации немецкими, а одна славянской, перед польскими патриотами вставал вопрос об отношении, с одной стороны, к славянской проблематике во всем ее многообразии, а с другой — к идеям пангерманизма. Сразу после разделов Польша оказалась в условиях, побуждавших ее искать защиты от угрозы германизаторской ассимиляции. В этом плане далекая романская Франция, с которой в то время связывались надежды значительной части поляков, не могла служить опорой, и известные круги польского общества обратились к идее славянофильства, политический смысл которой сводился к объединению славян под эгидой русского царизма. Не случайно вызванный такой ориентацией интерес к истории России (в 1802 г. Я. Потоцкий издал "Первоначальную историю народов России") и русской исторической литературе возник прежде всего в той части Польши, которая находилась под властью Пруссии, — в варшавском Обществе друзей науки. Несмотря на то, что в первые десятилетия XIX в. Россия выступала противником наполеоновской Франции, ощущение себя членом славянской семьи продолжало жить в польском народе, дух которого, как утверждал Я. Н. Яновский, был тесно связан с духом других славянских народов. Идея общности славян получила в польской общественной мысли дальнейшее развитие, когда было создано Королевство Польское с его широкой автономией,

конституционными правами и свободами, что обеспечивало благоприятные возможности экономического и культурного роста для польской нации и одновременно влияло на отношение поляков к России. С российским императором – главой Королевства, гарантом его автономии и свобод связывались национальные чаяния поляков, их надежды на возрождение Польши, и это находило отражение во взглядах на идею общности славян. Когда же политика царизма в Королевстве развеяла иллюзии, польские патриоты стали связывать славянскую идею с русским освободительным движением и планами совместной борьбы славянских народов против царизма.

Такой поворот был тем более обоснован, что разделы Польши оказали глубокое влияние и на русское общество, заставив наиболее прогрессивную его часть осудить их, испытать чувство вины и стыда, выразить полякам симпатию и сочувствие, предложить им союз для совместной борьбы за свободу. Такие голоса раздавались в России уже в конце XVIII – начале XIX в. (см., например, высказывания Ф. В. Каржавина, П. А. Словцова, В. Г. Анастасевича и др.), а в 20-е годы подобную позицию заняли декабристы, с которыми польское Патриотическое общество вступило в союз. Большинство русских революционеров поддерживало лозунг независимости Польши, исходя именно из славянских мотивов. Общество соединенных славян (слившееся позднее с Южным обществом декабристов) разработало программу объединения славянских народов на базе демократических преобразований; миссией свободной России объявлялось учреждение "свободных правлений" в Польше и других славянских землях¹.

Эта славянофильская концепция, ориентированная не на союз с царизмом, а на борьбу с ним, отразилась в "славянских" проектах русских и польских революционеров конца 20-х годов XIX в. (например, в идеях штабс-капитана С. И. Ситникова и планах польско-украинского общества студентов-медиков в Петербурге). На центральное место выдвигалась задача совместной борьбы русского и польского народов. Л. Набеляк и А. Лаский считали восстание 1830 г. началом общероссийской революции, которая приведет к объединению славян на демократической основе. В манифесте польского сейма, изданном во время восстания, о русских говорилось как о родственной полякам "великой ветви славянского племени"², а М. Мохнацкий в марте 1831 г. писал: "Угнетенные русские, наши единокровные братья и соплеменники, являются

союзниками польского дела"³. Авторы повстанческого "Воззвания к русским" видели в событиях 1825 и 1830–1831 гг. проявления русско-польского революционного союза и славянского единства: "Славянин славянину охотно подает братскую руку. Славянин усердно побуждает славянина добиваться своей свободы. Великая идея федерации славянских народов, провозглашенная на берегах Невы, может быть воплощена в жизнь только посредством совместного их возрождения"⁴.

Так же трактовала идею славянской общности польская демократическая эмиграция 30-х годов. К демократическому союзу славянских народов и сотрудничеству прогрессивных сил России и Польши в борьбе против всех угнетателей призывал А. Мицкевич. В седьмую годовщину восстания декабристов он и И. Лелевель обратились к русским с воззванием, в котором говорилось о славянском братстве двух народов и необходимости сбросить цепи общего рабства, напоминалось о выдвинутых декабристами идеях революционного союза и славянской федерации. В 1838 и 1839 гг. Лелевель, подчеркивая связь судеб Польши со славянством и всеми народами, борющимися за свободу, с удовлетворением отмечал, что поляки и русские объединены целью, общей для всего славянского мира, в котором "готовятся великие события"⁵.

Левое крыло польского освободительного движения делало акцент на социальный аспект "славянской" концепции декабристов. В 1834 г., отмечая их память, С. Ворцель заявил о стремлении русского и польского народов к замене тирании народной властью и созданию славянской федерации. Лозунг славянской республики связывался и с социалистическими идеалами: в частности, такую позицию занимали в эмиграции Люд Польский, а в Польше организация П. Сцегенного, стремившаяся к созданию под лозунгом свободы, равенства, братства демократической славянской Федерации, ядром которой станет свободная Польша. Некоторые польские идеологи (например, А. Цешковский) видели в эпохе "социальности" (т. е. солидарности и братства людей) высшую fazu развития человечества и достижение ее считали целью славянства⁶. Э. Дембовский жеставил задачу возвести славянскую общность на качественно новый уровень через демократическое и социальное развитие каждого славянского народа.

В России линию разработки идеи славянской общности под углом зрения социальных преобразований и русско-польского революционного союза в 30–40-е годы продолжали прежде всего

те революционные организации, которые выступали за возрождение Польши и поддерживали контакт с поляками, в частности петрашевцы и Кирилло-Мефодиевское братство. Содержание "славянской" программы Братства (демократическая республиканская федерация поляков, русских, украинцев и других славян) отражало наличие тесных связей Украины с Россией и Польшей, форма же несла на себе следы влияния мессианских настроений, характерных и для части польской эмиграции. "Книга бытия украинского народа", написанная одним из руководителей Братства Н. И. Костомаровым, перекликалась в ряде моментов с религиозно-мистическими произведениями А. Мицкевича; будущее славян виделось Костомарову вне рамок осуждавшегося им монархического строя, благоденствие славянских народов обусловливалось отсутствием какой бы то ни было "установляемой людьми власти"⁷.

Факт идейной близости русских, польских и украинских революционеров в сфере славянской проблематики имел тем большее значение, что противостоял иным тенденциям, формировавшимся в польской общественной мысли под влиянием событий 30–40-х годов. Разгром восстания 1830 г., последовавшие за ним репресии, ликвидация автономии Королевства Польского, жесткая политика царизма в отношении польского народа оставили глубокий след в сознании польского общества: Россия стала восприниматься как главная сила, препятствующая возрождению Польши, как оплот панславизма. Естественно, что концепции, которые преследовали цель поставить идею славянской общности на службу царизму, вызывали недоверие у поляков и отвергались ими.

В 40-е годы в русском обществе происходила борьба двух течений общественной мысли – западников и славянофилов. Последние, признавая единство славян, исключали из него Польшу как связанную с католической "латинской" цивилизацией Запада, что, несомненно, оказало влияние на позицию поляков (преимущественно студентов), находившихся в Москве – центре идейных споров: их симпатии склонялись к западникам, чьи теории знаменовали сочувствие европейскому прогрессу, революционным демократическим преобразованиям общества и "наводили на мысль, что славяне, согласно своему историческому развитию, будут жить под союзным республиканским правлением". "Мысль о славянском братстве", о необходимости "соединить между собою славян под федерацією" "сделалась общим политическим верова-

нием"⁸, которое поляки, возвращаясь в Королевство Польское, увозили с собой из России. Эту идею разделяли члены Организации 1848 года в Варшаве (например, Р. Свежбиньский), а "Кредо" ее руководителя Г. Краевского соединяло идеи самобытности и мессианской роли славян с гегелевским диалектическим принципом, примененным к развитию человеческой цивилизации (от романской античности через германское средневековье к эре славянской демократии).

Если левое крыло польского патриотического лагеря рассчитывало в борьбе с панславизмом опереться на революционный союз с российским освободительным движением, то консервативная его часть стремилась противопоставить "русскому панславизму" идею "польского славизма", выдвигаемую под лозунгом "защиты католицизма". К развитию новых славянофильских концепций польских консерваторов подтолкнуло и то обстоятельство, что славянские народы сыграли активную роль в революциях 1848 г. Чарторыские, некогда делавшие ставку на Россию, теперь выступили с идеей создания на основе западного конституционализма и католичества славянской федерации, гегемоном которой была бы Польша, а главным компонентом – уния поляков с народами "кresov", прежде всего с украинцами. Острое этой концепции направлялось против России, а на первых порах и против Австрии, но в дальнейшем Отель Лямбер все больше склонялся к австрославистским планам "опоры" на монархию Габсбургов. Общая позиция Чарторыских, выступавших против революции, рассчитывавших на союз с правительствами, а не с народами, накладывала отпечаток и на их славянскую политику. Идея славянской взаимности связывалась с планом предоставления автономии землям Австрийской империи, населенным славянами, и объединения их в федеративном союзе с другими народами под скипетром Габсбургов. Эта концепция австрославизма, поддержанная галицийскими политиками (так называемыми краковскими консерваторами), предполагала, что главная роль в федерации перейдет к венграм и славянам, а среди последних особое место займут поляки. Еще в 1846 г. А. Фредро писал Ф. Стадиону, что автономная Галиция "станет крепостным валом и пунктом опоры для многих славянских поколений, собранных под отеческой властью австрийского дома"⁹.

Таким образом идея славянской федерации сопрягалась с лозунгом польской гегемонии среди славян в целях борьбы с

идеями панславизма и укрепления государства Габсбургов. Этую концепцию разделяли в Галиции не только консерваторы, но и либералы – “львовские демократы”. В документах созданного под их эгидой в 1868 г. Национально-демократического общества звучал призыв бороться с панславизмом и поддерживать стремления славянских народов к самостоятельному развитию, добиваться, чтобы Польша стала для них центром притяжения. На практике это выливалось в попытки галицийских политиков содействовать примирению австрийских славян с венграми. Они старались также упрочить связи со славянскими депутатами рейхсрата; Отель же Лямбер пытался усилить влияние Австрии среди угнетенных турками славянских народов, посыпая на Балканы эмиссаров для ведения пропаганды. Даже после преобразования Австрийской империи на началах дуализма В.Чарторыский не оставил надежды на введение в монархии Габсбургов такого федеративного устройства, которое привело бы к объединению под их скипетром большинства польских земель: “Наш идеал, – заявил он 3 мая 1870 г., – великая федеративная монархия от Черного моря до Балтики, вмещающая все те народы, которые уже однажды в истории, в XV веке, были объединены под эгидой одной династии, сохрания каждый свою независимость. Такая федерация необходима для свободы мира, чтобы Россию территориально отделить от Пруссии и закрыть ей путь на Константинополь; она необходима для европейского равновесия, чтобы заменить бывший Германский союз, разбитый в 1866 г., и выполнить его задачу создания противовеса державам оси”¹⁰.

Слова Чарторыского показывали, что острое борьбы поляков должно было направляться как против идей панславизма, олицетворявшегося одним из угнетателей разделенной Польши – Россией, так и против идей пангерманизма, отождествляемого с другим захватчиком – Пруссией. Третья участница разделов Польши – Австрия, хотя и являлась немецкой державой, не подпадала, согласно доктрине австрославизма, ни под одно из этих направлений борьбы, а, наоборот, представляла защитницей славянского мира и собирательницей польских территорий. Подобные акценты содержало и выступление Ю. Клячко во львовском сейме в канун франко-прусской войны: он напомнил о роли прусских крестоносцев в истории славян и призвал к борьбе с германизмом. Расчет здесь был на вовлечение Австрии в войну против Пруссии и неминуемое в таком случае выступление России на стороне последней, а зна-

чит, и на создание благоприятной ситуации для решения польского вопроса.

Между тем в русской и польской общественной мысли получили дальнейшее развитие славянские идеи, враждебные как "русскому" и "польскому" панславизму, так и австрославизму. В 1848 г. в Брюсселе на собрании, посвященном памяти Ш. Конарского и декабристов, М. А. Бакунин призвал славян быть готовыми исполнить великую миссию – обновить "гниющий западный мир"¹¹. В "Воззвании к славянам" и "Основах новой славянской политики" он выдвинул программу демократической славянской федерации, нацеленную на уничтожение царизма и монархии Габсбургов. Этот "демократический панславизм" требовал свободы и равенства, ликвидации феодализма и реализации права каждого на землю; он опирался на принцип самоопределения народов, а следовательно, предусматривал свободу Польши в решении своей судьбы и необходимость для осуществления этой цели русско-польского революционного союза.

Концепция Бакунина, которую разделяли А. И. Герцен, Н. И. Сазонов и др., находилась в общем русле идей русской революционной демократии, направленных против царизма и международной реакции. Она была прямо связана с задачей возрождения независимого Польского государства, с борьбой против "Союза трех черных орлов", разделивших Польшу. Но "умеренные" в польской эмиграции, группировавшиеся в конце 50-х годов вокруг редакции журнала "Пшеглёнд жечи польских", настороженно относились ко всему исходящему из России. Они отожествляли царизм и русский народ и осуждали план демократической славянской федерации как панславизм. Оторвать славян от России и идеи панславизма – такую задачу ставили польские демократы-эмигранты и в этом направлении вели пропаганду, прежде всего в печати. Польская эмиграция предупреждала об угрозе панславизма в связи с подготовкой в 1867 г. при поддержке русских официозных кругов Славянского съезда в Москве. Перед съездом поляки вели в Париже переговоры с чешскими представителями. Тогда же от имени руководства Объединения польской эмиграции чехам была передана памятная записка, главный лозунг которой звучал так: "Сначала освободимся от оков, а потом побратаемся!"¹².

Памятная записка, связанная с открытием в Москве Славянского съезда, непосредственно касалась вопросов борьбы с панславизмом и пангерманизмом. В этой связи вставал вопрос и о

славянской федерации, о "братании" со славянскими народами Австрийской империи. Призыв побрататься после освобождения нес в себе широкие возможности интерпретации: речь могла идти о федеративном объединении народов в рамках Габсбургской монархии на основе автономии или о создании федерации на руинах империи после ее распада, шагом к которому радикальная демократия считала, в частности, автономию. Пресса демократической эмиграции с одобрением отмечала антиавстрийские акценты в выступлениях львовского Национально-демократического общества, в том числе идею поддержки национальных устремлений славянских народов. В отличие от либерального руководства Общества, стремившегося в союзе со славянами добиться федерализации государства Габсбургов и тем продлить его жизнь, радикалы формулировали лозунг совместного выступления славянских народов империи во имя ее уничтожения. За ликвидацию монархии Габсбургов и создание на ее месте славянской федерации выступал участник восстания 1863 г. К. Микошевский. Ю. Гауке-Босак подчеркивал, что "либеральные" и "федералистские" тенденции Австрии – обман, что подлинная федерация строится не на принципе "разделяй и властвуй", а на основе соглашения свободных народов и означает конец империи. Угнетенным славянским народам, заявлял он, не нужны реформы, цель которых – спасти монархию, усилив "господство немецкого меньшинства над славянским большинством"¹³.

Таким образом, идею славянской федерации польские демократы связывали с задачей борьбы на два фронта – против пангерманизма и официозного панславизма. З. Милковский призывал к союзу славян против Габсбургов, царизма и Османской империи и вел в Белграде работу в этом направлении. В документах Громады революционной "Лондон" в качестве первоочередной цели ставилось объединение славян на борьбу с Австрией и Пруссией.

В связи с планами консолидации усилий славян и создания славянской федерации вставал вопрос о гегемонии в славянском мире. Бакунин видел в центре федерации новую свободную Россию, большинство же польских идеологов (причем не только консервативные и "умеренные" эмигранты, но и деятели революционного крыла) отдавали руководство Польше. Мысль С. Сташица об ее особой миссии среди славян получила развитие в мессианских идеях Мицкевича, хотя он и ограничивал польскую гегемонию периодом борьбы за освобождение народов. Преображенной Поль-

ше отводилось главное место в построениях Цешковского и Дембовского. В то же время Г. Каменьский писал о необходимости для славян опереться на Россию в целях своего освобождения. Считая свободу поляков невозможной без свободы всей славянщины, он выдвигал план создания восточноевропейской федерации, опирающейся на союз России и Польши, которые будут спорить лишь о духовном первенстве. За основанную на подобном союзе славянскую федерацию, которая привела бы, в частности, к воссоединению украинского народа, выступал также З. Сераковский в рукописи "Вопрос польский"; характерно, что он был связан с членами Кирилло-Мефодиевского братства. В 50–60-е годы поляки общались с Н. И. Костомаровым и Т. Г. Шевченко в петербургских кружках, где распространялись идеи русско-украинской демократической федерации.

В это время программа "демократического панславизма" наполнялась все более выраженным социальным содержанием. Получил развитие утопический лозунг всеславянской федерации демократических республик на базе общественной собственности ("Збур братний"). Герцен также связывал идею славянской федерации с теорией общинного социализма в славянских странах; он одобрил концепцию Каменьского и, подобно ему, видел основу свободного союза вольных народов в союзе демократических России и Польши. Утопизм социальных и политических идеалов (общинная собственность, "безгосударственная" федерация общин), иллюзии относительно особого исторического пути славян не зачеркивали революционного и демократического характера доктрины русских и польских прогрессивных идеологов, звавших народы к борьбе за свободу, к социальным преобразованиям и объединению на началах добровольности и равенства. Эти призыва приобрели конкретный смысл в период революционной ситуации в России и подготовки восстания 1863 г. В прокламации "Русским войскам в Польше" (1862 г.) о русско-польском революционном союзе говорилось как о "начале вольного соединения всех славян в единое и нераздельное Земское дело" (выделено в тексте. – С. Ф.)¹⁴.

Такая позиция русских революционных демократов имела тем большее значение, что в 60-е годы они одни в русском обществе противостояли официозному панславизму, выступая в поддержку и защиту поляков. После реформы 1861 г. либеральные славянофилы сомкнулись с правительственным лагерем, за что их атаковал

Н. Г. Чернышевский. Против панславистской идеологии продолжала бороться и польская эмиграция, постоянно имевшая в виду цели освободительной борьбы. Идеям панславизма и пангерманизма она противопоставляла план унии свободных и равных народов, входивших в Речь Посполитую, как зародыша будущей славянской федерации; призыв к консолидации чехов, сербов и поляков бросал вызов не только царизму, но и Австрии и Турции. Демократы в Великой Польше направляли острое лозунга славянской федерации против прусского германизаторства. Целям консолидации славян служили созданные поляками в 1865 г. Славянская беседа в Вене и Славянское коло в Париже.

Подход польских демократов к вопросу о славянской федерации не был лишен гегемонистской окраски. Сконцентрировать усилия на первоочередном решении польского вопроса как основе разрешения всех национальных проблем требовал от чехов и сербов "Глосс вольный". Он вообще отвергал славянскую федерацию и делал акцент на борьбе против России. Но значительная часть польской эмиграции неизменно звала народы к борьбе против всех угнетателей. На конгрессе Лиги мира и свободы в 1869 г. Босак потребовал рассмотреть чешский и восточный вопросы наряду с польским. Плану федерализации Австрии он противопоставил идею добровольного объединения свободных народов, причем не только славян. За более широкую демократическую федерацию народов Европы на основе их самоопределения выступали А. Щенснович и В. Мрочковский. Л. Булевский рассматривал объединение славян в контексте объединения всего человечества. Л. Правдзиц, Я. Домбровский, Ю. Токажевич, А. Медекша также основывали программу славянской федерации на принципах равенства и самоопределения народов, освобожденных от социального и национального гнета. Сопряжение идеи федерации с радикализмом в постановке социальных и национальных проблем снимало остроту вопроса о гегемонии в ней Польши: Токажевич его вообще не акцентировал; Щенснович, Булевский, Правдзиц главенство поляков не связывали с дискриминацией других народов; Домбровский, Милковский, В. Хельтман считали чехов гегемоном будущего союза. Токажевич включал в славянскую федерацию и Россию, что говорило о стремлении к революционному сотрудничеству со всеми свободолюбивыми народами, об осознании того, что лишь в революционном союзе с Россией Польша может обрести свободу и возродиться как государство.

Так идея славянской общности, пройдя через горнило русской и польской революционной мысли, очищалась от реакционных тенденций, обогащалась новым содержанием. В программе левого

крыла русского и польского революционного лагеря она прочно сплелась с идеями национального равенства, признанием права народов на самоопределение, лозунгом русско-польского революционного союза в борьбе за решение общедемократических задач. Процесс развития взглядов русских и польских идеологов на славянскую общность проходил под постоянным воздействием одного из важнейших в истории Европы XIX в. факторов, каким являлось существование разделенной и угнетенной Польши и наличие мощного национально-освободительного движения польского народа. Этот фактор определял сложность и противоречивость процесса. Им обуславливались, с одной стороны, стремление польских патриотов поставить идею славянской общности на службу национальным интересам, а с другой – недоверие к панславистским концепциям, опасение перед угрозой использования их врагами Польши, прежде всего царизмом. Выработку польскими идеологами позиции по вопросу славянской общности осложняло и неоднозначное отношение русского общества к разделам Польши, к польскому вопросу, к национально-освободительной борьбе польского народа. В этом плане существование в русской общественной мысли радикального и революционно-демократического направления, свидетельствовавшее о взглядах, близких и сочувственных полякам, имело большое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горбачевский И. М. Записки и письма. М., 1963. С. 11.
2. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956.
- Т. 2. С. 218.
3. Там же. С. 64.
4. Там же. С. 223.
5. Там же. С. 233.
6. 700 lat myśli polskiej: Filozofia i myśl społeczna w latach 1831–1864. Warszawa, 1977. S. 338.
7. Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815–1917. М., 1976. С. 101.
8. Там же. С. 92.
9. Zdrada J. Sprawa autonomii galicyjskiej w polityce Hotelu Lambert w latach 1859–1873 // Studia historyczne. Kraków, 1967. Zesz. 3/4 (38/39). S. 56.
10. Ibid. S. 67–69.
11. Материалы для биографии М. Бакунина. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 127.
12. Niepodległość. Paryż, 1867. 10.VII.
13. Kozłowski E. Generał Józef Hauke-Bosak (1834–1871). Warszawa, 1973. S. 344–352.
14. Русско-польские революционные связи. (Восстание 1863 г. Материалы и документы.) М., 1963. Т. 1. С. 388.

В. И. ЛАМАНСКИЙ И СЛАВЯНСКАЯ ТЕМА В РУССКИХ ЖУРНАЛАХ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

В. И. Ламанский (1833–1914) был, по характеристике его современников, "в одно и то же время исследователь славянских языков и литератур, археолог и этнограф, историк и публицист–политик, ученый исследователь и общественный деятель. Особое влечение и интерес он имел к современному славянству и его историческим судьбам"¹. В 60–70-х годах Ламанский издал множество публицистических работ по славянскому вопросу, произнес немало политических речей, принимал активное участие в организации Славянского съезда в Москве в 1867 г. С самого начала существования Петербургского отдела Славянского благотворительного общества (1868 г.) ученый отдавал ему много сил и времени, особенно в период расцвета русских симпатий к сербам и болгарам в 1874–1878 гг. Заняв в 1865 г. место доцента, а позже и профессора кафедры славянской филологии, Ламанский прослужил в Петербургском университете 30 лет (до 1888 в штате, а затем и вне штата), был произведен во все соответствующие такой службе чины вплоть до действительного статского советника и получил звание заслуженного профессора университета². Педагогическая деятельность Ламанского была исключительно успешной: он воспитал славистов нескольких поколений, создав целую школу, представители которой заняли кафедры славяноведения почти во всех русских университетах. При этом старшие его ученики – А. С. Будилович, Т. Д. Флоринский, К. Я. Грот и др. – разделяли и его славянофильское мировоззрение, младшие же – А. Л. Погодин, Н. В. Ястребов и др. – отвергали его взгляды, оценивая славянский вопрос с антиславянофильских позиций. Однако всех учеников Ламанского объединяли глубокое уважение и любовь к учителю, который с необыкновенным талантом прививал им интерес к различным сторонам духовной жизни славян и учил методам работы с источниками и литературой. Многообразна и плодотворна также и научная деятельность Ламанского. Во время заграничной командировки он собрал в 1868 г. материалы для ряда статей, посвященных лингвистическим исследованиям в области древнеславянского и русского языков, а также

болгарского наречия и болгарской письменности, опубликовав их под общим названием "Непорешенный вопрос"³. И. И. Срезневский считал эти статьи ценным вкладом в науку, а А. А. Шахматов отметил, что некоторые открытые Ламанским произведения болгарской словесности и высказанные им в упомянутых статьях соображения о литературном прошлом болгар XVI–XVIII вв. подводят к любопытным выводам о соотношении новоболгарского и так называемого среднеболгарского языков со старославянским⁴. Большую научную ценность представляли собой в свое время магистерская⁵ и докторская⁶ диссертации Ламанского, в которых нашел яркое выражение и философское обоснование славяно-фильский взгляд на славянство, Европу, на место и значение России в историческом развитии европейской цивилизации. Важное научное значение имели такие его работы, как "Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках"⁷ и "Новейшие памятники древнечешского языка"⁸. В последней раскрывается история знаменитых подделок В. Ганки; с этой работой Ламанский выступил в то время, когда тезис о подлинности фальсификатов находил горячих защитников не только в среде чешских патриотов, но и у русских ученых.

В 1883 г. вышел в свет объемистый труд разнообразного содержания, основу которого составили документы, извлеченные Ламанским из венецианских архивов в 1868–1869 гг.⁹ Документы снабжены историческими комментариями и вводными статьями. В обширном предисловии к сборнику Ламанский развивал свои политические взгляды на современное славянство и обстоятельно рассматривал те позиции, на которых стоял в то время славянский мир по отношению к Западной Европе. К этой теме ученый обратился еще раз в 1892 г. в работах под общим названием "Три мира Азиатско-Европейского материка"¹⁰, где политические взгляды и философское мировоззрение слависта нашли свое наиболее полное выражение. Сущность его выводов вкратце такова: следует отбросить распространяемое немцами представление о Европе как особой, самостоятельной части земного мира; Европа – это лишь "полуостров Азии", а весь материк от Тихого океана до Атлантического составляет единое целое, в котором "состязаются между собой" три культурные стихии: европейская (западная, романо-германская, католическо-протестантская цивилизация); собственно азиатская, т. е. монголо-индийская группа; и, наконец, третья, средняя, которую раньше называли греко-славянской

ввиду эллинских корней ее цивилизации. Ламанский дал историософский очерк этих трех стихий или миров и пришел к выводу, что по своей природе, этнографии, религии мир славянский является особым, самобытным историческим организмом по отношению к миру романо-германскому. Изложив перспективы славянского мира, Ламанский нарисовал его будущее в самом лучезарном свете, т. е. исходя из общеславянских воззрений. Основные черты противоположности между Западом и Востоком были обрисованы еще И. В. Киреевским, но он противопоставлял Западу только Русь, а Ламанский – все славянство. Он высказывался за объединение славян под эгидой России, так как русский народ составляет ствол всего славянского мира; русский народ представляет собой "крепкий кряж", а все прочие "инородческие" племена суть его ветви. Для всех славянских народностей орудием их взаимопонимания и взаимосвязей, общим дипломатическим языком и даже языком высшего образования может быть только русский¹¹.

Однако аргументация ученого в пользу объединения славян на указанных основах была недостаточно убедительной. Ему не удалось выявить то общее, что связывало бы всех славян. Рассмотрев культурные, бытовые и другие присущие всем славянам особенности, сам же Ламанский обнаружил исторические наслоения, значительно изменившие эти первоначальные черты, и нашел среди них только одну общую – вражду к немцам. Иллюзорность теорий ученого ярко проявилась, в частности, в том, что после распада Австро-Венгрии славяне вовсе не объединились, а создали самостоятельные государства. Материальные интересы, связанные с таким разделением, оказались для них важнее идеальных соображений о племенном родстве.

В настоящей статье нет ни необходимости, ни возможности останавливаться на всех трудах Ламанского, отражавших его политические взгляды, – они очень обширны и разнообразны. В некоторых публицистических произведениях он, правда, подчинял политическую идеологию своим научно-историческим построениям. К тому же и философские, и политические взгляды ученого с течением времени эволюционировали.

Научная деятельность В. И. Ламанского была высоко оценена русской общественностью. В 1900 г. он был избран ординарным академиком РАН по 2 отделению, ученики издавали в его честь научные сборники и т. д. Творчество столь неординарной, можно сказать гигантской, личности в научной и общественной жизни России

второй половины XIX в. породило значительную литературу. Его деятельность характеризовали многочисленные ученики, коллеги и сторонники в связи с различными юбилейными датами. Ему посвящены два обширных юбилейных сборника статей¹². После отхода Ламанского от активной общественной деятельности в конце первого десятилетия XX века он был на некоторое время как бы забыт: наступила другая эпоха, новое поколение ученых, не исключая и учеников Ламанского, не разделяло его политических убеждений и научных теорий, ставших в начале нового столетия ахронизмом. Но кончина Ламанского в 1914 г. вызвала большое число некрологов, воспоминаний и подчас серьезных попыток оценить значение ученого в истории славяноведения. Стали появляться публикации его писем. Однако основательной работы о деятельности выдающегося русского слависта так и не появилось. Революция 1917 г. вообще наложила табу на исследование творчества людей типа Ламанского. В советское время о нем в литературе не появилось ничего существенного. Теперь, как мы знаем и ощущаем, табу снято, однако не доводилось слышать, чтобы кто-нибудь отважился серьезно заняться Ламанским. Во всяком случае, в печати никаких сведений об этом не встречается.

Представляется, что одной из причин такого отношения к творчеству Ламанского на современном этапе развития нашей науки является обилие подлежащего обработке материала об этом сложном и иногда противоречивом исследователе и человеке. В справочных изданиях указано, что Ламанскому принадлежит 410 работ¹³. Думаю, что имеющиеся в литературе списки далеко не полны, так что исследователю творчества ученого придется, прежде всего, уточнить этот перечень, проведя кропотливую работу по выявлению всего им опубликованного. Рукописное наследие Ламанского распылено по многим архивам (кроме личного фонда в АРАН) и насчитывает многие тысячи единиц хранения. Огромное количество писем множеству русских и зарубежных ученых также таит в себе большие культурные богатства и имеет важное значение для истории славяноведения. Кроме того, рукописи Ламанского совсем не просто обрабатывать и по техническим причинам. Ученый обладал неразборчивым почерком, да к тому же еще имел обыкновение недописывать слова, употреблять большое число сокращений, понятных только ему или, в лучшем случае, его корреспондентам. Таким образом, изучение творчества Ламанского требует многолетнего труда. Начинать такое исследование сле-

дует, на наш взгляд, с отдельных проблем. Одна из них рассматривается в настоящей статье.

В ряду многочисленных мероприятий, связанных с изучением славян, пропагандой знаний о них и воспитанием определенного взгляда на славянский вопрос, большое место занимала организация Ламанским работы периодических изданий, в которых находила бы освещение славянская проблематика. Как известно, Ламанский был одним из создателей Петербургского славянского благотворительного комитета, преобразовавшегося затем в Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, которое издавало "Известия" (ИССБО), затем "Славянские известия". С 1 сентября 1887-го до конца 1888 г. их редактором был почетный член Общества В. И. Ламанский. В девяти журнальных книжках, вышедших под редакцией Ламанского, содержится обильный материал о славянах. Кроме официального отдела журнал имел еще рубрики "Славянское обозрение" и "Славянская библиография". В них публиковались статьи русских и иностранных славянских авторов, помещались письма, заметки, рецензии, перепечатки из иностранных газет (славянских, немецких и венгерских) в русском переводе. Нередко появлялись статьи, вызывавшие полемику. Она касалась, как правило, некоторых суждений славянских авторов, комментировавшихся Ламанским. Так, он выразил свое несогласие со статьей сербского профессора Сретковского, в которой последний резко критиковал работу М. С. Дринова о дебрском говоре¹⁴. Дискуссионными оказались статьи самого Ламанского "Восточный славянский вопрос"¹⁵, "Русский язык вместо немецкого, славянское богослужение вместо латинского"¹⁶, "Западный славянский вопрос"¹⁷. Против изложенных в этих статьях взглядов русского ученого выступил чешский политический деятель, редактор газеты "Народни листы" Ю. Грегр, и его точка зрения тоже отражена на страницах "Известий". Так, были опубликованы: статья Я. Червинки "По чешскому вопросу (по поводу статей Ламанского)"¹⁸ и статья "Грекр против Ламанского"¹⁹, а также "Письма редактора Národních Listů Ю. Грекра к проф. Ламанскому" (все они сопровождались примечаниями редактора)²⁰.

В. И. Ламанский напечатал в период своего редакторства в "Известиях", еще ряд статей, например, "Очерки Венгрии. Отрывок"²¹, "О современном положении Болгарии"²² и множество материалов без подписи, как это обычно делали в то время редакто-

ры, обрабатывая поступающий материал. Ламанский стремился превратить "Известия" в источник всесторонних сведений о славянах и просил в своем обращении к читателям присыпать статьи и заметки по "вопросам духовным и по аграрному и экономическому вопросу"²³, имея в виду прежде всего западных славян.

Однако такое направление издания не соответствовало убеждениям членов Совета ССБО, которые считали, что "редактор не имеет права высказывать свое мнение о вопросах этнографических, литературных, историко-политических и культурных по части славяноведения, если они расходятся с мнениями других членов общества"²⁴. В связи с этим В. И. Ламанский оставил свой пост. "Известия я покинул с удовольствием, — писал он Т. Д. Флоринскому в 1889 г. — Они брали у меня много времени, давали мне мало, изменить их на ученно-литературный журнал я не мог. И средств было мало, да и считаться надо было с мнениями членов Совета". "Победоносцев, Игнатьев, Саблер, — продолжает Ламанский, — за моей спиной говорили, что статьи мои и вообще "Известия" отличаются страшною сухостью, мертвенным направлением. Да и вообще со мною Игнатьеву, привыкшему врать и толковать о всех славянских делах тоном знатока, Саблеру, приученному к елейной лести и пр., было неловко. Они не менее моего рады, что я от них ушел"²⁵.

Ламанский вынашивал план открытия собственного журнала. О его концепции он писал, в частности, Флоринскому: "Это должно быть предприятие преимущественно историческое и славянское и вообще восточноевропейское. Церковь и государство, литература и политика, народный, общественный, экономический быт в прошлом и современном положении будут представлены, освещаемы, разъясняемы по преимуществу с исторической точки зрения"²⁶. Однако организация такого издания была делом весьма нелегким, и Ламанскому оставалось лишь довольствоваться тем, что удавалось сделать в существовавших условиях. Являясь председателем Этнографического отдела Императорского российского географического общества, он выступил с инициативой создания собственного органа этого отдела для обсуждения проблем народа-населения России и "соплеменных ей стран" под названием "Живая Старина" и приступил к сбору пожертвований. 16 марта 1890 г. Ламанский писал Флоринскому: "Сегодня утром получил письмо от одного близкого мне члена общества, кое решило все мои сомнения. Дело уже можно считать конченным, и сегодня

вечером я объявлю в Отделе, что "Живая Старина" будет издаваться. Но, разумеется, пожертвования и подписка должны продолжаться"²⁷. А в июле 1890 г. он сообщал: "За исключением вводной статьи и разных рецензий и заметок, 1-я книга "Живой Старины" уже готова и послана мною в набор, листов 8–9. Кажется, будет интересна. Боюсь только, будет ли иметь достаточно подписчиков: надо 600. А наберем ли? Год, два надеюсь продержаться, а там как? А как много можно было бы сделать таким журналом!"²⁸. Ламанский со свойственной ему энергией вел начатое дело: хлопотал об объявлении нового издания в печати, просил друзей присыпать статьи и заметки, искал подписчиков. "Благодарю Вас за лестный отзыв о "Живой Старине" в "Дневнике"²⁹, – писал он К. Гроту. – "Живая Старина" меня очень занимает. Я отдался ей с полным увлечением. Подписчиков, увы, мало – 340; кажется, уже дошло до 350. Все у нас трудятся даром. Только один молодой человек держит большую часть первых корректур, он кое-что получил, но и то пока всего 100 рублей... Впрочем, если к декабрю-январю прибавится еще 150 подписчиков, то второй год можно считать обеспеченным"³⁰. В письме к своему другому ученику – Т. Д. Флоринскому, Ламанский обратился с просьбой о помощи: "Все мы здесь работаем для "Живой Старины" даром. Я истратил на нее рублей сто и не только пишу, составляю книжку, умаливаю авторов и езжу за ними, но и исправляю должность рассыльного – сам отнюду и отвожу корректуру и проч. Итак, голубчик, жду Вашей помощи. Порадуйте, похлопочите за "Живую Старину". Она могла бы принести большую пользу. Будет у нас 600 подписчиков, и мы продержимся; а иначе нужно будет в конце года закрыть лавочку"³¹.

Однако дело постепенно все же налаживалось, журнал набирал силу. "Кажется, "Живая Старина" улучшается, второй выпуск лучше первого, третий лучше, кажется, второго, – делился Ламанский с Гротом. – Слаб отдел критики и библиографии, но просишь, просишь – обещают и не дают. Мало охотников писать даром... Рассчитываю теперь на выпуск журнала в библиотеки гимназий и других учебных заведений"³².

Итак, благодаря усилиям В. И. Ламанского "Живая Старина" выжила. Она выходила под его редакцией до 1910 г. Журнал состоял из отделов: Исследования; Заметки с примечаниями; Критика и библиография; Смесь (т. е. материал о работе ученых обществ в России и за границей, ученая корреспонденция). В издании публи-

ковались статьи этнографического плана не только о русском народе, но и обо всех славянах, заметки по исторической географии славянских земель Балканского полуострова, Австро-Венгрии и Германии, по исторической этнологии Восточной Европы. В отделе критики и библиографии помещались обзоры и извещения об отдельных сочинениях и периодических изданиях, по этнологии как славянских, так и других народов. Словом, это был общеэтнографический журнал научного направления, где политические симпатии и антипатии выражались лишь в завуалированной форме.

"Живая Старина" внесла большой вклад в изучение как определенных сторон жизни славянских народов, так и истории славяноведения. В журнале были опубликованы архивные материалы из литературного наследия И. И. Срезневского о лужицких сербах³³, письма к нему П. И. Шафарика за 1841–1843 гг.³⁴ и, наконец, получившие большую известность "Письма И. И. Срезневского из славянских земель"³⁵. Была также вторично опубликована рецензия И. И. Срезневского на книгу П. И. Шафарика "Славянские древности"³⁶. Ценнейшим материалом для истории славяноведения явились печатавшиеся в 1890–1891 гг. письма П. И. Прейса и некоторые документы о нем³⁷. Рано умерший П. И. Прейс, не успевший оставить после себя ни крупных сочинений, ни учеников, был к концу XIX в. почти забыт. В. И. Ламанский разыскал у наследников одного из друзей Прейса – М. С. Куторги – и у других лиц материалы о замечательном слависте и воскресил его из забвения. Редактору "Живой Старины" принадлежит и характеристика Прейса как ученого: "В истории славяноведения, по времени и по ученой подготовке, по дарованиям и по заслугам, Прейс стоит непосредственно за Добровским, Востоковым, Копитаром и Шафариком. В России и вообще в славянстве он является первым по времени крупным ученым в области сравнительного языкознания и первым критиком Боповой грамматики... Уже в 1843 г. ему ясны были разные недочеты, проблемы и недостатки знаменитого труда Шафарика "Славянские древности"³⁸". Эта характеристика прочно вошла в литературу и признана правомерной в современном славяноведении. В "Живой Старины" напечатан – кроме писем Прейса – и очерк "Известия о Болгарии 1835 года. Из бумаг Прейса"³⁹. Болгарские материалы вообще весьма неплохо представлены в журнале: публиковались тексты болгарских народных песен⁴⁰ и сказок⁴¹, материалы об обычном праве болгар⁴² и т. д. Заметки по этнографии и фольклору имеются в журнале по существу обо всех

славянах, преимущественно южных. В библиографическом отделе, напротив, преобладают чешские и польские работы, о которых высказывают свои суждения русские и славянские ученые. Чешский ученый Ю. Поливка поместил в "Живой Старине" свой "Обзор трудов по чешской этнографии за последние 10 лет (1880–1890)"⁴³. В журнале публиковались также некрологи – Миклошича⁴⁴, Первульфа и др. "Живая Старина" была серьезным информатором русской читающей публики о культуре, науке, особенностях быта славян. В том, что сведения не ограничивались этнографическими сюжетами, нельзя не видеть роли редактора В. И. Ламанского. Но все же он мечтал организовать и специальный журнал по славянской истории, а потому в 1895 г. обратился с письмом к министру народного просвещения И. Д. Делянову, ходатайствуя о пособии на издание нового журнала "Славянский мир"⁴⁵. В этом письме, выступая от имени всех русских славистов, "как профессоров наших университетов так и некоторых частных лиц, занимающихся с любовью славяноведением", ученый обосновывал необходимость создания журнала по славяноведению для дальнейшего развития науки в России и повышения ее международного престижа. Говоря о научных достижениях Ламанский заметил, что российские университеты и частично духовные академии "за последние 50 лет дали столько крупных ученых трудов, образовали целую плеяду более или менее видных тружеников: о русской науке стали говорить с уважением в Европе... русские имена получили в ней почетную известность... Оживив изучение нашего прошлого и настоящего в разнообразных отношениях, успехи славянской филологии в России немало помогли и самостоятельному в ней изучению германской и романской филологии, а занятия русских славянскою историою привели к самостоятельному у нас изучению и лучшему пониманию средневековой и новой европейской истории, преимущественно истории старой Германской империи, восточной Германии, т. е. Пруссии, и Австрии, Венецианской республики, истории латинства и протестантства в Восточной Европе, истории Византии, Турции, Новой Греции. Успешное развитие славяноведения в России много также содействовало усилинию нравственного авторитета и умственного влияния нашего отечества во всех славянских землях, немало помогло распространению среди наших соплеменников на Юге и Западе русского языка, русской книги". Далее ученый обратил внимание своего адресата на то, что в Берлине уже 20-й год выходит "под редакторством известного

слависта проф. Ягича" периодическое издание "Archiv für slavische Philologie". "Архив славянской филологии", – продолжал Ламанский, – признается в высшей степени полезным органом не только для германской, но и вообще для европейской науки. Германское и Австрийское правительства и общества дорожат журналом проф. Ягича потому, что им поддерживается высокий авторитет немецкого языка и его распространение среди всех славян, не только германских, австро-венгерских, но и бывших турецких". Излагая программу задуманного журнала, Ламанский подчеркнул, что "Славянский мир" будет освещать, главным образом, вопросы славянской истории, (чем "Архив" не занимается), по которой "... у поляков, чехов, сербов, хорватов и др. в последние десятилетия издано так много важных исторических источников, так много выходит больших исторических трудов и частных монографий, что теперь уже очень чувствителен недостаток (т. е. отсутствие в России. – Л. Л.) журнала, который бы внимательно следил за развитием исторического знания в этих землях". "Вообще в России ни ее прошлое, ни ее настоящее, ни, смею думать, ее будущее, – рассуждал далее Ламанский, – не позволяют отставать от какой-либо европейской страны в исследованиях и изучениях славянского мира во всех отношениях. Всякая наша остановка в этой научной работе была бы шагом назад для русского самосознания. Мы, русские, волею-неволею начнем отставать от Австрии и от Германии в этой родной, нашей по преимуществу, области знания, если не обзаведемся ученым органом по этой части. При нынешней специализации и разветвлении отдельных областей знания ни одна наука не может обходиться без центральных органов, где сверх специальных исследований и новых наблюдений сообщаются постоянные обзоры вновь выходящих ученых трудов с их подробною или краткою, смотря по надобности, критическою оценкою. По всем этим причинам нетрудно уразуметь и практическую пользу такого чисто ученого органа славяноведения на русском языке".

Но министру Делянову и другим высокопоставленным чиновникам не было дела ни до "русского самосознания", ни до развития науки о славянах. В ссуде размером в 3500 рублей на первые три года издания "Славянского мира" было отказано. Министр финансов сообщил Делянову (а тот известил Ламанского), что не считает возможным предоставить просимую ученым сумму, поскольку подобных просьб слишком много⁴⁶. Как видим, "остаточный принцип" финансирования культуры имеет в российских правительственные кругах глубокие корни. А чиновничество и другие власти имущие при любых политических режимах твердо придерживаются выработанных историей традиций.

Все вышеизложенное свидетельствует о том большом значении, которое придавал периодической печати В. И. Ламанский. Он считал ее важным средством пропаганды идей научных, политических, религиозных, национальных. Все его журналы, независимо от их профиля – политический "ИССБО", или чисто научный "Живая Старина" – имели целью познакомить русское общество с зарубежными славянами, их культурой, историей и современным положением, а главное – показать, что будущее славян немыслимо без связей с Россией. В то же время, симпатиям славян к России предстояло, по мнению Ламанского, расти в зависимости от ее достижений в области культуры, образования, науки, ввиду чего необходимо развивать отечественное просвещение. Таким образом, В. И. Ламанский, разделяя теорию о единстве славянского племени, понимал славянский вопрос не с точки зрения какой-то определенной политической линии в тот или иной исторический период, а исходя из своей убежденности в исторической неизбежности объединения славян во главе с Россией как самым крупным и независимым славянским государством. При этом Ламанский верил в добровольное объединение славян и считал, что такое объединение произойдет тем быстрее, чем выше будет уровень развития культуры, государственной жизни и науки в России, а, следовательно, и престиж Отечества в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГИА. Ф. 740. Оп. 47. Д. 57. Л. 5. Биографические справки о профессорах.
2. Там же. Ф. 733. Оп. 150. Д. 628. Л. 21. Формулярный список о службе ординарного профессора Санкт-Петербургского университета по кафедре славянской филологии, действительного статского советника В. И. Ламанского, 1889 г.
3. Журнал министерства народного просвещения. 1869. № 1, 6, 7, 9.
4. Шахматов А. А. Записка об ученых трудах заслуженного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета В. И. Ламанского // Сб. ОРЯС. СПб., 1901. Т. 69. С. XXXIX–XLVIII.
5. Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании // Ученые записки // отд-ния Имп. Акад. наук. СПб., 1859. Кн. 5.
6. Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.
7. Славянский сборник. СПб., 1875. Т. 1. С. 413–584.
8. Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка // ЖМНП. 1879. № 1–3, 6, 7; 1880. № 7.
9. Sécrets d'Etat de Venise: Documents, extraits, notices et études... SPb., 1884.
10. Ламанский В. И. Три мира Азиатско-Европейского материала // Славянское обозрение. 1892. № 1–3.
11. Линниченко И. А. Патриарх русского славяноведения: В. И. Ламанский // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 244–253.

12. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883; Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его ученолитературной деятельности. СПб., 1905.
13. Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С. 386–389.
14. ИССБО. 1887. № 9. С. 440–449.
15. Там же. С. 433–440.
16. Там же. № 10. С. 479–488.
17. Там же. № 11–12. С. 531–539.
18. Там же. С. 604–613.
19. Там же. С. 620–622.
20. Там же. С. 634–639.
21. Там же. № 6–7. С. 361–396.
22. Там же. № 10. С. 511–516.
23. Там же. С. 525.
24. От редактора // Там же. 1888. № 11–12. С. 691–695.
25. ОР ЦНБУ. Ф. III. № 20404. Письмо от 26 февр. 1889 г.
26. Там же.
27. Там же. № 20406.
28. Там же. № 20407. Письмо от 18 июля 1890 г.
29. Имеется в виде газеты "Варшавский дневник".
30. В. И. Ламанский – К. Я. Гrotу, 25 апреля 1891 г. // Исторический вестник. СПб., 1915. № 1. С. 228.
31. ОР ЦНБУ. Ф. III. № 20409. Письмо от 21 октября 1891 г.
32. Исторический вестник. 1915. № 1. С. 228.
33. Сербо-лужицкий народный календарь (из бумаг И. И. Срезневского) // Живая Старина. СПб., 1890. Вып. 2. С. 55–57; Сербо-лужицкие народные поверья (из бумаг И. И. Срезневского) // Там же. С. 55–57.
34. Там же. 1891. Вып. 4. С. 167–174.
35. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842 // Там же. 1891. Вып. 1. С. 49–74; Вып. 2. С. 27–70; Вып. 3. С. 43–105 и т. д. вплоть до 1893 г. Отд. изд.: СПб., 1895.
36. Там же. 1891. Вып. 4. С. 174–187.
37. Письма П. И. Прейса М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836–1846) // Там же. 1890. Вып. 2. С. 108–136; 1891. Вып. 3. С. 1–47; Вып. 4. С. 1–42. Отд. изд.: СПб., 1892.
38. Письма П. И. Прейса... Предисловие // Там же. Вып. 2. С. 108.
39. Там же. 1891. Вып. 3. С. 234–237.
40. Болгарские народные песни // Там же. 1890. Вып. 2. С. 157–160. Вып. 3. С. 147–153.
41. Болгарские народные сказки (Сообщено И. Д. Младеновым) // Там же. 1891. Вып. 3. С. 154–157.
42. Бобчев С. Из обычного права болгар // Там же. 1892. Вып. 1. С. 31–42.
43. Там же. С. 99–104; Вып. 2. С. 146–152.
44. Франц Миклошич // Там же. 1891. Вып. 3. С. 251–256.
45. РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1340. Л. 1.
46. Там же. Л. 3.

**СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ ВЕНГРИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(По материалам российских дипломатических служб)**

Изучение различных интерпретаций идеи славянской общности, ее роли в развитии общественной мысли у западных славян, как правило, ориентировано на интерес к ней со стороны общественности. До сих пор остается неясным, какое место эта доктрина занимала в построении модели взаимоотношений между официальной Россией и славянскими народами. В данном контексте представляется целесообразным рассмотреть отношение российских дипломатических служб к словацкому вопросу.

В формировании образа Словакии на рубеже XIX и XX веков в глазах официальной России важную роль играло традиционное средство коммуникации – дипломатический канал. Об этом свидетельствуют материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Речь идет прежде всего о документах, находящихся в следующих фондах: Российско-Императорское генеральное консульство в Будапеште, Канцелярия Министерства иностранных дел, Особый политический отдел и Политархив.

Позиция российских дипломатических служб по словацкому вопросу складывалась под влиянием нескольких факторов. Конец XIX – начало XX в. – это период поиска форм сотрудничества между Российской империей и Венгерским королевством. То обстоятельство, что Транслейтания после 1867 г. независимо от Цислейтании осуществляла управление, правосудие, а также самостоятельно решала большинство финансовых и хозяйственных вопросов, находящихся под контролем своего парламента, открывало новые перспективы в сложившейся системе отношений между Австро-Венгрией и Россией. Естественно, что на Российское императорское генеральное консульство в Будапеште в развитии этих отношений возлагалась особая роль¹.

Однако этот путь оказался крайне трудным. Во-первых, согласно сложившейся системе международных договоров, действую-

щим двусторонним соглашениям, установить особые отношения – "наладить непосредственное общение" – с Транслейтанией Россия могла только с одобрения Вены. Между тем последняя не проявляла в этом направлении каких-либо инициатив. Более того российские дипломатические представители были убеждены, что в первое десятилетие XX в. Австро-венгерское Министерство иностранных дел "старалось всячески не допустить сближения России с Венгрией". Об этом красноречиво писал консул Приклонский, полагавший, что "Вена пыталась добиться своих целей, восстанавливая последнюю против нас, а нас старалась убедить, что если где-нибудь в пределах монархии мы можем встретить дружбу, то только на Баль-плятце"².

Во-вторых, существовал и субъективный момент. О нем озабоченно напоминали сменявшие друг друга российские консулы в Будапеште, такие как статский советник князь Львов, Муравьев-Аpostол-Коробин, действительный статский советник Приклонский. В частности, последний в январе 1912 г. подчеркивал, что до сих пор большинство венгерских политиков считает "за аксиому, что Россия – их исконный враг, враг дикий и жестокий". Как свидетельствуют документы, серьезным препятствием на пути сближения было и якобы резко отрицательное отношение к России "всесильного в Венгрии еврейства"³.

"Разбить легенду о принципиальной вражде" к Венгрии со стороны России пытались все ее дипломатические представители в Будапеште.

В первые годы XX в. на повестку дня был поставлен вопрос о налаживании торговых связей между этими государствами. Между тем стремление монархии Габсбургов к экономическому сближению с Россией "не встречало одобрения со стороны мадьяр". Объясняя позицию венгерского правительства, российский консул А. Н. Львов писал, что развитие данной сферы отношений нежелательно как с политической, так и с экономической точек зрения. Это "могло вызвать недовольство Германии". Кроме того, "Венгрия как страна преимущественно земледельческая" была заинтересована в том, чтобы "ее произведениям был открыт по возможности самый широкий сбыт на австрийском рынке"⁴. Однако "главной помехой" для развития непосредственных торговых сношений между Венгрией и Россией, по мнению российского дипломата, служили "весма стеснительные меры для проезда в Россию евреев и их пребывания там по торговым делам". В таких ус-

ловиях российский дипломат видел единственный возможный путь "найти разрешение в частной инициативе"⁵. Так, он пытался со-действовать получению займа в размере 200 млн. франков в Венгерском кредитном банке в момент начавшихся переговоров об этом предмете с Францией, полагая "более целесообразным обратиться ко второстепенным рынкам Европы"⁶. В свою очередь российский министр финансов Коковцев, "вполне оценивая добре побуждение", отклонил это предложение, ввиду сравнительно небольшого размера предлагаемой суммы. "Заключение столь маленьких займов было не в обычаях великой державы"⁷.

Здесь следует подчеркнуть, что на протяжении всего интересующего нас периода практически все подобные акции не получили действенной поддержки в Санкт-Петербурге. Архивные материалы показывают, что и в 1912 г. консул Приклонский по-прежнему ставил перед руководством МИДа все тот же вопрос. Желательно ли "стремиться к сближению России с Венгрией вообще и, в частности, желательно ли сближение это а) в смысле экономико-культурном, б) в смысле политическом". Неутешительная помета "Ответа не было"⁸ на выписке из этого донесения консула послу в Вене после возвращения последнего из Санкт-Петербурга говорит о том, что сдержанная позиция центра к рассматриваемой проблеме сохранялась вплоть до первой мировой войны. "При нормальных условиях нам нет никакого расчета содействовать венгерскому ввозу в Россию", – признавал сам Приклонский. При этом даже для сторонников венгеро-русского сближения было само собой разумеющимся, что инициативу следовало проявить Транслейтании. "Сколь ни важно сближение России и Венгрии, делать в этом отношении первый шаг, заискивать, так сказать, перед Венгрией, по примеру других держав, было бы несовместимо с достоинством России и кроме того нецелесообразно", – подчеркивалось в донесении консула от 3 января 1912 г.⁹

Общей задачей и важнейшей чертой деятельности российского консульства в Будапеште было стремление наиболее адекватно отражать процессы, происходившие в различных регионах Венгерского королевства. В середине 1908 г. консул Муравьев-Апостол Коробын полагал, что его цель состоит в том, чтобы "беспристрастно следить за политическими течениями в Венгрии...", составить себе "ясную и полную картину этих довольно запутанных взаимо-отношений"¹⁰. В поле зрения дипломатических представителей оказывались события, которые могли оказать влияние на судьбы

монархии, поставить под угрозу достигнутые ранее соглашения между двумя государствами, определявшие сохранение статус-кво на Балканах. Все это напрямую затрагивало интересы России.

Причем для менталитета российских дипломатов "действительные потребности России", а не "выгодность сближения со славянским населением Австро-Венгрии"¹¹ были совершенно естественной основой в определении общей концепции развития отношений с Венгрией. Характеризуя отношение российских дипломатических служб к славянским национальным движениям Транслейтании, следует подчеркнуть, что на протяжении длительного времени даже не ставился вопрос о поддержке устремлений или действий, направленных на ослабление, дезинтеграцию империи. "Революционирование" венгерских славян, – писал Приклонский в начале 1912 г., – если вообще подобная мера допустима с точки зрения достоинства России, могло бы быть оправдано лишь в том случае, если бы оно сулило ей реальные выгоды и соответствовало ее конечным целям"¹².

В то же время официальной России была понятна позиция венгерских либеральных политиков, желавших "полного исчезновения сепаратизма, чтобы иметь возможность с одинаковым рвением и при совместном участии всех национальностей работать над удовлетворением духовных и материальных нужд венгерцев вообще"¹³. Российский консул с восхищением писал о сторонниках курса, ориентированного на "расширение автономных прав, но не торопясь", фактически солидаризировался с точкой зрения венгерских либералов, полагавших, что "у политически незрелых народностей переход от пользования национальной автономией к сепаратистским притязаниям слишком легок"¹⁴.

Важным, и психологически может быть даже более серьезным чем остальные, фактором была жесткая позиция венгерской правящей элиты, опасавшейся "всякого вмешательства русских в их (венгров. – З. Н.) дела" и державшей под постоянным наблюдением всех российских подданных как возможных носителей идеи панславизма. Об этом свидетельствует большое количество документов, которым нельзя не доверять, ибо имеется в виду переписка между консульством в Будапеште и посольством в Вене, т. е. корреспонденция сугубо служебного характера. Так, в донесении от 3 августа 1899 г. указывается на "подозрительность венгерского правительства" к любым контактам русских и славянского населения королевства. Информация о перманентном состоянии

"боязливой бдительности", "доходящем до болезненного опасения мадьяр и их правительства в прочности своего политического господства"¹⁵, неизменная составная часть текста большинства документов. "Вообще в Венгрии ввиду крайне натянутых отношений между мадьярским правительством и славянскими народностями от всякого русского, имеющего к ним симпатии, требуется большого самообладания,держанности, осмотрительности, чтобы своим образом действий без всякой на то надобности не раздражать властей и не ухудшать отношений"¹⁶, – сообщал консул в Санкт-Петербург.

Атмосфера вокруг российского дипломата была настолько накалена, что на время выборов в парламент в 1901 г. он вынужден был покинуть столицу королевства. Объясняя свой шаг, он писал: "Многие здесь убеждены, что во время выборов 1896 г. Россия подкупала избирателей словакских (так в оригинале. – З. Н.) округов. Однако очевидно неуспешно, так как депутатов этой национальности тогда избрано не было. Чтобы по возможности предотвратить такого рода "подозрения", консул Львов отправился в Карпаты и прожил там часть избирательной кампании "среди словацкого населения у графа Чаки" – "президента палаты магнатов"¹⁷.

Ярче всего охарактеризовал существовавшее положение консул Муравьев: "Если припомнить времена Тиссы, когда генеральным консулам предоставлялось право в Венгрии беседовать лишь о плугах, лошадях и паспортах, ныне, сохрания за собою последнее право, нам является возможность осторожно подходить к более жгучим вопросам дня"¹⁸.

В таком контексте становится понятным то обстоятельство, что, как правило, российские дипломаты не были лично знакомы даже с известными славянскими политическими лидерами Транслейтании. В этом смысле показателен случай с Приклонским. Стремясь получить разрешение "для объезда местностей северо-восточной части Венгрии, населенной угро-русскими", для того чтобы избежать "всяких ложных толкований" он был готов отправиться в такое путешествие весной 1912 г., "сохраняя инкогнито на местах"¹⁹.

Более того, самые серьезные возражения со стороны консульства вызвало командирование Главным управлением землеустройства и земледелия России действительного статского советника Крюкова с целью "обследования экономической жизни слав-

вян" Австро-Венгрии, ибо такое посещение Транслейтании рассматривалось как "весьма опасное" как для российских интересов, "так, в особенности, и для самих венгерских рутенов и словаков"²⁰.

Переходя к непосредственному рассмотрению вопроса, каким же представлялось словацкое национальное движение на рубеже веков российским официальным сферам, следует указать, что от правной точки для изучения может служить такой документ, как записка "Друзьям словаков на Руси"²¹. Он находится в фонде Политархив и датирован 1897 г. Судя по тому, в каком виде записка отложилась в архиве, ее воспринимали как анонимное обращение к России патриотов Словакии с просьбой оказать нравственную и финансовую помощь словацким интеллектуалам²². Учитывая вовлеченность этого документа в научный оборот важно остановиться лишь на содержащейся в нем характеристике положения словаков и их устремлений.

Документ пронизан тревогой за настоящее и будущее словаков, находящихся под давлением тяжелого мадьярского ига. Однако, несмотря на перманентную мадьяризацию, они выдержали его. Более того, "ни германство, ни мадьярство не повредило никакому этому народу", подчеркивалось в записке, "напротив, он сам своими природными силами амальгамирует немецкие колонии и пограничные мадьярские общинны, насколько возможно при страшном терроре правительенного аппарата"²³.

Какова же аргументация необходимости выделения суммы в 20000 рублей единовременно и 10000 рублей ежегодно?²⁴ Для обоснования целесообразности подобного шага со стороны России, здесь указана важнейшая отличительная черта словаков – они "после русских самые ярые панслависты"; они "открыто и с гордостью при всяком удобном и неудобном случае заявляют свою принадлежность к великой семье славянской", "усердно восхищаются произведениями славянской, именно русской культуры... по духу остаются верными завету первоучителей славянских". Однако главная заслуга словаков состояла в том, что они "без страха признают и провозглашают вождество России в славянском мире"; "в материальной силе и могуществе России видят единственную поруку в сохранении славянских народностей на Западе", в то время как некоторые другие славяне "склоняются к пагубным сепаратистским стремлениям"²⁵.

Идеологической доминантой, способной убедить российское

правительство, должен был стать тезис, сформулированный в заключительной части документа. Здесь говорится о мечте словаков о том, чтобы и они "когда заблестит звезда славянской славы, присутствовали при постройке победных ворот для истинно христианской славянской культуры в единодушном собранье всего православного славянства!!!"²⁶

Этот акцент был оправдан, ибо глубина интереса России к венгерским славянам во многом определялась "вероисповедальным вопросом"²⁷. Так, консул Приклонский, убежденный в том, что для "славян православных нет и не было врагов более жестоких, фанатичных и непримиримых как славяне-католики", полагал, что в случае отделения славян от Венгрии "немедленно же прекратится действие столь выгодных нам центробежных сил монархии, создастся новое движение – центростремительное, и в центре его будет Габсбург, – католик-католик прежде всего"²⁸. Такая перспектива казалась крайне опасной, ибо "этот центр, окруженный всеми соблазнами западной культуры", стал бы маяком, распространяющим "свое притягательное влияние далеко за пределы нынешних Габсбургских владений". Особенно нежелателен был угрожающий характер его воздействия на православных венгерских и балканских славян, якобы "видевших доныне в России, в русском царе высший источник блага и света"²⁹.

Весьма рискованным представлялось объединение славян монархии. В таком случае "славянские племена – поляки, чехи, словаки, хорваты, сербы разовьют свое богатство, свою культуру. Но это будет культура западная, католическая", – обосновывал свою концепцию консул. Для России это означало бы "конец ее положения как единственной великой славянской, но и русской православной державы". Он полагал, что появлению "великой, но враждебной, гибельной для России силы", можно было помешать, лишь сохранив статус-кво в Центральной и Юго-Восточной Европе, что "выгоднее, чтобы славянские ручьи продолжали струиться отдельно и тяготеть к единственному славянскому морю – царству – России, разделяя и отвлекая на себя немецкие силы, которые в противном случае легко могли бы обратиться в другую сторону". Итогом этих рассуждений стал вывод об особом значении Венгрии, она представлялась серьезной преградой на пути германизма к Балканам и Эгейскому морю. "Славянская же Австрия будет все же Австрия"³⁰, – подчеркивалось в том же сообщении из Будапешта.

Сопоставление упомянутой выше записки со значительной частью доступных материалов показывает, что представители российских дипломатических служб в Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX в. воспринимали словацкую общественную жизнь в том же ключе.

Относительно просьбы о выделении средств, следует заметить, что официально деньги могли поступить только из центра. До октября 1905 г. Российско-Императорское генеральное консульство в Будапеште "не имело особого разрешения" оказывать финансовую помощь и "обыкновенно отказывало в удовлетворении означенных просьб". Немногие исключения делались, как пишет консул, лишь "ввиду расстроенного здоровья просителей". Необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что в циркуляре Азиатского департамента от 12 августа 1905 г. говорилось лишь о "покровительстве подданных южнославянских государств"³¹. Однако, несмотря на появление такого разрешения, вопрос об оказании денежной помощи венгерским славянам оставался на протяжении всего исследуемого в настоящей статье периода крайне деликатным. По убеждению консульства, "тактика эта могла быть желательна лишь в том случае, если бы Россия стремилась вызвать войну с Австро-Венгрией". Только при таком условии подобные действия "должны были бы получить планомерное развитие"³².

Данный аспект отношений имел настолько принципиальный характер, что как самостоятельный, требующий решения в Санкт-Петербурге, был специально поставлен перед руководством МИД в 1912 г. Причем, несмотря на разразившийся балканский кризис, российский генеральный консул Приклонский считал, что поддержка славян в Венгрии может принести больше вреда, чем пользы для российского государства. "Тайные русские дары славянам, в сущности весьма незначительные, не могут обеспечить для России их верную преданность в минуту испытаний", – уверял консул своих коллег в центре. Он предостерегал руководство МИД, что "обнаружение хотя бы одного такого дара правительством вызовет его полное и длительное недоверие к России".

Опыт предшественников, наблюдения за развитием текущих событий убеждали Приклонского в том, что подобный шаг "подвергнет всех лишь заподозренных в симпатиях к России жестоким преследованиям". Более того, он пришел к выводу, что "посылка из России без ведома местного правительства каких-либо денеж-

ных вспомоществований славянским церквам, обществам и частным лицам в Венгрии, особенно во время выборов³³ была просто недопустима. К концу 1913 г. "ввиду общего политического положения и настроения венгерских правительственные кругов к России" даже награждение русскими знаками отличия "венгерских подданных славянского происхождения или православного вероисповедания" представлялось российскому консулу несвоевременным.

Думается, именно поэтому оказание помощи словакам должна была взять на себя российская общественность и то с известными оговорками. В сентябре 1900 г. такую акцию предпринял В. П. Сватковский, будущий представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Австро-Венгрии и на Балканах. В своем письме к Ламанскому он просил "принять участие в помощи несчастным словацким патриотам из св. Мартина". В организации сбора средств Сватковским было задействовано "Новое время", где были помещены "сведения о печальной судьбе" словаков. Для того, чтобы "мобилизовать все силы немногочисленных у нас сознательных друзей славянства", Сватковский просил Ламанского "кое-что собрать в своем кругу", обещая опубликовать списки жертвователей³⁴.

Возвращаясь к вопросу об общей оценке положения словаков, необходимо подчеркнуть, что в первое десятилетие XX в. она мало трансформировалась. Практически в одном ключе воспринимались словацкие национальные идеалы. Разумеется, вместе с изменением общественно-политической обстановки, с назначением новых консулов появлялись иные акценты в их донесениях.

Политика правительства, отстаивавшего идею "единого венгерского государства", отрицавшего этническую и политическую индивидуальность невенгерских народов, проживавших на территории Транслейтании, вызывала непонимание и осуждение российских дипломатов. Так, после смерти Тисы российский дипломат писал, что тот "со славянами – особенно словаками не церемонился, мадьяризируя их систематически, подавляя и пресекая у них всякое народно-литературное движение"³⁵.

Все выступления в парламенте или центральной печати венгерских общественно-политических деятелей, высказывавшихся за превращение Венгрии "в одноплеменное мадьярское государство", тщательно отслеживались и сообщения о них, как правило, срочно отправлялись в Вену, а затем в Санкт-Петербург³⁶. Они

вызывали подлинный интерес и озабоченность в самых высоких политических сферах России. Об этом свидетельствует, например, помета "Надо попросить в Канцелярии подлинное донесение" на выписке из донесения А. Н. Львова от 9 ноября 1902 г. В нем говорится о статье барона Банфи, опубликованной в журнале "Magyar Kozélet", призывающей к насильтвенной мадьяризации и полагавшего, что "государственное единство требует не только единого народа, но и единой культуры"³⁷.

Объективным подтверждением негативных последствий курса мадьяризации были итоги "всеобщей народной переписи", проведенной в конце 1900 г. Этому акту придавалось особое значение, ибо цифры воочию убеждали, что процесс ассимиляции славянского населения продолжался, а "государственный венгерский язык сделал существенные успехи за истекшее десятилетие"³⁸.

Небольшой рост численности словаков (российский консул указал цифру 2019641 человек) по сравнению со значительным ростом венгров, заметное сокращение доли славян в процентном отношении к общей численности населения Венгрии (словаки составляли лишь 10,5%, ранее эта цифра равнялась 11%) порождали беспокойство³⁹.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия, начало XX столетия, по убеждению российского консула в Будапеште Львова, ознаменовалось активизацией словацких политических сил. Во время выборов в парламент именно словаки "совершенно отрещились от своей пассивности не только по отношению к избирателям, но и по отношению к кандидатам". Отмечая инициативу словаков, российский дипломат подчеркивал, что лишь благодаря новой тактике, тому что "сербы и румыны последовали, хотя и с некоторыми колебаниями примеру словаков", а также благодаря "более деятельности участию" всех "подчиненных национальностей в выборах"⁴⁰, они и добились некоторого успеха. Указывая на этот положительный факт, А. Н. Львов в то же время полагал целесообразным передать в Санкт-Петербург точку зрения официальной венгерской печати, утверждавшей, что и славянские депутаты "всесильно признают неприкосновенность венгерского государства и дуализма Габсбургской монархии"⁴¹.

Комментируя итоги выборов, консул с искренним возмущением замечал, что "ничтожное число представителей приходится на долю народностей, составляющих в совокупности более половины всего населения королевства!" Сложившееся положение он оха-

рактеризовал как "анормальный порядок вещей", свидетельствующий о том, что "и сама правящая власть является в Венгрии своего рода аномалиею"⁴². В таких обстоятельствах наиболее благоприятным представлялся перманентно продолжающийся "государственный кризис", так как в условиях противостояния с мадьярской оппозицией "правительство нуждалось в инородческом элементе". Ослабление преследований со стороны властей, так же как относительный подъем экономики и "независимые речи на народных собраниях" не должны были, по мнению Львова, ввести в заблуждение словаков. Их представители, "основываясь на всеобщем народном чувстве", вполне обоснованно отказывали в доверии правительству и "стоящему за ним венскому двору". Подобная тактика приветствовалась консулом, а требования "справедливости и равноправности"⁴³ казались совершенно естественными и получили поддержку.

Несмотря на то, что мадьяризаторские тенденции правительства были очевидны, российский дипломат не упускал случая, чтобы не указать на новые притеснения, будь это законопроекты "о мадьяризации вероисповедальных низших и средних училищ" или обсуждавшаяся избирательная реформа, ущемлявшая права национальностей.

Следует заметить, что и МИД, и правящая элита России, да и общественное мнение своевременно информировались о многих акциях венгерского правительства, направленных против славян. Явное сочувствие к словакам пронизывает донесения из Будапешта, где затрагивается этот сюжет. Однако особая реакция последовала на кровопролития в Чернове 27 октября 1907 г.⁴⁴

Встав на позицию "непристрастного наблюдателя", управляющий Генеральным консульством в Будапеште Штральборн постарался восстановить события в мельчайших подробностях. В его версии главный акцент был сделан на то, что в этот день должно было состояться освящение храма, сооруженного по инициативе "видного словацкого деятеля" Глинки исключительно на средства словаков. Между тем, Глинка, "пользовавшийся большим влиянием на своих соотечественников благодаря своему патриотизму", осужденный "за националистическую пропаганду" к тюремному заключению, покинул Венгрию. Словаки из Чернова просили восстановить его в "пастырских правах", отложить освящение храма до возвращения последнего. Однако духовные власти не только не вняли просьбам верующих, но и назначили день освящения. Это

послужило причиной возмущения словацкого населения, решившего воспрепятствовать акции властей. В результате 16 человек оказались убитыми и 11 ранеными⁴⁵.

В связи с такими чрезвычайными событиями особое донесение было отправлено в Санкт-Петербург А. П. Извольскому из Вены. При этом, если Свербеев писал о "кровавом столкновении словацкого населения с жандармами", то Штральборн трактовал инцидент значительно шире – как "кровавое столкновение между местным словацким населением и венгерскими властями". Он возлагал вину на "правительственные власти" и видел в происшедшем "симптоматическое значение" потому, что несколько дней с трибуны парламента открыто звучали обвинения в притеснениях в адрес правительства, было отложено обсуждение важнейших законопроектов⁴⁶.

Высоким уровнем информированности выделяются донесения консула Муравьева, "одного из самых выдающихся дипломатов" в начале XX в., приезд которого в Будапешт "польстил самолюбию эрцгерцога Франца-Фердинанда", и был встречен "весьма симпатично как здешней печатью, так и обществом"⁴⁷. Однако и он вынужден был проявлять крайнюю осторожность в общении со славянской политической и интеллектуальной элитой. Склонный к осмыслинию и обобщению конкретного материала, новый консул приступил к подготовке серии историко-политических очерков, посвященных "славянским народам, населяющим Транслейтию".

После краткого пребывания в Будапеште, Муравьев пришел к убеждению, что информация в Санкт-Петербурге о национальных движениях в Венгрии недостаточна. "Зарождающаяся новая кристаллизация венгерских народностей"⁴⁸ требовала более всесторонних знаний об их истории, трудностях и успехах национальной борьбы после 1867 г. На протяжении нескольких месяцев была подготовлена серия обзоров. Кроме того, в двух донесениях – предваряющем, от 1 октября, и заключительном, от 31 декабря 1908 г., были сформулированы задачи, сделана попытка обобщить собранный материал.

Указывая на обострение национальных противоречий в Транслейтии, Муравьевставил перед собой и МИДом в общем-то риторический вопрос: "является ли утопией стремление славян сплотиться против надвигающейся грозы мадьяризации?" Предугадав близкое начало серьезных катаклизмов, он запрашивал

Петербург, следует ли ему "подыскать способ к сближению" с лидерами национальных движений, чтобы "путем отделения (подчеркнуто в оригинале. – З. Н.) в более или менее далеком будущем Австро-Венгрии от Германии поставить сразу на реальную почву нынешнюю фикцию о величии славянского мира с Россиею во главе"⁴⁹.

С точки зрения российского дипломата, доминирующее положение в венгерской политической жизни занимал "кroatский вопрос", который "грозил превратиться в неизлечимый недуг" и тем самым "заразить и прочие органы венгерского славянства"⁵⁰. Процесс дальнейшего "мадьяризирования славянских национальностей", отсутствие "разумной программы или же плана для упорядочения гражданских отношений" со славянами крайне беспокоили российское дипломатическое ведомство. Обострение в связи с аннексией Боснии и Герцеговины югославянского вопроса способствовало тому, что в центре внимания оказывается "изложение триалистической мысли и ее значения для хорватов как средства для возрождения Югославии". Характерно, что триализм трактовался как "движение, охватившее собой весь югославянский мир" и могущее привести к созданию "автономного югославянского государства как третьей самостоятельной единицы Габсбургской монархии"⁵¹.

В данном контексте Муравьев рассматривал словаков одной из "трех главных немадьярских национальностей", решивших вновь принять активное участие в политической жизни для защиты своих интересов. Он делал акцент на весьма умеренной тактике действий, избранной словацкими политиками вместе с румынскими и сербскими партнерами, он пришел к заключению, что борьба этих народов, в отличие от хорватов, направлена "не на достижение каких-либо новых прав", а состоит "лишь исключительно в домогательстве естественного применения к ним уже дарованного, кодифицированного и соответствующего права"⁵². Этот вывод российского дипломата подтверждался анализом избирательной системы в Венгрии и особенно ходом выборов в парламент в начале XX в.

Консул настойчиво проводил мысль, что закон от 1868 г., "оставаясь мертворожденным, служит пока лишь доказательством псевдодолиберального направления венгерского правительства". Требования славян ввести Закон в действие в полном объеме были совершенно оправданы и справедливы. Вызывали одобрение и сов-

местные выступления, ибо только они приносили заметный успех, как это было на выборах 1901 и 1906 гг. Муравьев вообще полагал, что появление славянских депутатов в парламенте открывало "новый период" в истории борьбы за избирательные права. Бесспорной победой, с его точки зрения, было возникновение клуба из 26 депутатов в 1908 г. Российский дипломатический представитель обращал внимание на тактику действий, на то, что союзники сохранили "за каждой из 3-х народностей ее программу" и объединили лишь "политические приемы борьбы против стремления венгров мадьяризовать все входящие в состав короны народности, не исключая и Кроации"⁵³.

Чрезвычайно высокой оценки консула заслужил новый избирательный закон, предложенный Андраши, который вводил систему "всеобщих выборов", несмотря на то, что право тайной и равной подачи голосов было исключено. "Означенная реформа может со временем повлиять и на внешнюю политику монархии, приблизив последнюю к славяно-русским идеалам и отдалив ее от влияния германизма с его развивающимся "Дранг нах Остен"⁵⁴, – считал Муравьев. Создается впечатление, что именно с введением этого закона и сохранением избранной тактики совместных действий немадьярские национальности и могли, по мнению дипломата, иметь шансы на успех.

Особой активности в новых условиях он ожидал от словаков. Если сербы, составлявшие всего лишь 5,5% численности населения Венгрии, а русины соответственно 2,3%, – "не могли претендовать на высшую политическую роль", то словаки находились в "гораздо лучшем положении"⁵⁵. По прогнозу консула, они, "вступив в борьбу с мадьяризацией посредством орудия, которое представил им новый выборный закон", должны были "проводить в парламент гораздо большее число депутатов".

Обращает на себя внимание еще один момент во взглядах Муравьева. Он полагал, что "в борьбе с мадьярами весьма серьезным фактором в руках словаков, как и румын, являются социал-демократы". Не расшифровывая источника информации, консул сообщал об объединении сил разных политических убеждений "на почве политпропаганды и тайных выборов". Именно эта перегруппировка сил и должна была сыграть, по его убеждению, "весьма существенную роль"⁵⁶. В данном контексте следует подчеркнуть, что массовые социальные движения в Транслейтании находились

под пристальным вниманием российских служб буквально с начала ХХ в., будь то всеобщая стачка железнодорожников⁵⁷, "рабочий вопрос" в целом, либо меры, предпринимаемые правительством "для упорядочения отношений между работодателями и рабочими"⁵⁸, или деятельность венгерской социал-демократической партии, "взявшей на себя представительство интересов этих миллионов бесправных"⁵⁹. Дело в том, что рабочий вопрос был выделен как специальный в инструкции МИД. Отслеживанию подлежали следующие его аспекты: "законодательные меры, определяющие труд на фабриках, организация рабочих союзов, стачки, их предупреждение и способы прекращения". Для сбора информации по данной проблематике рекомендовалось привлекать нештатных агентов⁶⁰.

Накануне первой мировой войны, несмотря на радикальное изменение обстановки и соответственно определенную новизну подходов, в характеристике положения словаков просматривается очевидная традиционность. Такие пассажи, как "бедный, забытый, но в то же время трудолюбивый и настойчивый народ", совсем в духе возрожденческих традиций по-прежнему являются зажином большинства материалов.

Особенно это заметно в донесениях нового управляющего консульством Маврокордато. Пытаясь доказать значимость словаков, он приводит имена выдающихся словацких деятелей общевенгерского масштаба, среди которых значились бывший венгерский министр торговли Барош, Петефи, мать которого была словачкой, целая группа епископов словацкого происхождения и др.⁶¹

Встав на сторону словаков, признавая их правоту и оправдывая их глубокое возмущение и протесты "против пренебрежительного к ним отношения венгерцев", Маврокордато подробно останавливается на вопиющей ситуации, сложившейся в деле народного образования в Словакии. Согласно приведенным им данным, грамотность в самых благополучных словацких районах не превышала 35%, в то время как у венгров она равнялась 80,3% и лишь в отдаленных районах доходила до 35%. Именно политика центра, "попирание политических прав, полная индифферентность ко всему, касающемуся экономических интересов и благосостояния словаков, отсутствие забот правительства об улучшении их быта и народного здравия"⁶² привели, по мнению российского дипломата, к тяжелым социальным последствиям. В таких условиях естественной реакцией населения стали и массовая эмиграция слова-

ков, и нарастающее всеобщее брожение. Вместе с тем, вряд ли можно говорить об объективном подходе к ситуации в Словакии, как это сказано в одном из донесений осенью 1913 г. об этом регионе. Речь шла о комитетах, "стоящих в стороне от всякой политики"⁶³.

Бессспорно, что отсутствие у словаков целостной, всесторонне проработанной политической программы, общая слабость национального движения, особенно на фоне борьбы юнославянских народов, недостаточное представительство в Будапеште, ориентация национальной пропаганды на Словакию, т. е. определенная замкнутость на себя, мешали рассматривать словаков как серьезный внутриполитический фактор, способный внести глубинные изменения в расстановку сил в масштабах Венгрии.

Российские консулы в Будапеште пытались проанализировать возможные негативные последствия для России различных вариантов реорганизации Австро-Венгрии, активно обсуждавшихся в этот период. Что касается триализации монархии, т. е. образования "Юго-Славии в составе Хорватии, Далмации, Боснии, Герцеговины, земель сербов венгерских, и может быть, также турецких и даже независимых"⁶⁴, то консул Приклонский, например, придерживался взглядов, высказанных ранее Муравьевым. По его мнению, "образование такого государства было бы полезно для России" лишь при определенных обстоятельствах. Одно из важнейших условий состояло в том, чтобы оно стало самостоятельным, "не находилось бы под властью императора Австрийского и вообще Габсбургского принца". Однако ход событий в Цислейтании показал, что "с образованием третьей юнославянской части монархии" чехи сразу же попытались бы создать "автономное государство". В свою очередь, рассуждал дипломат, "таковое будет стремиться к привлечению в свои пределы словаков, поляков и малороссов"⁶⁵. Такой поворот событий был неприемлем.

В результате образования двух славянских государств "престиж России как единой великой славянской державы погиб бы безвозвратно". Именно поэтому "момент, когда Австро-Венгрия ступит на путь федерализма, будет весьма опасен, может стать для нее роковым".

Федерализация Австро-Венгрии стала рассматриваться как угрожающий интересам России фактор и в другом ракурсе. Так, консул предостерегал, что "федерализм в Австро-Венгрии может

послужить сигналом к федерализму в России", полагая, что "во всяком случае им не преминули бы воспользоваться все гетерогенные элементы империи"⁶⁶.

Особого внимания заслуживают результаты размышлений российского дипломата, ибо он пришел к выводу о необходимости и даже выгодности для России использования "мадьяризма в международных комбинациях". Сохранение дуализма казалось ему выгоднее, так как: "славяне и румыны, считая себя, – основательно или нет – угнетенными Венгрией, своей оппозицией привлекают на себя ее силы и, нейтрализуя их, ослабевают с тем вместе силы всей монархии". Особенно красноречиво сделанное из этой посылки заключение: "Этот гнет быть может есть лучшая гарантия любви венгерских славян к России. С прекращением его у них явятся другие интересы и – большой вопрос, будут ли последние соответствовать нашим".

Приклонский настойчиво убеждал посольство в Вене и соответственно МИД, что "под гнетом мадьярского варварства они (славяне. – З. Н.) скорее сохранят свою национальность, чем под влиянием немецкой культуры", "могут быть всего полезнее для России именно пока входят в состав враждебного им и нам государства". Исполнение политических устремлений славянских народов откладывалось на будущее, когда и Россия могла бы "достигнуть своих предначертанных историей границ" и одновременно могла бы "удовлетворить окончательно (подчеркнуто в оригинале. – З. Н.) требования своего национального развития"⁶⁷.

Накануне первой мировой войны, несмотря на отчетливую дифференциацию словацкого политического лагеря, словаки по-прежнему воспринимались как монолитное целое, как народ, возлагающий реализацию своих надежд не на свои силы, а исключительно на перемены в Будапеште. В сообщениях российских дипломатов словаки характеризовались как население, только пробуждающееся в политическом отношении, общество, начинающее высказывать "стремление к улучшению своего положения" и "от времени до времени на отдельных сходках и собраниях" требующее "если не улучшения политического состояния и возвращения всего отнятого с 1874 г., то, по крайней мере, более внимательного отношения к своим экономическим интересам"⁶⁸.

В таком ракурсе подается словацкая политическая программа, принятая в августе 1913 г. в Мартине Словацкой национальной парламентской партией. Этот документ полностью приведен в до-

несении управляющего консульством. Последний акцентировал внимание на ее первом пункте, где говорилось о "нераздельности и целостности Венгрии", а вторым шло требование о "равноправии национальностей, населяющих Королевство". Эти положения трактовались Маврокордато как "необходимый минимум". В условиях дальнейшего обострения социально-политических и национальных конфликтов российский дипломат допускал, что "правительство, по-видимому, предполагает принять в соображение новое течение", "предпочитая открытое выступление тем тайным замыслам, которые, будто бы существовали у словаков и имели целью сближение с чехами"⁶⁹. Последние слова показывают, что активизация чешско-словацких контактов, характерная для того времени, не оставалась неведомой российской дипломатической службе в Будапеште, но оказалась явно недооцененной. Причем такой подход, фактически означающий неверие в перспективность сотрудничества этих двух народов, был характерен и для работы центрального аппарата МИДа России.

Уже в обстановке начавшейся войны один из его известных аналитиков А. М. Петряев подчеркивал, что "далеко не доказанной истиной является стремление славянских народностей, входящих в состав Австро-Венгерской монархии, освободиться во что бы то ни стало от ее начальства." "По крайней мере, – продолжал он, – подлежит большому сомнению, предпочтут ли кроаты, словинцы, румыны и словаки потерять свое теперешнее положение в Австро-Венгрии и согласиться на присоединение, с потерей местной автономии, к Сербии, Чехии и Румынии"⁷⁰.

К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет остановиться на аспектах словацкой общественной жизни, затронутых в донесениях российских дипломатов, таких как политика венгерского правительства и ее результаты в сфере образования, словацко-русинские отношения, проблемы миграции словацкого населения и особая роль в этом процессе евреев и т. д.

В заключение следует признать, что в начале XX в. в российском внешнеполитическом ведомстве прослеживалась тенденция рассматривать словацкие сюжеты сквозь призму югославянского вопроса. При этом точкой отсчета, материалом для сравнения и анализа являлась не столько ситуация у самих югославян, сколько стремление России к "усилению славянства на пороге Балканского полуострова". Советник МИДа Петряев со знанием дела писал в 1914 г., что "с эпохи русско-турецкой войны наше общество и дип-

ломатия посвящали все свое внимание исключительно восточным славянам. ... Западное славянство, представленное чехами, кропатами, словаками и словинцами, почти совершенно нами игнорировалось”⁷¹. Аксиомой для всех дипломатов был тезис, что “вопрос об укреплении положения югославян имеет первостепенную важность для России как главной славянской державы”⁷². Однако и здесь не все было так однозначно. Например, по мнению Приклонского, оппозиционное движение в Хорватии “не может быть ни одобряемо, ни тем менее покровительствуемо Россией”, ибо политической целью хорватов являлась “ни охрана самобытности, ни даже политическая самостоятельность, а отделение от Венгрии и присоединение к Австрии вместе с Боснией и Герцеговиной”. Последствия такого курса были просто неприемлемы, с точки зрения российской дипломатии, ибо “результатом этой мечты будет окатоличивание и хорватизация населения как в Хорватии, так и в Боснии”. Более отдаленный политический прогноз состоял в том, что сохранение и углубление подобного курса привело бы в монархии “к гибели сербского и православного элемента, все же более для России желательного, чем элементы хотя и славянские, но католические”⁷³.

Мотив покровительства прежде всего единоверным, даже среди единоплеменных, народам был понятным и близким, характерным для мировоззрения практически всех сменявших друг друга представителей российской дипломатии в Венгрии. Это, с одной стороны. С другой – сближение словаков с сербами и отчасти румынами трактовалось как выражение внутренней духовной связи этих народов, политическая ориентация которых, в той или иной степени, сливалась с убеждением об освободительной роли России. Особняком здесь были русины, или, как писал Муравьев, “в действительности венгерские русские, суть просто наши малороссы”, переселившиеся в Венгрию в два приема⁷⁴. Однако не религиозный догмат о взаимопомощи единоверцев христиан использовался в качестве идеологического обоснования в построении модели взаимоотношений между Россией и славянскими народами Австро-Венгрии. На первом плане в иерархии ценностей стояли стратегические цели российского государства, учет интересов двух великих держав, сохранение статус-кво в Центральной Европе.

Анализ широкого спектра материалов позволяет сделать вывод, что российские дипломатические службы трактовали на-

циональные движения в Венгрии, в том числе и словацкое, как борьбу за изменение политической системы и национально-государственного устройства, но не как стремление к распаду политического многонационального государственного образования. Глубоко понимая сложность положения славянских народов, они горячо приветствовали любые начинания "сверху", предусматривавшие реформы в этом государстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 133. Канцелярия МИД (далее Ф. 133). Оп. 470. Д. 106. 1900 г. Л. 10.
2. АВПРИ. Ф. 151. Политархив (далее Ф. 151). Оп. 482. Д. 585. Л. 3 об.
3. Там же. Л. 5. Объясняя это обстоятельство, консул Приклонский ссылался на "легенду о притеснении евреев России".
4. Там же. Д. 577. Л. 1.
5. Там же. Ф. 217. Российско-Императорское генеральное консульство в Будапеште (далее Ф. 217). Оп. 1015. Д. 35. Л. 71–72.
6. Там же. Л. 17–18.
7. Там же. Л. 22–22 об.
8. Там же. Д. 51. Л. 19.
9. Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 585. Л. 5 об, 8.
10. Там же. Д. 528. Ч. 1. Л. 37.
11. Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 105. 1900 г. Л. 346.
12. Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 585. Л. 14 об.
13. Там же. Д. 576. Л. 265.
14. Там же. Об этом документе следует сказать особо, ибо он представляет собой секретное донесение российского консула А. Н. Львова от 9 октября 1901 г. в Вену, откуда оно срочно было отправлено послом П. А. Каинистом в Санкт-Петербург министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу "на благоусмотрение". (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 576. Л. 262).
15. Там же. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 30. Л. 14 об., 17–18.
16. Там же. Л. 18–19.
17. Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 576. Л. 263 об.
18. Там же. Д. 582. Ч. 1. Л. 245 об.–246.
19. Там же. Д. 585. Л. 36–36 об., 38.
20. Там же. Л. 87–88.
21. Там же. Д. 5418. Л. 1–10.
22. В. Матула, опубликовавший этот документ, представил его читателям как недатированный "Манифест Ламанского". В своих комментариях В. Матула подчеркивал, что в период подготовки публикации для него остались неясными ни конкретное назначение манифеста, ни его дальнейшая судьба (См.: Lamanskij a Slovensko. V. Matuľa // Slovanské Studie. IX. Historia. Bratislava, 1967. Príloha. 5). В данной связи можно заметить, что исследуемый документ в АВПРИ значится как "Записка "Друзьям словаков на Руси". В описи № 482 фонда Политархив "Записка" не датирована. В то же время на специальной папке, в которой хранится этот документ, проставлен 1897 год. Исходя из принципа проблемно-хронологического расположения

документов в описи и самом фонде, указанную особую папку научные сотрудники архива отнесли к блоку материалов, сгруппированных по теме "Письма славян Австро-Венгрии в МИД" за 1897–1902 гг. (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482).

23. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5418. Л. 1–1 об.

24. Там же. Л. 9 об. Здесь следует заметить, что субсидии России Черногории в 1899 г. составили 222 938 рублей, что составило 18% всех доходов этого государства. Причем в списке расходуемых средств только на "мелкие расходы" выделялась значительная сумма. (См. подробнее: Хитрова Н. И. Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. С. 210).

25. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5418. Л. 4–4 об.

26. Там же. Л. 10.

27. Там же. Л. 6.

28. Там же. Л. 15.

29. Там же.

30. Там же. Л. 15 об.–16.

31. Там же. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 35. Л. 75.

32. Там же. Д. 51. Л. 19–20.

33. Там же. Д. 55. Л. 28.

34. Архив Академии наук (Санкт-Петербург). Ф. Ламанский Владимир Иванович. Оп. 1. Д. 1270. Л. 1.

35. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 577. Л. 33. О подобном же восприятии словаков в русском общественном мнении свидетельствует и "Обзор современного славянства" П. А. Кулаковского. Это – лекция, прочитанная им в Славянском благотворительном обществе в январе 1908 г. В ней, в частности, говорится: "Несчастные словаки не могут найти защиты от самых насилистических проявлений мадьярской политики, находящей поддержку и одобрение в политике Запада". (Пушкинский дом. Ф. 582. Архив П. А. Кулаковского. Л. 59).

36. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 577. Л. 156–159, 164–164 об., 183.

37. Там же. Л. 183.

38. Там же. Д. 575. Л. 50 об.; Д. 577. Л. 120.

39. Там же. Д. 577. Л. 118–121. Современные словацкие исследователи опираются несколько иными данными. По их мнению, численность словаков в 1900 г. достигала 2.002.165 человек, что составляло 11,9% всего населения Венгрии. (См.: Dejiny Slovenska. Dll IV. Bratislava, 1986. S. 176–177).

40. АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 576. Л. 253.

41. Там же. Л. 258 об.

42. Там же. Д. 580. Л. 32 об.

43. Там же. Л. 142.

44. Там же. Д. 581. Л. 184–185, 186–188, 190.

45. Там же. Л. 186 об.–187.

46. Там же. Л. 188.

47. Там же. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 40. Л. 1.

48. Там же. Ф. 151. Оп. 482. Ч. 1. Л. 37 об.

49. Там же. Л. 145.

50. Там же. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 40. Л. 6 об. Значительное место он занимал и в обзорах-донесениях В. Сватковского, например в записке "Триалистический меморандум объединенных хорватских партий права" от 12 апреля 1912 г. и др. Этому вопросу посвящена специальная рубрика и в фонде Особый политический отдел. См. стр. 34, 37, 54 описи фонда.

51. АВПРИ. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 51. Л. 10.

52. Там же. Ф. 151. Оп. 482. Ч. 1. Л. 143.
53. Там же.
54. Там же. Л. 209 об.
55. Там же. Л. 144.
56. Там же. Л. 303.
57. Там же. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 34. Л. 46–53.
58. Там же. Д. 40. Л. 2.
59. Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 585. Л. 29–30.
60. Там же. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 35. Д. 98–98 об.
61. Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 585. Л. 109 об.
62. Там же.
63. Там же. Л. 109.
64. Там же. Д. 582. Л. 89.
65. Там же. Л. 90.
66. Там же. Л. 98 об.
67. Там же. Л. 91 об.–92.
68. Там же. Л. 109 об.
69. Там же. Л. 110–111 об.
70. Там же. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 293. Л. 11.
71. Там же. Л. 7.
72. Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 582. Ч. 1. Л. 303 об.
73. Там же. Ф. 217. Оп. 1015. Д. 51. Л. 21.
74. Там же. Д. 40. Л. 21, 22 об.

СЛОВАЦКО-РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ПАМЯТИ
ЛЮДОВИТА ШТУРА В РОССИИ
И ИДЕЯ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА

Возникновение русско-славянских обществ в России (словацко-русского памяти Штура, хорвато-русского памяти Крижанича и др.) в начале первой мировой войны явилось закономерным продолжением и в какой-то мере практическим воплощением идей славянской взаимности, всеславянского единения. Их заметное усиление наблюдалось еще в 900-е годы в период своеобразного ренессанса движения за славянскую общность прежде всего в культурной сфере. Славянские общества в России появились в атмосфере общественно-политического подъема (последовавшего за военными успехами) и веры в освободительную миссию России в отношении угнетенных славян. Этой вере славянские народы ранее придавали скорее романтическую окраску в своем стремлении опереться в текущей борьбе за национальные права на потенциального, к тому же сильного русского союзника. В начальный период войны постепенно расширялась ориентация славянских колоний в России на создание федерации свободных славянских государств (отсюда исходило название русских обществ "Славия", "Славянские трапезы") при опоре на Россию. Лишь к началу 1917 г. подобная установка на (все)славянское единство стала вступать в противоречие с программами создания независимых национальных славянских государств, снискавшими поддержку большинства в национально-освободительном движении славян, прежде всего среди эмиграции во Франции и в США.

В условиях дореволюционной России находившиеся в ней сотни словаков смогли успешно реализовать свои предпринимательские и коммерческие замыслы. Упомянем здесь хотя бы Яна Орсага, владельца крупнейшего торгового дома "Братья Орсаг", предпринимателя А. Духая, а также десятки сотен словаков, задействованных (от словацкого района Турец) в цепи "славянских магазинов" на огромном пространстве России через Варшаву до Сибири и Дальнего Востока¹. Многие из них тщетно пытались как-то удержаться позднее, в начале 20-х годов, при Советской власти.

Состоятельные словаки оказывали существенную материальную поддержку начинаниям словаков в России и безусловно способствовали усилению национальной самоидентификации "русских" словаков. В историографии существует даже термин "сепаратизм" русских словаков, означавший в течение какого-то времени лишь их четко выраженное национальное самосознание², а также стремление выделить свою национальную самобытность на фоне самой многочисленной и влиятельной в России славянской колонии чехов.

Создание в России в 1915 г. Словацко-русского общества памяти Л. Штура следует считать также одним из проявлений словацкой идентичности в условиях первой мировой войны со стороны словацкой колонии в России, хотя это общество (в отличие от большинства чешских) долгое время придерживалось ориентации на всеславянское единство с Российской империей во главе, а не на создание независимого чешского (соответственно чехословацкого) государства. В фонде главы русского родословного общества и председателя Общества памяти Штура камергера императорского двора, историка Л. М. Савелова в Государственном историческом музее (ГИМе) только что стали доступными материалы о деятельности этого общества, на наш взгляд, интереснейшие страницы в истории русско-словацких отношений и славянской взаимности.

Вот таким представлялось к осени 1916 г. решение национального вопроса председателю Славянского благотворительного общества в Петрограде А. Соболевскому, нашедшее отражение в его записке по чешскому и словацкому вопросам от ноября 1916 г. Он писал Савелову: "Ввиду интереса Вашего к русско-славянским отношениям, препровождаю составленную мною и одобренную Советом славянских обществ записку "Будущие отношения России к чехам и словакам". В записке констатировалось: "Чешские организации в России и Соединенных штатах давно уже заявили о своем желании иметь независимое чехословацкое государство. Это государство должно было бы соединить в одно политическое целое как чехов, живущих в Чехии, Моравии и австрийской Силезии в пределах Австрии, так и словаков, соседящих с Угорскими Русскими, отчасти живущих чересполосно с этими последними, всего около 7 с половиной млн. душ. Само по себе Чехо-словацкое государство может быть только слабо. Его жители были бы: 1) чехи (5,5 млн.); 2) словаки (2 млн.); 3) немцы и 4) мадьяры. О последних

нет надобности говорить, иное дело немцы. В чешских областях – Чехии, Моравии и Силезии – находится около 2/3 чешского населения и около 1/3 населения немецкого...

Ввиду этого приходится поставить вопрос: возможно ли независимое Чехо-Словацкое государство в действительности, а не в мечтаниях русских и американских чехов?

Благоразумная часть словаков, живущих в России и Соединенных штатах, отвечает на этот вопрос отрицательно. Она опасается за свой народ, если он политически свяжет себя с чешским народом. Эти словаки, зная свою слабость, предпочитают соединению с чехами соединение с Россией, переход в русское подданство. Нет сомнения, что Россия, присоединив к себе Словацкую область, сделала бы полезное для себя приобретение...

Словацкая земля – горная страна. Взятая в руки нашим Военным Министерством, она являлась бы передовою крепостью с запада, не только для Угорской Руси, но и для Галиции. Из нее наше воиско, в случае надобности, могло бы угрожать внутренним частям Германии, особенно Саксонии с одной стороны, и особенно Австрии с Веной с другой, не говоря уже о Венгрии с ее Будапештом.

Среди чехов едва ли найдутся желающие присоединения Чешских Земель к России. Но зато между ними немало лиц (и в их числе живущий в Париже член Венского парламента, старый опытный политический деятель г. Дюрих), которые хотели бы связать Чешские Земли с Россией на тех или иных основаниях...

Пока еще ничего неизвестно относительно обещанного русским правительством полякам самостоятельного польского государства. Если ... правительство предоставит этому государству находиться в тех отношениях, о которых говорит опубликованный нынешним летом "мемориал" графа Велепольского, то примерно эти же отношения могли бы быть установлены между Чешскими Землями и Россией. В заключение настоящей Записки можно пожелать, чтобы русское правительство теперь, при установлении взаимных отношений между Россией и всеми славянскими народами, использовало тот опыт, который получился у него после 1878 г., когда созданная Россией Болгария начала самостоятельное существование. К чему привела Болгарию ее полная независимость от России, и чем ответила она России на ее благородную и доброжелательную политику по отношению к болгарскому народу?"³.

Хотя позицию А. Соболевского по чешскому и словацкому вопросам в официальных кругах России разделяли далеко не все, однако процитированная выше записка стимулировала в определенной мере организацию вскоре в России Народного Совета во главе с Дюрихом как органа, автономного по отношению к масариковскому в Париже.

Учредительное собрание Словацко-русского общества памяти Л. Штура состоялось непосредственно в доме Л. М. Савелова 20 августа 1915 г. Однако, по всей видимости, подготовительная деятельность была начата несколько ранее, т. е. весной 1915 г., когда после речи Савелова о чешском и словацком вопросах на известной Общеславянской трапезе (состоялась 24 февраля 1915 г. в Москве) "руssкие словаки поднесли ему благодарственный адрес и просили организовать словацкое общество"; вскоре после этого основывается "Словацко-русское общество памяти Л. Штура и Л. М. Савелов избирается его председателем и почетным членом"⁴.

Из переписки с Савеловым секретаря (и члена) Общества Штура Ф. Ф. Аристова также становится известно (в письме от 5 сентября 1915 г.) об уже "имеющейся собственности (бланки и т. д.) Общества", которую последнему надо было передать руководству в связи с предстоящим призывом на военную службу⁵.

Но точные данные о первых шагах деятельности Общества отсутствуют. Дело в том, что после Октябрьской революции дом Савелова подвергся частичному опустошению, часть бумаг использовалась для растопки и поэтому далеко не все материалы его личной библиотеки и архива сохранились.

Официальное программное заявление правления Общества "Словацко-русское общество памяти Штура" на словацком языке появилось в печатном виде лишь в конце 1915 г. В начале этого документа сообщается об основании 3 августа 1915 г. Общества по инициативе московских словаков. "Общество единодушно было посвящено памяти Людовита Штура, ведущего деятеля национального движения, первым сформулировавшего принцип словацкой правовой независимости и воплотившего ее, подняв наполовину забытый и во всех отношениях запущенный словацкий язык до нынешней его высоты"⁶, — говорилось далее. В заявлении Общества особо подчеркивалось, что его создание "признано словацкой колонией в России. Словацкая Лига в Америке, самая значительная заграничная организация словаков, а также варшавские

словаки тоже с большим воодушевлением по телеграфу выразили свое признание инициативе основателей Общества, не говоря уже о русских словаках, многие из которых с первых дней записывались его пожизненными членами”⁷.

Наряду с председателем Л. М. Савеловым в правление Общества были избраны заместителями председателя внук знаменитого поэта камер-юнкер Ф. И. Тютчев (заметной роли в руководстве он, видимо, не играл) и от словаков В. А. Духай; одним из секретарей Общества значился брат председателя Д. М. Савелов, от словаков – Д. В. Маковицкий, а кассиром – А. С. Збиневский. В члены правления (комитета) вошли князь С. Б. Мещерский, Н. А. Осетров, Е. С. Краличек, Н. И. Бороздин, С. Н. Кологривов (некоторые из них были коллегами Л. М. Савелова по работе в Археографической Комиссии), В. А. Баргар, И. И. Грашко; кандидатами – В. Е. Пигарев, С. С. Гунчик; ревизионная комиссия: С. А. Гинтовт, В. А. Монастырев, А. С. Дзюбенко, В. А. Хованчак и И. А. Захар.

В задачи Общества Штура входила всесторонняя помощь всем словакам, проживающим на территории России, содействие освобождению военнопленных словаков, а также предоставление свободного перемещения словацким коммерсантам и всем другим словакам по всей России⁸.

По случаю торжественного заседания 19 декабря 1915 г. Общество получило приветственную телеграмму императора в ответ на свое послание. На этом собрании представители всех славянских народов “приветствовали обновленное движение словаков, выразив в своих речах здравицу и пожелание успехов словацкому народу”⁹.

Велика заслуга Общества памяти Штура в деле актуализации словацкого вопроса в России и распространения исторических представлений и знаний о словаках. В его задачи входило, как отмечалось в программном документе, “устраивать собрания, беседы, чтения и лекции о словацком вопросе; Общество изучает жизненные потребности словацкого народа, словацкую историю, литературу, искусство и язык, организует съезды национальных деятелей; создает в помещении Общества словацкую библиотеку, устраивает литературные вечера, способствуя словацко-русскому сближению. Особое внимание уделяется военнопленным словам, к освобождению которых Общество уже приступило. Правление Общества в намерении облегчить положение многих словаков,

вызванное военными условиями, приступило к выдаче всем благонадежным словакам удостоверений за подпись председателя Общества".

Общество способствовало сплочению словацких национальных сил в России и подготовке всесловацкого съезда, который впоследствии однако, так и не был созван из-за нажима, оказанного Миланом Штефаником после его приезда в Россию и придерживавшегося чехословацкой платформы Национального Совета во главе с Т. Г. Масариком.

Общество настоятельно подчеркивало необходимость укрепления связей с самой многочисленной американской колонией словаков и Словацкой Лигой в Америке. "Имея в виду служение словацкому делу и будущему самоуправлению Словакии правление Словацко-Русского общества намерено поддерживать постоянные контакты со словацкой организацией в Америке и идти рука в руку с представителями 800-тысячной словацкой заграничной колонии для достижения поставленной цели – освобождения словацкого народа от тяжелого гнета. С целью достижения взаимных шагов с сильной американской колонией Правление Общества выразило Словацкой Лиге (в связи с постоянным пребыванием в России ее представителей) пожелание более координированных политических действий словацкого движения в целом"¹⁰.

Общество постановило издавать независимый словацкий журнал, который бы освещал нужды и чаяния угнетенного словацкого народа.

Об отношении к чешскому национальному движению говорилось следующее: "Мы уже сейчас идем рука об руку с братским нам чешским народом с идентичными стремлениями, твердо веря в то, что наши совместные идейные цели в скором времени воплотятся на практике"¹¹.

В заключение программного заявления на словацком языке утверждалось, что Общество Штура – первая и единственная организация словаков на всей территории России¹².

Ряд документов из фонда Савелова действительно свидетельствует о том, что Общество Штура уже в конце 1915 – начале 1916 г. развернуло активное содействие освобождению словацких военнопленных-активистов национального движения. Из переписки с начальником московского военного округа явствует, что речь шла о пятерке таких словацких деятелей, как Ян Янчек, Йосиф Грегор, Штепан Файнор, Йосиф Газарек, Ян Есенский (для них

испрашивалось разрешение проживать в Москве)¹³. Относительно Яна Есенского хлопотали дополнительно, "особенно ... профессор Квачала"¹⁴.

Руководство Общества Штура, придерживавшееся преимущественно всеславянской ориентации на платформе "всеславянского единства", стремилось добиться сохранения за Обществом права представительства интересов всех словаков в России. В начале 1916 г. в письме Савелову за подписью, видимо, заместителя председателя Общества В. Духай последний писал: "В настоящее время 2–3 члена колонии стремятся провести идею, чтобы помешать Словацко-Русскому Обществу быть репрезентативным (для. – Е. Ф.) Словаков в России, нам же необходимо во что бы то ни стало удержать представительство и власть в наших руках, к счастию в правлении нет ни одного лица из оппозиции, к тому же я заявил, что организация Словацко-Русского общества признана и удостоена благодарности наивысшего славянского авторитета, государя императора, а поэтому Словацко-Русское общество является единственным "легальным" представителем Словаков в России". Далее в письме сообщалось, что "мы уже печатаем циркуляр, который будет разослан во все концы России, в нем заявлено, что Словацко-Русское общество – единственный представитель русских словаков, и что только чрез его посредство можно решать словацкий вопрос" (подчеркнуто мною. – Е. Ф.).

Кроме того, в письме Савелову содержалась "покорнейшая просьба указать в частном письме к господину военному министру, что три брата Дакснер, как известные славянофилы, уже освобождены, но лишь в пределах Воронежской губернии, нам же (они. – Е. Ф.) нужны в Москве"¹⁵. Автор письма Духай обосновывал свои просьбы следующим образом: "Само собой разумеется, что работы с каждым днем больше и больше, а работников мало, вот почему важно, чтобы названные лица, которые несомненно работоспособны – были в нашей среде и работали"¹⁶.

Из этого же документа (письма Духай) также следует, что правительство Общества привлечением нужных словацких деятелей рассчитывало обеспечить себе перевес над теми элементами в движении, которые придерживались чехословацкого единства и чехословакистской ориентации: "Если бы освобождение этих лиц удалось (в чем я ни на минуту не сомневаюсь), то Общество сразу

* В фонде Савелова не обнаружен.

имело бы перевес над оппозицией со стороны некоторых членов московской словацкой колонии" (подчеркнуто мною. – Е. Ф.)¹⁷.

В фонде Л. М. Савелова обнаружен весьма редкий (а возможно и единственный) документ эпохи. Имеется в виду перевод на русский язык "Меморандума Словацкой Лиги в Америке, выпущенного от имени американских словаков Венгрии" с оригинальными комментариями и обширными сносками В. Монастырева, переводчика и одного из активных деятелей Общества Штура (он входил также в Правление Общеславянских трапез). Не имеет смысла цитировать непосредственно текст Меморандума (от 10 сентября 1914 г.), так как этот документ уже присутствует (в переводе) в научном обороте и подвергался анализу в той или иной мере¹⁸. Важнее остановиться на тех комментариях сопроводительного письма Монастырева к Савелову, которые проливают свет на общую расстановку сил в славянском движении в России того времени и на позицию одного из русских деятелей Общества Штура. Относительно славянских обществ в России В. Монастырев сообщал: "В наших руках 3 общества: "Общество Л. Штура", "Русско-хорватское общество памяти Ю. Крижанича" и "Общество православных чехославян". К этим трем безусловно присоединяются сербское и черногорское, организуемые о. архимандритом Михаилом. Таким образом, вне серии этих славянских обществ стоят только польское, словинское и малорусское, которые безусловно можно будет организовать при выдающейся энергии нашего организатора Ф. Ф. Аристова. Эти все славянские общества мы объединим в союз славянских организаций, возобновив деятельность закрывшегося в 1912 г. Общества "Славия"¹⁹.

Такую довольно радужную картину нарисовал в начале своего письма В. Монастырев. Однако, в последующем абзаце реальности всеславянского движения выглядели не так однозначно: "Для успеха нашего дела крайне необходимо взаимное доверие, духовная и материальная поддержка, без этого наше дело не выдержит написка и рухнет.

Духовная поддержка должна состоять не в общих, а в интимных собраниях единомышленников, а материальная, кроме деятельности Обществ, – еще в издании еженедельного журнала, но не чисто славянского (ибо славянский вопрос мало привлекает публику), а общелiterатурного со славянской струей" (подчеркнуто мною. – Е. Ф.)²⁰. Именно это уточнение – "славянский вопрос мало привлекает публику" – рисовало более сложную расстановку

ку сил внутри движения на платформе "всеславянского единства".

В. Монастырев предлагал "собрать средства (среди единомышленников) на издание газеты и субсидию, ибо такая газета, имея распространение среди пленных славян, проводила бы славянские взгляды не хуже "Чехо-словаца". Кроме того, эта еженедельная газета была бы официальным органом нашего союза союзов "Славии" и явилась бы проводником наших идей по всей России"²¹. В постскриптуре своего письма Монастырев сообщал Савелову: "Завтра в "Метрополи" заседание "Русско-хорватского общества", а в "Славянском базаре" под председательством С. К. Родионова возобновление "Общества трапез"²².

В. Монастырев являлся последователем и проводником взглядов известного слависта Ф. Ф. Аристова, выступавшего за включение Словакии в состав России. В письме к Л. М. Савелову он указал на позицию профессора А. Л. Петрова, полагавшего, что "для Словакии во всех отношениях будет выгоднее остаться в составе будущего, отцепленного от Австрии, суверенного Венгерского королевства"²³. Монастырев сообщал далее, что "меморандум чехов, принятый 2 сентября 1914 г., русскому государю, при соединяет Словакию к будущему Чешскому королевству"²⁴.

Как видим, Монастырев поддерживал курс руководства Общества Л. Штура на присоединение Словакии к России, а не стремление Союза чехословацких обществ в России к созданию единого государства чехов и словаков. Он обосновывал свою точку зрения тем, что "Чешское королевство как буфер между Германией и Россией, в политическом и стратегическом смысле, более вредно, чем полезно для России, а потому Словакия должна быть включена в состав России"²⁵. Подкрепление своей позиции он видел в размышлениях составителя меморандума словаков Америки Ивана Дакснера (опубликованных в журнале "Словенски Гласник", 1915.29.IV.): выступавшего "против присоединения Словакии к Чешскому королевству, ибо ... чехи будут стараться очешить словаков, которые будут "людом", несущим все тяготы в будущем Чешском королевстве. Это будет не "славянская взаимность, а кривда"²⁶.

Не случайно поэтому наблюдалось настороженное отношение к Монастыреву, Аристову, Савелову и окружавшим их "русским" словакам со стороны представителей либеральной промасариковской струи чешского и словацкого национального движения в России. На это также не преминул посетовать В. Монастырев в своем

письме, говоря даже "о системе низкой лжи, которая распускается про С. О. Коничека, Ф. Ф. Аристова и меня. Этими приемами чехи и другие славянские доброжелатели хотят свести на нет работников по славянской организации в том духе, который не угоден нашим врагам"²⁷.

Подчеркнем, что в самом руководстве Общества Л. Штура, особенно в вопросе о будущем присоединении Словакии к России, не было единства взглядов. А уже к осени 1915 г. среди членства, видимо, появились оппозиционные настроения, поскольку в цитированном выше письме В. Монастырев писал: "Мне была неприятна та кампания, которую подняли словаки против Ф. Ф. Аристова"²⁸. К осени 1916 г. можно говорить об оформлении в Обществе течения, к которому принадлежала также часть из названных выше словацких деятелей из пленных (на чью лояльность так рассчитывало руководство). Это течение выступало за воплощение дуалистического устройства будущего чешско-словацкого государства при гарантии словацкой идентичности. Переориентация членства в поддержку этой концепции (а затем под нажимом Штефаника – в пользу централистского чехословакистского устройства) ускорилась после отъезда председателя Общества Л. М. Савелова, назначенного Холмским губернатором.

Для характеристики обстановки в словацкой колонии приведем в этой связи отрывок из письма с довольно упрощенным подходом М. Штефаника Бенешу и Масарику (получено ими в октябре 1916 г.): "Словаки в Москве дыбачатся и тому виной во многом Кошик (представитель Словацкой Лиги Америки. – Е. Ф.). Он не плохой, но непостоянный. Все время говорит об "организации словаков" в России, хотя и признает необходимость чешско-словацкого единства"²⁹.

Таким образом, все эти сложные сюжеты требуют, безусловно, дополнительных раздумий и углубленного подхода с привлечением неизвестных ранее исследователям источников.

В целом же можно утверждать, что Общество Л. Штура внесло значительный позитивный вклад в активизацию и упрочение всего словацкого национального движения в годы первой мировой войны. И в этом отношении нельзя не согласиться с мнением, когда-то высказанным М. Госиоровским. Он одним из первых смело выступил за пересмотр сложившихся определений деятельности Словацко-русского общества, поскольку эти дефиниции были слишком жесткими³⁰.

Из ряда источников следует, что с самого начала деятельности Словацко-русского общества Л. Штура в России у него установились тесные контакты со Словацкой лигой в Америке. Это не было случайностью, поскольку члены Общества Л. Штура придавали большое значение самой многочисленной заграничной колонии словаков. Так в комментариях к своему упомянутому выше переводу "Меморандума Словацкой Лиги в Америке" В. Монастырев подчеркивал: "С полным правом можно сказать, что американские словаики являются истинными выразителями чувств и желаний подъяремных словаков Венгрии. Вот почему меморандум Словацкой Лиги мог быть подписан составом редакций 23 периодических словацких изданий в Америке и 20 общественными словацкими организациями. Замечательна глубоко оправдываемая обстоятельствами осторожность Меморандума Лиги по вопросу о политическом строе освобождаемой Словакии, по вопросу о том, кому она должна принадлежать. Меморандум об этом не говорит ни слова"³¹.

В 1915–1917 гг. многие деятели движения за "всеславянское единение" придавали существенное значение "славянскому фактору" в Америке. Об этом свидетельствует, в частности, переписка активного деятеля за славянскую взаимность члена Правления Русско-хорватского общества памяти Крижанича Крунислава Геруца, заведовавшего ранее русско-славянским книжным складом в Петербурге, близкого к Обществу Л. Штура человека. Он писал камергеру Л. М. Савелову 5 июня 1916 г.: "Теперь мы заявляем сношения с Америкой и желали бы провозгласить и привести к осуществлению принципа, что Америка должна и может успешно торговать с Россией только через посредство своих американских славян.

Вообще нам нужно объединить славян раньше всего на американской почве, затем как можно теснее связать американских славян с Россией (подчеркнуто мною. – Е. Ф.). Сейчас громадная опасность в том, что Англия может в свои руки забрать руководство всеми славянскими ветвями, кроме, конечно, России"³². В этом документе также отражены подходы и поиски деятелями всеславянского движения путей создания особого органа, который бы ведал всеми славянскими делами. Эти усилия, как становится очевидным из ряда обнаруженных материалов, как бы предшествовали созданию затем особого отдела по славянским делам при МИДе России и Народного чехословацкого совета с Дюрихом во главе к концу 1916 – началу 1917 г.

В том же письме К. Геруц сообщал Л. М. Савелову: "Я говорил подробно о славянском вопросе с А. В. Кривошеиным* и убедился, что и он вполне сознает все решающее значение этого вопроса для будущих судеб России и готов принять в нем самое деятельное участие. Он будет в течение лета в Москве и уведомит А. Д. Самарина**, чтобы он к его приезду созвал небольшой кружок деятелей на совещание. Задача совещания была бы распределить роли между разными славянскими организациями и частными более видными деятелями (подчеркнуто мною. – Е. Ф.) и внести некоторую согласованность в нашем действии. Совещание это должно быть не официальным, и не гласным, но для участников обязательным. Главное меня радует, что Александр Васильевич согласился с положением, что необходимо создать особый вневедомственный официальный орган для заведывания славянскими вопросами (подчеркнуто мною. – Е. Ф.) – по примеру человеколюбивого общества и др. – состоящий под личным покровительством Государя Императора. Он готов в удобный час доложить государю... Относительно участников нашего совещания я говорил, что кроме А. Д. Самарина должны еще обязательно принять участие Вы, Леонид Михайлович, Ф. И. Тютчев, И. Н. Гучков, С. О. Коничек, М. И. Гарапич и еще 5–6 лиц, которые наметите Вы с Александром Дмитриевичем. Я со своей стороны предложил бы: А. С. Дзюбенко, словенца Л. Ф. Туму и А. Ю. Геровского. Когда я приеду, об этом поговорим более обстоятельно"³³.

Другое письмо К. Геруца председателю Общества Штура Л. М. Савелову, касавшееся также славянских и американского сюжетов, датировано 1 сентября 1916 г. Геруц писал: "Поздравляю Вас, Леонид Михайлович, с назначением холмским губернатором. Жалею, что Москва потеряет очень важного славянского деятеля, но утешаюсь тем, что окажется на том месте Славянского небосклона светлая точка, где до сих пор кромешная темнота.

В Сибири до сих пор не было славянского самосознания и если Вы, Леонид Михайлович, дерзнете в тех далеких равнинах зажечь

* Кривошеин Александр Васильевич (1858–1923) – русский государственный деятель; член Госсовета, ближайший сотрудник Столыпина по проведению аграрной реформы. В годы первой мировой войны – Главный управляющий земледелием и землеустройством. В 1920 г. – глава правительства Юга в Крыму. Затем в эмиграции во Франции.

** Самарин Александр Дмитриевич – предводитель московского дворянства, с лета 1915 г. обер-прокурор Синода.

славянский луч, то Ваше оставление Москвы и московских славян не будет столь чувствительно”³⁴. Далее в письме Геруц изложил программу в отношении славянских дел: “Я, грешный, осмеливаюсь просить Вас о следующем: 1) старайтесь в местных школах, в особенностях средних, возбудить интерес к "славянознанию" (подчеркнуто мною. – Е. Ф.), разыщите педагогов с славянофильской закваской (не “окраской”, которая смывается) и пусть устроят “Кружок памяти Коменского”. Если мы ославяним среднюю школу, то утвердим фундамент будущей великой России, что значит “великой Славии” 2) старайтесь устроить славянский Колонизационный Комитет, главная цель которого будет привлекать из Америки славянский труд и капитал (подчеркнуто мною. – Е. Ф.). Как временный отдел этого Комитета должен бы существовать стол, ведающий дела военно-пленных славян, проживающих и желающих остаться навсегда в Вашей губернии. Таких очень много, у меня есть от многих прошения о принятии в русское подданство более году, но некому было направить эти прошения. Быть может, Вы мне разрешите направить их к Вам, конечно, когда “устоличитесь”. Все мы славяне, которые Вас имеем счастье знать, от души рады Вашему новому назначению. Да храни Вас денница Господня на славу славянства”³⁵.

Из вышеприведенного письма очевидно, что со всей остротой, особенно с середины 1916 г., вставал вопрос о судьбах военно-пленных славян в России. Стоит также подчеркнуть, что наблюдалась явная беспомощность деятелей всеславянского единения в отношении военнопленных (об этом свидетельствуют другие источники официального характера) и очевидная “бездарность” их стремлений оказать пленным реальную помощь.

Не случайно вопрос о пленных регулярно ставился на повестку дня в работе славянских обществ в России. С особой остротой эта проблема поднималась в “Записке об отношении славянских народов”, машинописный текст которой обнаружен в фонде Л. М. Савелова в Москве. Ни автора, ни точной даты этого документа пока установить не удалось, хотя скорее всего его следует датировать 1916-м г. В записке подчеркивалось, что “из всех внутренних славянских вопросов самый жгучий, самый роковой, это в настоящее время вопрос о пленных славянах, томящихся ныне в России. За 1,5 года мы не уяснили себе: ни почему оказалось так много пленных славян, ни каким образом следует использовать пребывание в пределах России миллиона лучшей славянской моло-

дежи для роста общеславянского самосознания (подчеркнуто мною. – Е. Ф.), т. е. нашего самого жизненного интереса. Мы успели только своим беззаботным, преступным отношением довести до того, что большинство славян из врожденных русофилов стали убежденными врагами русской государственности, что конечно сулит России в будущем неисчислимые исторические затруднения”³⁶.

Далее содержался вывод, что “единственный выход из создавшегося положения это было бы незамедлительное образование особого ведомственного, под личным покровительством государя состоящего, органа для самостоятельного заведывания пленными славянами. Все сотрудники этого органа должны быть не только идейные поклонники общеславянской исторической кооперации, но что еще более важно, хорошо осведомлены в отдельных славянских вопросах с политической, экономической и культурно-нравственной стороны”³⁷.

Автор записки считал что задача “создания соединенных славянских штатов исторически необходима и неотложна. Современная война не раскрыла еще этой истины перед огромным большинством интеллигенции отдельных славянских ветвей и трагедия наша заключается, совершенно независимо от исхода борьбы в том, что война не дает и даст не подъем общеславянского самосознания, а упадок его” (подчеркнуто мною. – Е. Ф.)³⁸. Источниковедческий анализ приводит к выводу, что этот документ принадлежит также инициативе К. Геруца.

Если не принимать всерьез абсолютно утопические планы создания Соединенных славянских штатов, этот документ в очередной раз свидетельствует в пользу того, что среди славянской интеллигенции и военнопленных, в отличие от “русских” славян – давних колонистов, уже в 1916 г. брала верх линия на создание независимых славянских государств. Задача же последовательной славянизации самосознания не представлялась тогда столь неотложной.

Напомним в этой связи высказывание словацкого (точнее, чехословацкого) деятеля национального движения, редактора петроградского “Чехословака” Богдана Павлу: “Я не собираюсь сладкими речами вовлекать наших людей в славянские объятья, пусть учатся видеть и лицевую сторону, и изнанку. Наша славянская идея должна смыкнуться с чем угодно”³⁹.

Но идейно-политическая борьба за пересмотр программы “все-

славянского единения" была впереди. Не без нажима М. Штефаника шла борьба за программу в духе Масарика и в Словацко-русском обществе памяти Л. Штура и в словацкой колонии в целом⁴⁰.

Чешский и словацкий, как и другие славянские, вопросы, несмотря на все усилия ведущих деятелей славянского единения (не говоря уже об откровенных панславистах – о различиях между ними необходимо помнить при анализе движения за всеславянское единство) рассматривать их как внутреннее дело России, к 1917 г. приобрели международный резонанс при мощной поддержке либерального течения в чешском и словацком национальном движении в России во главе с Богданом Павлу (еще до приезда Т. Г. Масарика).

Углубленное исследование деятельности Словацко-русского общества памяти Штура находится лишь в начальной стадии. Как правило, ранее в историографии (особенно в предыдущий период – 50–80-е годы – однобокости и "стерильного" подхода к проблематике чешско-словацких взаимоотношений, словацкого вопроса и "всеславянского единства") превалировали крайне политизированные негативные оценки этого общества. Осветить полнее и не-предвзято данный аспект позволит лишь основательное расширение архивной источниковской базы. Но проанализированные в настоящей статье ранее неизвестные материалы из фонда председателя Общества памяти Штура Л. М. Савелова уже позволяют говорить о существенном вкладе общества как в развитие идеи славянской взаимности, так и в углубление русско-словацких отношений, взаимного сближения и познания этих двух народов в условиях первой мировой войны. Вслед за самой многочисленной американской колонией словаков уже в первые военные годы наблюдается заметная активизация словацкой колонии в России за счет вовлечения в общество не только "русских", сросшихся духовно с новой средой словаков, но и национально-сознательной словацкой интеллигенции из рядов освобождаемых военнопленных. Особую струю в Обществе памяти Штура составляли основательно в научном плане подготовленные русские слависты (почетным членом его являлся, например, профессор В. А. Францев) и словакисты, принадлежавшие к новому поколению. Это Общество в России – важная веха на пути к достижению зарубежными словаками своей национальной идентичности в решающий момент национально-освободительной борьбы. Зрелый этап деятельности общества, пришедшийся на рубеж 1916–1917 гг., протекал в русле борьбы за

чешско-словацкое единство в заграничном национальном движении и восприятие масариковской программы создания общего чешско-словацкого независимого государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О словацких и чешских предпринимателях в России см.: АВПРИ. Ф. Дипломатическая канцелярия. Оп. 167. Д. 93; Mlynářčík J. Od oleja po seno. Turčianski obchodníci v Rusku // Historická revue. Bratislava, 1994. N 4. S. 33.

2. Чешский историк Ярослав Папоушек, исходя из обстоятельств совместного со словаками пребывания в лагерях военнопленных в России, отмечал высокий уровень национального словацкого самосознания и особо рекомендовал национальным деятелям принять это во внимание при вовлечении словаков как в добровольческое чехословацкое войско, так и в единый чешско-словацкий национально-освободительный фронт. Он подчеркивал, что в переписке Союза чехословацких обществ в России необходимо отдельно "писать всегда чехов и словаков, чешско-словацкий. Игнорирование слова "словак" вызывает крайнее недовольство" (См. об этом подробнее: Е. Ф. Фирсов. Борьба за политическую ориентацию чешской и словацкой колоний в России в 1915–1917 гг. Масарик или Дюрих? // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 111–135).

3. ОПИ ГИМ. Ф. 216. Д. 36.– Записка А. Соболевского "Будущие отношения России к чехам и словам".

4. Плешко Н. Д. К пятидесятилетнему юбилею историко-генеалогической деятельности Леонида Михайловича Савелова-Савелкова // Новик. Историко-генеалогический журнал, издаваемый Русским историко-родословным обществом в Нью-Йорке. 1940. Вып. 4. С. 13.

5. ОПИ ГИМ. Ф. 216. Д. 7. Л. 25. – Письмо Ф. Ф. Аристова (редактора журнала "Славянское объединение") Л. М. Савелову по словацкому вопросу. 5.IX.1915.

6. Там же. Д. 20 б/6.

7. Там же.

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же. Д. 20 б/4.

14. Там же. Д. 20 б/6. 13.I.1916.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. См., например: Gosiorovský M. Z historie česko-slovenských vztahov. Br., 1978. S. 23–25; Hronský M. Slovensko pri zlode Československa. Br., 1987. С. 75–77.

19. ОПИ ГИМ. Ф. 216. Д. 20 б/2. 16.XI.1915.

20. Там же.

21. Там же.

22. Там же.

23. Там же.

24. Там же.

25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же; см. также: Markovič I. Slováci v zahraničnej revolúcii // Cyklus prednášek. Československá revoluce. Praha, 1924. S. 614.
29. См.: Holotík L. Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Br., 1958. Dokument č. 20. S. 398.
30. Gosiorovský M. Op. cit. S. 34.
31. ОПИ ГИМ. Ф. 216. Д. 20 б/2.
32. Там же. Д. 12.
33. Там же. 5.VI.1916.
34. Там же. 1.XI.1916.
35. Там же.
36. Там же. Д. 20 б/1–6.
37. Там же.
38. Там же. – Материалы по славянскому вопросу. Об отношениях славянских народов. 1916.
39. Там же. Ф. 151. Д. 17. – Письмо Богдана Павлу Ярославу Папоушеку. 28.X.1915.
40. См. об этом, например: Markovič I. Slovaci... S. 628–636; Gosiorovský M. Op. cit. S. 48–57; Firsov J. F. Boj za orientáciu českého a slovenského národnostného oslobodzovacieho hnutia v Rusku v rokoch 1915–1917 // Historický časopis. 1995. Roč. 43. N 1. S. 47–68; Фирсов Е. Ф. Словакия и М. Р. Штефаник в архивных фондах России (В печати).

**СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(К вопросу о политической функции)**

Славянский вопрос, идея славянской взаимности играли неодинаковую роль в различные периоды российской истории: в иные времена они были в центре общественной и политической жизни, в другие – оказывались на ее периферии, а то и вообще вне общественных интересов. Все дело, думается, было в том, насколько востребованными со стороны носителей властных функций оказывались эти в общем-то корневые идеи, насколько вписывались они во внешнеполитические концепции власть предержащих. Но использование идеи славянской взаимности в политических целях оказывалось возможным именно потому, что этот феномен существовал и, видимо, существует, объективно, на уровне подсознания славянских народов, хотя можно привести множество примеров из их истории, особенно в XX в., казалось бы, опровергающих это утверждение.

В этом столетии славянская идея была востребована политиками дважды: в годы первой и второй мировых войн. Исход века тоже, видимо, отмечен попытками реанимации славянской идеи, ее использования в определенных политических целях, воскрешения имиджа России как великой славянской державы. Славянская идея снова предстает как инструмент политики..

Политическая функция идеи в период второй мировой войны, ее сопряженность с советскими внешнеполитическими концепциями изучены главным образом в плане деятельности созданного тогда в Москве Всеславянского комитета. Другие аспекты проблемы оставались до последнего времени вне поля зрения исследователей.

Автор настоящей статьи, предлагая свои соображения о трансформации идеи славянского единства в контексте советской внешней политики, считает необходимым подчеркнуть, что они носят предварительный характер и нуждаются в более глубоком осмыслиении. Думается, можно выделить три этапа функционального ее использования в годы войны: 1) 1939 – июнь 1941 г., время реабилитации и реанимации идеи в СССР; 2) июнь 1941 – 1943 г.,

т. е. с начала Великой Отечественной войны до ее коренного перелома, когда славянская политика использовалась как инструмент мобилизации народов на борьбу с немецко-фашистским агрессором; 3) 1944–1945 гг., завершающий этап войны, когда славянский вопрос был переведен в плоскость реализации конкретных задач советской внешней политики той поры.

Прежде, чем коснуться каждого из этих периодов более подробно, отметим, что пришедшие к власти большевики не жаловали идею славянской взаимности, считая ее реакционной. Она не вписывалась в рамки основополагающих марксистских положений о пролетарском интернационализме и классовой борьбе, входила в противоречие с ними. В 20–30-е годы многие поборники идеи славянской взаимности, главным образом из среды интеллигенции, и прежде всего ученые-слависты, подверглись репрессиям за свои убеждения¹.

Но в конце 30-х годов резко изменилась международная ситуация. Над Европой нависла угроза нацистской агрессии, а перед восточной ее частью, и особенно славянскими странами, снова возник призрак германской политики "Дранг нах Остен". В этих условиях, особенно после Мюнхена, не стало неожиданностью возрождение идеи славянского единства с опорой на Россию (Советский Союз) в странах, которым угрожала фашистская Германия. Это относилось к Чехословакии (после ее расчленения – к оккупированным Чешским землям и германскому лимитрофу – Словакскому государству), Болгарии, все более попадавшей в зависимость от нацистской Германии, Югославии, упорно сопротивлявшейся окончательному втягиванию в орбиту немецкого влияния и в конце концов расчлененной и оккупированной Третьим рейхом и его союзниками. В Польше идея славянского единения, если и возрождалась (об этом, в частности, свидетельствовало обращение польского президента Мосыцкого в связи с германской агрессией против его страны), то ни в коем случае не с опорой на Россию, а в борьбе против нее, как одного из двух главных врагов польского народа.

В целом международная ситуация благоприятствовала оживлению славянской идеи, и импульсы, шедшие как бы снизу и находившие поддержку прежде всего в определенных интеллигентских слоях славянской общественности, не могли остаться незамеченными и некоторыми советскими политиками. В частности, весьма интересен пространный документ, обнаруженный в архивном

фонде А. А. Жданова. Это – записка на имя В. М. Молотова (копия – Жданову) "О некоторых вопросах нашей внешней политики", составленная неким В. П. Золотовым². Дата на документе отсутствует, но, исходя из содержания, он, скорее всего был подготовлен до заключения советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. Записка, кроме всего прочего, примечательна тем, что весьма внимательно изучена, судя по отметкам и подчеркиваниям, секретарем ЦК ВКП(б), игравшим немаловажную, хотя, видимо, далеко не решающую роль, если не в формировании, то в формулировании советского внешнеполитического курса: именно им была подписана опубликованная 29 июня 1939 г. в "Правде" статья, предвещавшая возможность резкого поворота во внешней политике СССР. В. П. Золотов доказывал в записке, что главным врагом СССР является не Германия, а Англия, план борьбы с которой следует тщательно разработать, используя для этого и Третий рейх.

Отдельный и значительный раздел записи был озаглавлен "О славянском вопросе". В нем говорилось о необходимости создания советской страной системы союзов в целях укрепления ее международного положения. "Большое заброшенное нами поле возможностей по выращиванию и добыванию себе союзников открывает наше обращение к славянам Европы (подчеркнуто здесь и далее синим карандашом в документе. – В. М.)", – считал автор. Он полагал, что необходимо "активно вмешиваться в борьбу империалистов на Балканах и, взяв на себя инициативу объединения славянских государств, создать преграду для германского и английского проникновения на Балканский полуостров". В. П. Золотов затруднялся определить, "в какой форме и на какой идейной основе возникнет это объединение", но отвергал как "идеи панславизма и славянской федерации Михаила Бакунина", так и "православно-славянские идеи Константина Аксакова". Начинать "свою балканскую и вообще славянскую работу" автор рекомендовал с Болгарией, поскольку "болгарский народ более, чем какой-либо другой из славянских народов связан с русским народом и своим историческим прошлым и своей культурой".

Рассмотренный документ позволяет констатировать, что славянский вопрос попал в поле зрения советской партийной и государственной верхушки. В период активизации балканской политики СССР (вторая половина 1940 г.) начали предприниматься попытки, правда достаточно слабые и, в общем, из-за опасения нару-

шить советско-германский консенсус малозэффективные, использовать идеи славянского единства

Мысль о том, что в советской политике может быть разыграна и "славянская карта", очевидно, не была чужда и Сталину. Об этом свидетельствует, в частности, беседа А. Корнейчука, в то время заместителя наркома иностранных дел СССР, с Э. Бенешем 1 декабря 1943 г. А. Корнейчук тогда поделился воспоминанием об одном из довоенных правительственные приемов в Кремле, на котором он упомянул о славянском вопросе, наперед не зная, как это будет воспринято. По словам Корнейчука, он был удивлен, как Сталин объективно, реалистически и в принципе благожелательно выслушал сказанное им и соответствующим образом реагировал на это³.

К сожалению, автору пока неизвестны документы, прямо свидетельствующие об отношении советской верхушки к славянскому вопросу накануне Великой Отечественной войны, но при дальнейших архивных изысканиях, такие материалы несомненно будут обнаружены.

Таким образом, этап 1939–1941 гг. можно характеризовать, как период реабилитации славянской идеи и робких попыток взять ее на вооружение советской внешней политикой. В это время идея еще как бы витала в воздухе, но не была решительно востребована ни пропагандистски, ни политически. Ее пора тогда еще не пришла. И хотя уже ясно было, перед лицом какой угрозы необходимо единение славянских народов, пока СССР то с большим, то с меньшим успехом, "крепил дружбу" с фашистской Германией, эта идея находилась как бы в резерве, оставаясь в запасниках советской политики.

К тому же, как это ни парадоксально, реанимация идеи славянской общности накладывалась на чрезвычайно неблагоприятный фон практическо-политических взаимоотношений славянских государств и народов. Одновременно действовали как бы две противоположные тенденции: с одной стороны, стремление (пока в умах) к объединению усилий в борьбе с принимавшим все более конкретный облик (фашистская Германия) врагом, с другой – участившиеся межславянские конфликты как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровнях. Важнейшим и крупнейшим среди первых являлось участие СССР наряду с Германией в разделе Польши, восточные области которой (Западные Украина и Белоруссия) были присоединены к соответствующим советским

республикам. Менее крупным конфликтом, но не менее болезненным, был захват Польшей после Мюнхена части чехословацкой территории: Тешинской Силезии и небольших областей на севере Словакии. Болгария вместе с Германией и Италией участвовала в разделе Югославии, оккупировав так называемую Вардарскую Македонию.

Конфликты второго рода обусловливались многонациональным характером таких славянских государств, как Польша, Чехословакия, Югославия. В Польше господствующей польской нации противостояли 8 млн. украинцев и 3 млн. белорусов; в Чехословакии весьма высокой степени напряженности достигли отношения чехов, словаков и карпато-украинцев, что облегчило Гитлеру расчленение страны; в Словакии после создания самостоятельного государства обозначилось четкое противостояние по линии словаки – украинцы, русины; в Югославии резко усилились антисербские настроения в Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговине и т. д., осложнившие еще конфессиональными противоречиями (православные – католики – мусульмане). Таким образом, славянский мир в ту пору вовсе не отличался спокойствием и добрососедством; "славянский котел" кипел, переполненный национальными страстиами и взаимными претензиями.

Отсутствие славянского единства, в частности, констатировал тогда К. Готвальд, считая это, однако, результатом натравливания Гитлером славян друг на друга⁴. В действительности же было наоборот: Гитлер воспользовался межславянскими раздорами для проведения своей политики и решения собственных задач, хотя, конечно, и приложил руку к разжиганию межнациональных страстей. Надо сказать, что обе указанные тенденции – и к сплочению славянских народов, и к их разъединению – действовали в течение всей войны, принимая в различных государствах и в разное время своеобразные конкретные формы.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз идея славянской взаимности была официально извлечена советскими властями на свет и использовалась как пропагандистский инструмент для мобилизации народов на борьбу против агрессоров. Этот период функционирования славянской идеи (1941–1943 гг.) изучен, пожалуй, более всего, поэтому рассмотрим его лишь в общих чертах. Под патронатом и при содействии советских властей 5 октября 1941 г. был создан в Москве Всеславянский комитет, который возглавил генерал-лейтенант А. С. Гундоров и в

котором активно работали представители (коммунисты и сочувствующие им деятели) Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии. В Москве же состоялись и три всеславянских митинга (август 1941 г., апрель 1942 г., май 1943 г.), обратившиеся к славянским народам с призывом объединить усилия для скорейшего разгрома германского фашизма. В оккупированных и порабощенных славянских странах эти материалы распространялись в виде листовок, публиковались подпольной печатью. С лета 1942 г. Всеславянский комитет организовал систематические радиопередачи на славянские страны. Тогда же стал выходить ежемесячный журнал "Славяне". Переписка Комитета свидетельствует, что он активно сотрудничал со славянскими организациями в Англии, США, Канаде, Аргентине, Австралии и т. д.

Пропагандистская деятельность Всеславянского комитета безусловно способствовала объединению усилий славянских народов в борьбе с фашизмом, но ее не стоит ни абсолютизировать, ни переоценивать. Думается, что утверждение о единстве славянского мира в противостоянии нацизму и его подручным в годы войны и после нее было весьма преувеличено. Здесь скорее в пропагандистских целях желаемое выдавалось за действительное. В славянских странах безусловно усилило сопротивление оккупантам и их пособникам⁵, но в их общественной жизни продолжали действовать и тенденции межславянского противостояния, а также сотрудничества с поработителями, различные формы и виды которого (политические, экономические, идеологические, военные и др.) еще предстоит изучить.

Наконец, на завершающем этапе войны идея славянской взаимности из пропагандистско-мобилизационной переходит в практическо-политическую плоскость, что было связано с разработкой доктринальных основ советской внешней политики и планов послевоенного мирного урегулирования.

Каким же виделся славянский вопрос в этот период советским верхам? Об этом можно судить по содержанию длительной беседы А. Корнейчука, курировавшего в Народном комиссариате иностранных дел (НКИД) (1943–1944 гг.) регион Центральной Европы, с Бенешем в Хабанье (британская авиабаза в Ираке) на пути его следования в Москву для подписания советско-чехословацкого договора (декабрь 1943 г.). Бенеш, сам последовательный сторонник идеи славянского единства в целях противодействия Германии, пытался уточнить, как понимается "новая славянская полити-

ка" советским руководством. "Славянскую идею, – считал он, – можно реализовать только в сотрудничестве с Советским Союзом и на основе полного равноправия и независимости славянских народов"⁶. Вместе с тем Бенеш сомневался, искренна ли Москва в проведении славянской политики и намерена ли она взять славянскую идею на вооружение в своей конкретной политической деятельности. Он хотел уяснить также, может ли Сталин, грузин по национальности, понять эту идею так, как сами славяне. В связи с этим Бенеш и поставил три вопроса, на которые хотел бы получить ответ как в ходе беседы с Корнейчуком, так и во время московских встреч с советскими лидерами, – во-первых, останется ли славянский вопрос постоянной составляющей советской внешней политики и в будущем; во-вторых, какие силы в Советском Союзе поддерживают славянскую идею и как относится к ней коммунистическая партия, которая в одночасье может отвергнуть ее по каким-либо идеологическим мотивам и соображениям; в-третьих, понимают ли Stalin и Советский Союз славянскую политику в ее демократическом смысле, т. е. как тесное сотрудничество всех славянских народов на основе полного их равноправия, как идею, не имеющую ничего общего со старой идеей панславизма (при этом он ссылался на польский народ, который после тяжелого опыта прошлого относится недоверчиво к славянской идее).

Корнейчук пристранно ответил на все вопросы, означив высказываемые взгляды как свои личные, но подчеркнув, что "в Москве они одобряются ведущими деятелями". Осудив "идеологические эксцентричности прошлого", Корнейчук заверил Бенеша, что "славянская демократическая народная политика отвечает действительно длительным интересам Советского Союза". Stalin, по словам Корнейчука, "также хорошо знает, что славянский вопрос не иллюзия", он вырос в тесном контакте с русской культурой, его вернейшими соратниками по революции были русские, а учителем – Lenin, не только великий революционер и интернационалист, но и выдающийся представитель русской культуры.

Коснувшись вопроса об опасности для славян в будущем возможной немецкой агрессивности и экспансиизма, Корнейчук подчеркнул, что славянская политика Советского Союза исключительно прогрессивна и демократична, что она не означает распространения некоего нового панруссизма и не имеет ничего общего со старым царским империализмом, так как основывается на полном равноправии всех славянских народов. По мнению Корнейчу-

ка, "славянская идея должна стать основой советской политики, ее центральной проблемой"⁷.

Ответы советского дипломата и видного общественного деятеля, видимо, показались Бенешу исчерпывающими и убедительными; во всяком случае автору настоящей статьи не известны документальные материалы, свидетельствующие о том, что во время переговоров в Москве, связанных с подписанием советско-чехословацкого договора, Э. Бенеш снова вернулся к обсуждению славянского вопроса.

Мысль о "жизненном, положительном значении" пакта "о взаимопомощи между славянскими народами как на время войны с Германией и ее союзниками, так и на послевоенный период", впервые была высказана, пожалуй, в инструкциях, данных руководством НКИД послу СССР при союзных правительствах в Лондоне А. Я. Богомолову для разговора с Бенешем 31 июля 1942 г.⁸ Более подробно эта идея была рассмотрена в пространной записке "Польско-чехословацкая конфедерация", составленной Центральноевропейским отделом НКИД (подписана Н. Новиковым) в октябре 1942 г. "Укрепление отношений между славянскими странами на почве совместного сопротивления гитлеризму, — говорилось в записке, с которой ознакомился и Молотов, — в своем естественном развитии могло бы вылиться в пакт взаимопомощи не только на период нынешней войны против Германии, но и на длительный послевоенный период. Такой пакт сыграл бы огромную роль для ограждения национальной независимости славянских народов Средней Европы..." Подчеркивались выгоды, которые для существования славянских народов представил бы "основанный на взаимопомощи союз славянских стран", а также положительное значение создания "прочной и деятельной системы взаимопомощи между этими народами для устойчивости всей организации послевоенной Европы"⁹.

Советско-чехословацкий договор был первым шагом в реализации указанной идеи и послевоенной внешнеполитической концепции Москвы. Он должен был продемонстрировать всему миру добрые намерения Советского Союза в отношении малых европейских государств вообще и славянских, в особенности. Именно поэтому советское руководство обращало особое внимание на пропаганду заложенных в договоре принципов. Среди направлений работы Советского Информбюро важнейшими стали "всемерное разъяснение славянским народам, что сохранение их свободы и

независимости от немецкой агрессии возможно лишь при постоянном и неразрывном содружестве с народами Советского Союза, призыв славян к вооруженной борьбе против немцев, разъяснение советско-чехословацкого договора для судеб славянских народов". Намечалось "широко разъяснять цели войны Советского Союза и разоблачать измышления о "русской опасности"¹⁰.

Именно в это время, видимо, стала более конкретно прорисовываться идея единения (формы его находились в стадии осмысливания) славянских государств как ядра будущего просоветского блока в Восточной Европе. Эта идея была близка не только советским верхам, но и многим ведущим деятелям славянских стран, а также руководителям их коммунистических партий, которые активно, и, надо сказать, более открыто "разыгрывали эту карту". В этой связи интересно высказывание К. Готвальда по Московскому радио после заключения советско-чехословацкого договора: "Мечты благороднейших мыслителей наших народов осуществились: наша славянская липа опирается на могучий русский, славянский дуб"¹¹.

Кремлевские лидеры были более осторожны в своих официальных заявлениях о возможном союзе славянских государств, опасаясь негативной реакции со стороны западных союзников. В представленном Г. Димитрову Загранбюро КПЧ проекте программы первого правительства Национального фронта чехов и словаков, так называемой Кошицкой программе, прямо употреблялась формулировка "союзные с СССР славянские страны", которая вызвала возражения руководителя Отдела международной информации ЦК ВКП(б) и в итоге была заменена на "остальные славянские государства"¹². Это исключало, по-видимому, толкование данного места программы как возможности складывания в ближайшем будущем некоего блока славянских государств под эгидой Советского Союза.

О том, что опасность такого толкования существовала и что не учитывать ее было нельзя, свидетельствует, в частности, беседа Бенеша с ведущими деятелями Всеславянского комитета в Москве 28 марта 1945 г. Обсуждались проблемы славянского движения и его дальнейшего развития¹³. Бенеш неоднократно подчеркивал мысль, что "Москва должна быть руководящим центром этого движения" и заявил, что, по его мнению, "кроме поляков, все славянские народы придерживаются этой точки зрения". На замечание о том, что "некоторые круги в Англии рассматривают это как славянский

вянский блок и вокруг этого распространяется много всяких легенд", Бенеш сказал: "да, да, вы правы, вы правы". Москва в это время старалась избегать излишних трений со своими западными союзниками и не провоцировать рост их подозрительности относительно намерений Советского Союза "прибрать к рукам" славянские страны.

Планы послевоенного мирного урегулирования прорабатывались в созданных осенью 1943 г. при НКИД СССР трех комиссиях, возглавляемых М. М. Литвиновым (по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства), К. Е. Ворошиловым (по вопросам перемирия) и И. М. Майским (по вопросам reparаций)¹⁴. Комиссиями Майского (в январе 1944 г.) и Литвинова (в ноябре 1944 г.) были представлены обширные записки, в определенной степени отражавшие мысли и идеи, которые вынашивались в ту пору в стенах НКИД. Особенно с точки зрения рассматриваемой проблемы интересна записка Литвинова. Она была написана после состоявшейся в октябре 1944 г. встречи Сталина с Черчиллем, на которой шла речь о разделе сфер влияния между СССР и Великобританией в Юго-Восточной Европе. Пока неясно, было ли это теоретическим обоснованием достигнутых в октябре соглашений, или, наоборот, заложенные в записке идеи послужили импульсом для советского руководителя в деле достижения соглашения.

В записке говорилось, что послевоенное советско-британское сотрудничество осуществимо "на базе полюбовного разграничения сфер безопасности по принципу ближайшего соседства", что своей максимальной сферой интересов Советский Союз может считать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны Балканского полуострова (подчеркнуто мною. – В. М.), а равно и Турцию".

Последующее развитие событий свидетельствовало, что идея раздела сфер влияния по соображениям послевоенной безопасности с учетом необходимости длительного сохранения мира, не была чужда кремлевскому руководству. Реализовать этот замысел на первом этапе предполагалось без публичного акцентирования по линии двусторонних договоренностей СССР со славянскими странами, а также между ними.

Коротко перечислим те дипломатические акции Москвы, которые последовали за советско-чехословацким договором и подтверждали стремление претворить эти намерения в жизнь. В связи с выходом к лету 1944 г. Красной Армии на довоенные советские

границы и вступлением на территорию восточноевропейских государств были заключены соглашения об отношениях советского командования с администрациями соответствующих стран: чехословацкой (5 мая 1944 г.), польской (ПКНО – 21 июля 1944 г.), югославской (НКОЮ – сентябрь 1944 г.). Далее – советская сторона после признания Народной Польши со стороны СССР в январе 1945 г. всячески содействовала (вплоть до прямого нажима, например, на чехословацкое эмигрантское правительство)¹⁵ установлению дипломатических отношений между Польшей – с одной, Чехословакией и Югославией – с другой стороны. Наконец, в самом конце войны были заключены аналогичные советско-чехословацкому договоры СССР с Югославией (11 апреля 1945 г.) и Польшей (21 апреля 1945 г.). Фактически оформившийся на двухсторонней основе союз славянских стран становился цементирующим ядром того блока государств Восточной Европы, которые по первоначальным представлениям должны были составить зону безопасности СССР, но вскоре превратились в зону его безраздельного влияния благодаря установившимся там а-ля советским режимам.

К неудавшимся попыткам со стороны Москвы содействовать объединению славянских стран на формальной основе можно отнести продолжавшееся около года (с апреля 1944 г.) обсуждение вопроса о создании южнославянской федерации или конфедерации, включающей Югославию и Болгарию и опирающейся на Советский Союз¹⁶. С идеей был согласен Сталин, который в ноябре 1944 г. даже считал необходимым ускорить процесс создания федерации. Однако, учитывая наличие серьезных разногласий между Болгарией и Югославией относительно конкретного способа федеративного объединения обоих государств, а также возражения Англии против этого, Сталин решил отложить рассмотрение вопроса на будущее, как и подписание союзного договора между Болгарией и Югославией. Наконец, учитывая, что болгарские, чешские, словацкие, югославские коммунисты в целом поддерживали идею единения славянских народов с опорой на СССР (что касается польской компартии, то тут, видимо, возможны были разногласия, связанные с неоднозначным отношением в Польше к Советскому Союзу) и что они заняли достаточно прочные позиции в только что созданных правительствах народных, национальных фронтов, интересно было бы проследить, какое место заняла эта идея в первых программах указанных правительств. Например, в

упоминавшейся Кошицкой программе славянская линия внешней политики возрожденной Чехословакии нашла достаточно четкое отражение: декларировались союз с СССР и опора на него в решении военных, политических и экономических вопросов; союзнические отношения с новой демократической Польшей на основе "славянского братства"; особо дружественные отношения с новой Югославией, необходимость поисков новых контактов со славянской Болгарией. Говорилось о главной ориентации "чехословацкой внешней политики, проникнутой духом славянской дружбы"¹⁷.

О том, как представлял себе И. В. Сталин осуществление идеи славянской взаимности на практике в послевоенный период дают представление его высказывания во время обеда, устроенного в честь Президента Чехословакии Э. Бенеша 28 марта 1945 г. Один из произнесенных Сталиным тостов был предложен за "новых славянофилов", к которым генералиссимус причислил себя. В отличие от старых славянофилов, которых советский лидер назвал реакционерами за то, что они "выступали за объединение всех славянских народов в одном государстве под эгидой русского народа", новые славянофилы, по его мнению, стоят за "союз независимых славянских государств". Stalin отметил, что и первая, и вторая мировые войны развернулись и шли "на спинах славянских народов" – Чехословакии, Польши, Югославии и Советского Союза. ("Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь"; "Франция не воевала, она впустила немцев в свои пределы"; "Бельгия и Голландия не воевали – они покорно легли перед немцами и подняли лапки кверху"; "Англия – на островах, и ее положение особое", – так характеризовал Stalin позиции стран Западной Европы в войне, подходившей к концу).

Stalin заявил, что хотя он "ненавидит немцев", но вынужден признать, что это "сильный и способный народ", который попытается "возродиться в течение ближайших 15 лет" и "взять реванш". "Чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов", – заметил советский лидер. "Мы, новые славянофилы, – продолжал Stalin, – являемся коммунистами, если хотите – большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так. Когда Красная Армия пришла в Болгарию, то кое-кто пытался там установить советы, но мы сказали, что этого не следует делать. Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй". Обращаясь к Бенешу, Stalin, не отрицая за ним право иметь сомнения на этот счет, пожелал, "чтобы чехословаки поняли, что он говорит искренне и что он говорит то, что думает". Stalin поднял бокал "за союз и

дружбу независимых славянских народов, больших и малых”¹⁸.

Итак, сопряжение идеи славянской взаимности, славянской солидарности с советскими внешнеполитическими концепциями во время второй мировой войны прошло три стадии, для первой из которых были характерны признание за этой идеей права на существование и осознание возможностей ее использования в целях укрепления международного положения СССР; для второй – создание организационной базы ее пропаганды в целях мобилизации славянских народов на борьбу против фашизма и в поддержку СССР; для третьей – перевод идеи в практическую плоскость решения внешнеполитических задач Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горяинов А. Н. Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов: Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Сов. славяноведение. 1990. № 2. С. 78–89; Предисловие // Академическое дело, 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. I. С. IXXIV; Ашнин Ф. Д., Аллатов В. М. “Дело славистов”: 30-е годы. М., 1993; Горяинов А. Н., Петровский Л. П. Тоталитаризм и славяноведение: К изучению источников по истории советской науки 20-начала 50-х годов // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995. С. 255–279.
2. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 77. Оп. I. Д. 895. Л. 1–14.
3. Fierlinger Z. Ve slžebach ČSR. Praha, 1947. D. 2. S. 185.
4. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). М., 1983. Т. 4. Кн. I. С. 149.
5. Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.
6. Fierlinger Z. Op. cit. S. 182.
7. Ibid. S. 182–188.
8. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 13.
9. Там же. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 42–43.
10. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 215. Л. 145–169.
11. ДМИСЧО. Т. 4. Кн. I. С. 399.
12. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082, л. 105–140; Ф. 495. Оп. 74. Д. 557. Л. 41–45; Cestou Května. Dokumenty k počátku m naši narodní a demokratické revoluce. Duben 1945 – květen 1946. Praha, 1975. S. 133.
13. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 52–57.
14. Филатов А. М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–72.
15. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 1–9, 16–23.
16. Гибианский Л. Я. Балканский узел // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 86–108.
17. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 245–246.
18. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. I. Д. 393. Л. 57–59.

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ
И НЕСОСТОЯВШИЙСЯ В МОСКВЕ В 1948 Г.
ПЕРВЫЙ ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Годы Великой Отечественной войны прошли в СССР под знаком возрождения похороненной Октябрем идеи славянской солидарности (традиционные для большевистской доктрины принципы пролетарского интернационализма и классовой борьбы не могли возбуждать необходимые в тот период патриотические чувства и служить объединяющей воюющие народы силой). Целью получившего поддержку властей славянского движения в СССР была активизация всех антифашистских сил – в том числе привлечение для борьбы с фашизмом традиционных (за немногим исключением) союзников России, славянских народов, к 1941 г. в той или иной форме подчиненных Германии и ее сателлитам. На многочисленных митингах и манифестациях, проводимых организованным в Москве в 1941 г. Всеславянским комитетом, в его разнообразных агитационных изданиях звучали главные лозунги "нового славянского движения": укрепление боевого единства славян, борьба с фашизмом во всех его проявлениях за освобождение порабощенных славянских народов¹.

На исходе войны советское руководство, строя планы послевоенного переустройства мира ("мирного урегулирования" по терминологии того времени), т. е. о постепенном включении стран Центральной и Юго-Восточной Европы в сферу своего влияния, не сняло со своего идеологического вооружения идею славянской взаимности, рассчитывая с ее помощью продолжать завоевание симпатий народов славянских стран, освобожденных Красной Армией. В то же время теоретики из Всеславянского комитета в Москве попытались снять противоречие между одновременно входящими в идеологический арсенал партии принципами славянской солидарности и пролетарского интернационализма. В докладной записке председателя Всеславянского комитета генерал-лейтенанта А. С. Гундорова зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову в начале 1943 г. указывалось, что "необходимо разъяснение реакционности панславизма и прогрессивности единства славянских народов в борьбе против гитлеризма, в борь-

бе за национальную независимость славянских государств". При этом "единство славянских народов – это не замыкание их в особый славянский мир, противопоставляющий себя другим народам, единство славянских народов против общего векового злайшего врага славян – пангерманизма и в его новой форме гитлеризма – есть составная часть общего антигитлеровского фронта свободолюбивых народов мира"². На этой теоретической основе А. С. Щербаковым впервые был сформулирован тезис с прогрессивной сущности так называемого нового славянского движения, развитие которого в новых формах предполагалось и после войны. "Славянские народы, – писал он в 1944 г. – сыграли огромную роль в этой войне. Война подходит к концу. Фашистская Германия в ближайшие месяцы будет разбита. Надо подумать о новом славянском движении в послевоенный период и все эти вопросы практики, теории и истории перенести на обсуждение Славянского съезда"³.

Такой съезд был проведен в декабре 1946 г. в Белграде⁴. В своем докладе на нем А. С. Гундоров дал официальное определение "нового славянского движения". По его словам, "в основу нового славянского движения, не имеющего ничего общего ни с русским царским панславизмом, ни с польским, чешским, сербским и болгарским великодержавным шовинистическим стремлением, легли демократическая платформа боевого единства славянских народов, сложившегося в совместной борьбе со всеми свободолюбивыми народами... Новое славянское движение росло и развивалось как антифашистское и демократическое движение", направленное против "реакционных клик славянских стран"⁵.

Целью конгресса Всеславянский комитет в Москве объявил: "подытожить результаты сотрудничества славянских народов по совместной борьбе против гитлеровской Германии и наметить путь укрепления этого сотрудничества для обеспечения ликвидации остатков фашизма, независимого существования славянских государств, демократического развития и помочи в укреплении дружбы всех свободолюбивых народов и мира во всем мире"⁶. Представители славянских стран поддерживали названные положения, особенно подчеркивая необходимость "ликвидации основных очагов фашизма", "оказание взаимной помощи в политической, экономической и культурной областях", развитие демократии и "принцип политической независимости" славянских народов⁷.

Однако истинная подоплека Славянского конгресса в Белграде проявилась в ходе подготовки к нему и была выражена по существу в двух положениях: 1) "без Советского Союза не может быть речи о новом славянском движении" и 2) "в славянских странах на повестку дня поставлен вопрос о социализме"⁸. Иными словами для освоения полученной после раздела с Западом (в результате ряда конференций по мирному урегулированию) сферы своего влияния – стран Центральной и Юго-Восточной Европы – руководство СССР должно было использовать все средства идеологического, политического и экономического воздействия. Среди первых – идея славянской солидарности в облике нового славянского движения – могла сыграть свою роль. Потому уже на Славянском конгрессе в Белграде в докладах и выступлениях советских делегатов осторожно внушалась мысль о гегемонии в регионе освободителя славянских народов – СССР, самой свободной и демократической страны в мире, по примеру которой предстояло строить свою послевоенную жизнь всем странам "новой демократии"⁹.

Вышесказанное можно назвать истинной подоплекой и первого общеславянского съезда ученых-славистов, закамуфлированной, естественно, чисто научными и отчасти общественными интересами. Ход подготовки к конгрессу славяноведов представляет самостоятельный научный интерес, в том числе и с точки зрения реализации идеи славянской солидарности, что и будет предметом настоящей статьи. В будущем автор предполагает проанализировать и сохранившиеся тексты подготовленных к нему докладов.

* * *

Первый послевоенный Славянский конгресс в Белграде в декабре 1946 г. принял резолюцию о созыве в конце 1947 г. съезда ученых-славяноведов. Уже на одном из первых заседаний Президиума Славянского комитета СССР (далее СК СССР), преобразованного из Всеславянского комитета в Москве, 17 марта 1947 г. академик Б. Д. Греков во исполнение указанной резолюции внес в пункт "разное" предложение обсудить вопрос о созыве конгресса славистов, а член Комитета, работник ЦК ВКП(б) Л. С. Баранов считал необходимым посвятить этому вопросу специальное заседание. Оно состоялось 2 апреля 1947 г. Было решено созвать представительное совещание виднейших советских ученых, на котором обсудить план подготовки к Конгрессу¹⁰.

Сохранившаяся стенограмма этого совещания (от 5 апреля 1947 г.) – яркий документ своей эпохи, позволяющий заглянуть за кулисы подготовки съезда славистов и выяснить его истинные цели. Совещание вел член ЦК ВКП(б), ректор ЛГУ А. А. Вознесенский, избранный также вице-председателем Общеславянского комитета в Белграде (далее ОСК). В обсуждении участвовали авторитетные представители советского славяноведения и общественные деятели, сотрудничавшие с СК СССР: В. И. Пичета, Б. Д. Греков, А. С. Гундоров, В. В. Мочалов, Л. С. Баранов, Ф. Т. Константинов, В. С. Молодцов, П. Г. Богатырев, С. Н. Пилипчук, Я. Б. Шмераль, В. Т. Дитякин. А. А. Вознесенский сообщил собравшимся, что в ЦК ВКП(б) была недавно направлена докладная записка за подписями президента АН СССР С. И. Вавилова, председателя СК СССР А. С. Гундорова и его самого "о целесообразности и возможности" созыва международного съезда славистов в Москве. Докладчик откровенно выразил "социальный заказ" съезда, в официальных документах, естественно, закамуфлированный. "Мы хотим устроить, – сказал он, – встречу ученых славянских и может быть неславянских стран не просто ради узкоакадемического интереса... мы хотели бы – это естественно – оказать наше идейное влияние на ученых других стран. Наша идеология и методология... являются (самой. – М. Д.) передовой... Такое идейное влияние, если мы его сможем оказать, будет иметь последствия более значительного порядка. Совершенно естественно, что разработав такой вопрос, имеющий столь большое значение для коренных проблем славяноведения, мы могли бы оказать свою посильную помощь делу идейного воспитания широких кругов славянских стран"¹¹. В этом несколько косноязычном тексте стенограммы несомненно выражено желание организаторов съезда соответствовать установкам партийного руководства и готовность обосновывать притязания СССР на уровне науки выступать в роли проводников политики "советизации" и "коммунизации" славянских стран. Более четко эту задачу сформулировал впоследствии профессор П. Н. Третьяков: "Настала пора создать новое (подчеркнуто авт. – М. Д.) славяноведение, владеющее передовой методологией и теорией, достойное свободных славянских народов, идущих в первых рядах человечества и служащих вдохновляющим примером для других народов мира"¹².

Таким задачам более соответствовала выработанная в СССР модель широкого "исторического" (т. е. более идеологизирован-

ного) понимания предмета славяноведения, чем западная ягическая модель "филологической" (строго научной) трактовки предмета славистики. Исходя из первой модели*, А. А. Вознесенский предложил пригласить на съезд представителей следующих "славистических" специальностей: историков, литературоведов, лингвистов, этнографов, а также юристов (по теме: Юриспруденция славянских стран и СССР), географов, включая геологов (по теме: Изучение производительных сил славянских стран)¹³. Выступавшие в прениях полагали целесообразным расширить число участников съезда, пригласив археологов, фольклористов, антропологов, педагогов, экономистов, философов. Наибольшую дискуссию вызвала возможность участия в славистическом съезде геологов и правоведов. Что касается философов, очень выразителен такой фрагмент обсуждения:

"Греков: Кого пошлют в философскую секцию? (из славянских стран. – М. Д.)

Вознесенский: Количественно могут больше, чем мы.

Греков: Они нашлют такую армию, с которой придется сражаться. Так лучше, может быть, пока это оставить.

Вознесенский: Это меня как раз раззадоривает. Это именно интересно и полезно"¹⁴.

Подводя итоги обсуждения, А. А. Вознесенский предложил сформировать следующие секции, указав ведущих специалистов в данной области: (Нумерация отчасти свидетельствовала о степени приоритетности. – М. Д.).

1) Философская. Иовчук, Кружков, Васецкий.

2) Историческая (включая и археологию). Греков, Пичета, Третьяков.

3) Экономическая (в смысле теоретической экономии). Вознесенский, Островитянов.

4) Филологическая (включая литературоведов и лингвистов). Виноградов, Державин.

5) Правовая. Юшков, Бенедиктов.

6) Географическая. Геологи. Берг.

7) Этнографическая. Богатырев, Толстов"¹⁵.

При обсуждении тематики пленарных заседаний предлагалось

* По определению А. А. Вознесенского, славяноведами надо "считать всех ученых, которые занимаются той или иной проблематикой, связанной со славянскими странами" (ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 21. Л. 3).

выдвинуть одну-три темы, которые были бы поучительны в методологическом отношении для славянских ученых и в которых их советские коллеги могли заявить о своем приоритете, где, по образному выражению ответственного секретаря журнала "Славяне" В. С. Молодцова, "советские ученые могут вправить мозги историкам славянских стран"¹⁶.

В дискуссии известный историк-славист В. И. Пичета, весьма осведомленный в европейской славистике, справедливо указывал, что кадры славистов в СССР невелики, разработка многих проблем находится в зачаточном состоянии. По его словам, "нам нужно будет на съезде славистов скрывать свои слабости. Нужно прямо сказать, что мы сильны своим методом разрешения отдельных вопросов, но, что касается общих знаний литературы славянских народов, мы, несомненно, очень сильно отстали, и нам всем нужно очень много работать, чтобы догнать. Это сможет сделать молодое поколение..."¹⁷ Приоритетными для советской науки были названы темы: Образование славянских государств, этногенез славян, задачи современного славяноведения.

Из предлагавшихся, в конечном счете, оказались отвергнутыми темы: "Исторические связи славянских народов" (П. Г. Богатырев) из-за неразработанности ее в советской науке и, как ни странно, "Влияние Октябрьской революции на историю славян" (С. Н. Пилипчук). Против включения в программу съезда актуализированной в СССР юбилейной датой (30-летием Октября) последней темы, категорически выступил А. А. Вознесенский с примечательной "дипломатической" аргументацией: "Слишком она прямая. Если хотите "всякому овощу свое время" ... Если мы собираем ученых, нам нужны и академические моменты. Мы должны избежать двух крайностей: того, чтобы пустить конгресс по линии голого академизма и чтобы этот конгресс носил только чисто политический характер, чем мы дадим повод для всякой демагогии и свистопляски реакции"¹⁸. Вознесенского поддержал работник ЦК Л. С. Баранов, указывая, что нельзя проводить конгресс в "откровенно агитационно-пропагандистском плане. Нельзя давать такой возможности нашим врагам истолковывать наши цели и намерения превратно"¹⁹.

Для таких опасений члены ЦК имели все основания, так как для Запада политическая подоплека предстоящего съезда была и без того очевидна. Председатель Общеславянского комитета в Белграде Б. Масларич в этой связи летом 1947 г. писал, что "в некоторых

западных странах... пытаются представить эту деятельность прогрессивной славянской науки, как якобы "новое проявление панславизма" ... как съезд подготовки руководящих кадров славянской политики, именуя его как съезд руководителей славян. Искажая термин славяноведения, реакционеры и разбойники пера называют эту отрасль передовой науки как «"руководство славянским миром" (!?)»²⁰.

Проведение съезда славистов намечалось на октябрь-ноябрь 1947 г. Организаторами его были объявлены Общеславянский комитет в Белграде и прежде всего входящий в него СК СССР, а также АН СССР в лице только что созданного Института славяноведения. Оргкомитет по созыву съезда славистов возглавил А. А. Вознесенский. В него вошли также А. Е. Корнейчук, член ОСК, зам. председателя Верховного Совета УССР и М. Т. Иовчук.

Далее началась работа по согласованию тематики съезда, кандидатур докладчиков и пр. на союзном и международном уровне, в тесном взаимодействии с ЦК ВКП(б). Отметим наиболее важные ее моменты.

Решение о созыве съезда славистов СК СССР обсуждалось на II Пленуме ОСК, проходившем 15–18 июня 1947 г. в Варшаве, и было встречено "всеобщим одобрением". Было поддержано предложение А. А. Вознесенского созвать съезд в конце текущего года и включить в состав Оргкомитета представителей от всех славянских стран. Славянские ученые (особенно из Польши) активно обсуждали целесообразность организации отдельных секций и по существу согласились с программой, подготовленной СК СССР. Среди новых были предложенная польским профессором Г. Батовским секция истории культуры с подсекцией истории искусств славянских народов и секция литературоведения и социологии, идею создания которой высказал словацкий профессор Я. Мартак. Последнего поддержал А. А. Вознесенский, предложив однако обсудить проблемы социологии в составе философской секции²¹.

В конце июля СК СССР направил на согласование в ЦК названия основных секций съезда, включив в их список самостоятельную секцию археологии и изменив их приоритетный порядок (историческая, филологическая, этнографическая, археологическая, экономическая, философская, правовая, географическая)²².

Эта программа обсуждалась на совещании 8 августа 1947 г. в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) под руководством Л. С. Баранова. В числе десяти приглашенных были члены Оргкомитета

(А. А. Вознесенский и М. Т. Иовчук), члены СК СССР (А. С. Гундоров и В. В. Мочалов), зам. министра высшего образования (А. М. Самарин), вице-президент АН СССР (В. П. Волгин), министр просвещения РСФСР (А. Г. Калашников), председатель ВОКС (В. С. Кеменов), от управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) С. Г. Суворов и А. Ф. Кузьмин. Было решено включить всех участников совещания, а также директора Института славяноведения АН СССР Б. Д. Грекова в состав советского Оргбюро конгресса славистов. Рекомендовалось обсудить программу и порядок заседаний съезда в институтах АН СССР и ведущих вузах страны, чтобы "определить уже не только тему, но и докладчика, а по некоторым вопросам и направление доклада". Точно так же под бдительным оком ЦК предлагалось "начать подбор участников конгресса и прежде всего оставить всякие разговоры о количестве. Этот вопрос решен – определено 75–100 человек, по нашему мнению, достаточно. Советских ученых в качестве гостей мы можем пригласить сверх этой нормы"²³.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 9 октября 1947 г. был утвержден состав советского Оргбюро по подготовке и проведению в Москве конгресса славистов во главе с А. А. Вознесенским. В специальной директиве указывалось: "Ввиду занятости ученых в связи с началом учебного года и недостатком времени для более тщательной подготовки Конгресса внести предложение о перенесении созыва Конгресса ученых славяноведов на апрель–май 1948 г. с повесткой дня, утвержденной пленумом Общеславянского комитета в Варшаве: "О состоянии и очередных задачах славяноведения"²⁴.

11 октября 1947 г. состоялся III Пленум ОСК в Софии и приуроченное к нему заседание Оргкомитета по созыву Конгресса ученых–славистов. В отчете советской делегации отмечалось, что "Оргкомитетом и Президиумом ОСК были приняты все предложения, с которыми выступила советская делегация", в том числе и о "возможности создания экономической и юридической секций". В докладной записке на имя секретаря ЦК М. А. Суслова от 25 октября 1947 г. политэконом А. А. Вознесенский особенно настойчиво обосновывал необходимость их организации на съезде, считая, что "обсуждение этих вопросов явилось бы основой для определения задач и методологии всех (подчеркнуто мною. – М. Д.) областей славяноведения". В этом случае он не опасался явной "политизации" программы съезда. На первой секции предлагалось

обсудить следующие проблемы: а) экономика современного коммунизма, б) частная и общественная собственность, в) проблемы планирования и регулирования народного хозяйства, г) проблемы индустриализации славянских стран.

Предложенная А. А. Вознесенским тематика докладов секции права – а) роль права в развитии общественных отношений и б) новая народно-демократическая государственность – также несла заряд политической актуальности²⁵.

Резолюция М. А. Суслова по ходатайству А. А. Вознесенского последовала через два дня (27.Х): "Вопрос, поднятый т. Вознесенским, целесообразно решить ближе к конгрессу". И только 23 марта 1948 г. в справке для ЦК было отмечено: "Вопрос о создании экономической и правовой секции Конгресса ученых славяноведов решен положительно, о чем т. Вознесенскому сообщено"²⁶.

30 января 1948 г. состоялся III Пленум СК СССР, обсуждавший в числе других вопросов ход подготовки к Конгрессу славистов. Следует отметить здесь ряд важных моментов. В докладе А. С. Гундорова о деятельности СК СССР появились новые нюансы определения целей и задач славянского движения. Ранее оно объединяло славянские народы в борьбе против германского фашизма, "сейчас обстановка такова, что место немецких империалистов занимают американские империалисты, которые так же, как и Гитлер угрожают независимости славянских стран и их демократическому развитию, которые готовят новую войну против Советского Союза и стран новой демократии..."²⁷. Таким образом, А. С. Гундоров пытался выступить в духе резолюции очередного совещания девяти коммунистических и рабочих партий Европы, состоявшегося осенью 1947 г. в Польше. В докладе А. А. Жданова на нем впервые был выдвинут тезис об "окончательном разделении" мира на два лагеря – империалистический и демократический – и непримиримых противоречиях между ними²⁸. К лагерю "демократии и социализма" секретарь ЦК естественно относил СССР и страны "новой демократии". Поэтому еще одной задачей "нового славянского движения" провозглашалось сотрудничество этих стран и всесторонняя помощь им в построении социалистического общества по образцу СССР. Выступивший на Пленуме А. А. Вознесенский сообщил, что к началу 1948 г. разработана научная и культурная программа съезда, составлена смета расходов по его проведению, уже "выделены и утверждены" все (за исключением одного) докладчики от СССР. Главную задачу этого периода он

видел в обсуждении подготовленных докладов в среде квалифицированных специалистов, чтобы выступить на конгрессе "по основным проблемам дружным единым фронтом. Было бы неправильно, если бы по основным кардинальным, методологическим и принципиальным вопросам по каждой проблеме советские ученые не имели единой точки зрения"²⁹. За единомыслие членов советской делегации выступили также М. Т. Иовчук, А. Е. Корнейчук и С. А. Никитин, выразив определенно суть тогдашнего понимания того, как должны вести себя советские ученые в общении с зарубежными коллегами, еще недостаточно проявившими себя в качестве союзников и единомышленников. Чтобы предстать перед славянскими учеными в роли непогрешимых менторов, по мнению С. А. Никитина, нужно было подвергнуть все доклады двукратному обсуждению: "В первый раз для предварительного выяснения и взаимного согласования своих точек зрения, другой раз с точки зрения определения той диспозиции, которой следует держаться в отношении докладов, которые будут получены и в связи с взглядами и точками зрения, которые будут вам представлены славянскими делегациями"³⁰.

Заботой о том, "как бы нам не оказаться ниже других мастеров" было проникнуто и выступление академика Н. С. Державина, предложившего исключить из программы тему доклада в педагогической секции "О методике преподавания славянских языков", ссылаясь на то, что докладчик по ней, профессор Г. П. Сердюченко, несогласна с методикой преподавания русского языка, выработанной академиком В. В. Виноградовым, а молодые преподаватели славянских языков в СССР еще не накопили достаточного опыта в обучении этому предмету, достойного представления на международном форуме славистов. Н. С. Державин предложил также издавать в ходе конгресса информационный бюллетень для своевременного ознакомления его участников с работой всех секций. Эту идею, поддержанную другими участниками совещания, А. А. Вознесенский обещал обсудить на Оргкомитете³¹.

Очередное заседание Оргкомитета по созыву конгресса ученых-славистов проходило в рамках III Пленума ОСК в Праге 25–26 февраля 1948 г. Было решено окончательно утвердить тему пленарного заседания: "Состояние и задачи современного славяноведения" и докладчиков по ней: от СССР – академика Б. Д. Грекова, от Югославии – академика А. Белича, от Польши – академика Т. Лер-Славинского, от Болгарии – академика Т. Павлова, от

Чехословакии – академика З. Неедлы. Изменились формулировки тем некоторых выступлений (например, тема доклада Е. В. Тарле "Антиславянская политика германского империализма" была расширена и в духе времени названа "Антиславянская политика империалистических держав в период от Версальского мира до второй мировой войны"), а также были предложены новые темы: "Современное экономическое строительство в славянских странах" (по одному докладу от каждой страны), "Вопросы преподавания славянских языков" (в педагогической секции), "Учение академика Н. Я. Марра и его роль в современном языкознании" (академик И. И. Мещанинов) и др.³²

Организаторы конгресса сознательно одобряли те предложения славянских ученых, которые способствовали лучшему ознакомлению их с "образцовой" жизнью в СССР и успехами строительства социализма и потому просили партийные органы поддержать пожелания первых об организации "для участников Конгресса научных докладов по вопросам истории СССР, современной истории международных отношений"³³.

Может быть, больше выдавая желаемое за действительное, А. С. Гундоров в своем отчете в ЦК о поездке в Прагу указывал: "Все считают, что Конгресс должен сыграть большую роль в консолидации всех научных сил и в направлении их деятельности в интересах народов, демократии и строительства социализма в славянских странах. Не только у научных, но и у политических деятелей имеется огромное желание принять участие в работе Конгресса... С большим одобрением встречено сообщение об организации экономической секции Конгресса". Далее характеризовались представленные иностранными учеными доклады по степени их соответствия марксистско-ленинской идеологии. "Эти материалы еще не изучены, но можно считать (подчеркнуто мною. – М. Д.), что многие доклады ученых Польши и Чехословакии (стран менее продвинутых тогда по пути "советизации" и "коммунизации". – М. Д.) будут аполитичны и не будут способствовать марксистской и коммунистической направленности Конгресса (подчеркнуто мною. – М. Д.). Доклады ряда ученых Болгарии и Югославии, наоборот, выделяются стремлением их авторов быть на высоте требований боевой марксистской науки"³⁴.

В решениях III Пленума ОСК содержались рекомендации предварительного обсуждения докладов в Академиях наук и универ-

ситетах каждой славянской страны и их последующего редактирования перед опубликованием в СССР.

Незадолго до назначенного срока созыва конгресса славистов (15 апреля 1948 г.), 27 марта состоялось совещание в ЦК ВКП(б), которое вел А. А. Жданов, один из главных тогдашних партийных идеологов. На встрече присутствовали члены Оргкомитета съезда А. А. Вознесенский, С. В. Кафтанов, В. П. Волгин, А. С. Гундоров, П. Н. Третьяков и члены ЦК – М. А. Суслов и Д. Т. Шепилов³⁵. Это было, так сказать, последнее "отеческое" напутствие партии "своим" ученым, долженствующим ревностно отстаивать ее интересы на международном форуме славистов.

А. А. Вознесенский коротко проинформировал собравшихся о завершающейся подготовке конгресса: утверждена и скорректирована по результатам обсуждений программа, намечены участники из СССР и славянских стран, сформированы секции, готовится выставка книг по славяноведению, которая должна отразить прежде всего успехи развития славистики в СССР с 1917 г. и славянских странах после войны. Всего, по его словам, в секциях предполагается прочтение 90 докладов, из которых авторами 23-х будут ученые из СССР. "Многие из докладов, представленных иностранными учеными, на наш взгляд, слабы (в идеологическом отношении. – М. Д.) и вряд ли есть смысл их публиковать"³⁶.

Заручившись упомянутой выше поддержкой ЦК по вопросу о целесообразности формирования экономической секции с докладами на тему: "Экономическое строительство в славянских странах", А. А. Вознесенский просил утвердить от СССР в качестве докладчика Д. Т. Шепилова.

В заключение А. А. Вознесенский еще раз предельно откровенно выразил истинные цели конгресса славистов: "Мы стремимся обеспечить высокую идеальность и правильную методологию докладов советских ученых, а также выработку единой точки зрения (подчеркнуто мною. – М. Д.) у советских ученых по кардинальным вопросам славяноведения, с тем, чтобы у нас не было разнобоя. Целью конгресса мы ставим – добиться коренного перелома в методологии работ по славяноведению, очистить славяноведение от буржуазных и реакционных теорий"³⁷.

А. А. Жданов выступил с критикой отдельных положений программы съезда, согласованной ранее с другими членами ЦК. Прежде всего он считал нецелесообразным по политico-дипломатическим и идеологическим соображениям организацию работы

экономической секции. Вероятно, в его аргументации можно услышать отголосок прений в ЦК ВКП(б). "Эта тема, — сказал он, — никак не вытекает из задач конгресса. Решение ЦК не определяет, что эта тема должна обсуждаться на конгрессе. Я категорически против. Откуда взялась эта тема? Ведь в славянских странах различная экономика — у нас в СССР социалистический уклад, в славянских странах новой демократии только проблески, элементы социализма, у них нет национализации земли, развивается кулачество, развивается капитализм и в каждой стране в разной степени. Не есть ли это своеобразная "межславянская ограниченность?" Вся постановка вопроса фальшивая и ненаучная. Научно нельзя сказать — "экономика славянских стран". А чем отличается экономика славянских стран от экономики неславянских стран? Что в этой теме от марксистского подхода, есть ли здесь хотя бы грамм марксизма?"³⁸.

По существу по тем же причинам А. А. Жданов выступил против скорректированной темы доклада Е. В. Тарле "Антиславянская политика империалистических держав от Версальского мира до второй мировой войны" (не приняв во внимание, что она была изменена в духе его выступления в Польше в 1947 г.). "Ведь не было, — увержал он, — какой-то единой политики по отношению к славянским странам, была политика по принципу "разделяй и властвуй". Посему он рекомендовал вернуться к первоначальному названию доклада. Во многих соображениях А. А. Жданова нельзя не усмотреть рациональное зерно, ибо, если абстрагироваться от пафоса его борьбы за чистоту марксистского подхода, следует согласиться с тем, что экономика и политика не являются сферами, где следует искать проявления славянской этнической специфики.

Однако и чисто славистическая тема "Общность славянских народов по данным этнографии" не устраивала А. А. Жданова. И не только потому, что докладчик по ней еще не был определен. Он полагал, что раскрытие этой темы может задеть тонкие струны межславянских отношений и спровоцировать обострение национальных противоречий. "На что тут будут акцентировать? Надо ли нам заниматься такими вопросами, как, скажем, вопрос о том, стоят ли галицийские украинцы ближе к великороссам или к западным славянам, какая степень родства между великороссами и украинцами, великороссами и белорусами или нет ли у великороссов примеси татарской крови и т. п. На что тут будут делать упор — на различия в общем или же на самую общность?

Удобно ли, чтобы мы, русские, взяли эту тему и ее скандировали? Пойдут разговоры о "младших братьях" и т. д."³⁹

Рассуждение по разным аспектам доклада Е. В. Тарле, дано А. А. Жданову повод коснуться вопроса о возможных откликах стран Запада на информацию о подготовке к съезду славистов и откровенно высказаться об истинных целях советской политики, направленной на формирование будущего соцлагеря во главе с СССР.

"Мы можем этим дать повод американской пропаганде для обвинения нас в том, что славянство объединяется против США. Могут сказать, что Конгресс (славистов. – М. Д.) есть звено в цепи подготовки славян к столкновению с Америкой. Это, конечно, не значит, что мы фактически не объединяем славян (подчеркнуто мною. – М. Д.), это объединение идет. Но не надо выступать сейчас с этим, пусть пальма первенства в объединении блоков принадлежит самим американцам. США и Англия ищут сейчас всякого повода для того, чтобы обвинить нас в объединении славян против них. Зачем мы будем давать им в руки этот козырь?"⁴⁰

Далее Жданов вполне резонно заметил, что программа конгресса перегружена докладами, получается некая "вермишель", что идет в ущерб качеству их обсуждения, что не нужно насильно приглашать к выступлению по каждой проблеме ученых всех славянских стран. Нельзя не согласиться с его афоризмом: "Конгресс должен быть торжественным маршем корифеев славяноведения, а не жалкими потугами прозелитов и начинающих"⁴¹. В то же время вполне в духе пропаганды своего времени А. А. Жданов выступил против приглашения на конгресс славистов из США, Англии и Франции с характерным обоснованием: "Пусть эти ученые обуздают сначала своих правителей (подчеркнуто мною. – М. Д.) и заслужат честь быть приглашенными Советским Союзом"⁴².

Следствием беседы А. А. Жданова с организаторами съезда славистов, несомненно, стало следующее решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 2.IV.1948 г.: "Утвердить следующие предложения секретариата ЦК ВКП(б) 1) В связи с тем, что доклады большинства делегатов Общеславянского конгресса ученых-славяноведов получены из-за границы с большим запозданием и в целях лучшей подготовки к Конгрессу перенести срок открытия Конгресса на 18 июня 1948 г."⁴³

В оставшееся до конгресса время на уровнях ЦК и СК СССР, а

также ОСК и национальных комитетов согласовывался вопрос о персональном составе участников и гостей съезда. Первоначально среди рекомендованных для приглашения в качестве гостей съезда были известные российские ученые-эмигранты: С. А. Острогорский, А. В. Флоровский, А. Ф. Изюмов, В. Ф. Булгаков, Д. Н. Вергун, Л. В. Копецкий, Н. Ф. Преображенский, А. В. Исаченко и др., а также наиболее авторитетные слависты – филологи: А. Мазон (Франция), О. Брок (Норвегия), Э. Ло-Гатто (Италия), М. Фасмер (Германия), Э. Симмон (США), В. Шмидт (Австрия); историки: Р. У. Ситон-Уотсон, Н. Хилсон, Г. Томсон (Великобритания), Д. Локкер (Голландия), археолог Г. В. Чайлд (Великобритания) и др.⁴⁴ Никого из них не оказалось в согласованном с ЦК ВКП(б) списке гостей съезда, включавшем в себя только 21 человека. Из неславянских стран в результате собирались пригласить только 11 человек, коммунистов или лояльно настроенных к СССР ученых и общественных деятелей. Это Хаджи Хусен Крой (зам. министра народного просвещения Албании, коммунист), Лео Кржицкий (председатель Американского Всеславянского конгресса, прогрессивный деятель), Джорджи Пиринский (отв. секретарь той же организации, коммунист), Ортуати Дьюла (профессор, министр просвещения и культуры Венгрии), Иштван Кнеже (1898, профессор Будапештского университета, руководитель славянского семинара), Ласло Ходрович (1910, преподаватель сербского и хорватского языков в Будапештском университете, участник подготовки русско-венгерского словаря), Яло Калима (1884, профессор славянской филологии Хельсинкского университета), Рейнгольд Траутман (1883, член Саксонской Академии наук, профессор Лейпцигского университета), Вольфганг Штайниц (1905, профессор Берлинского университета, председатель Берлинского общества по изучению культуры Советского Союза, член СЕПГ), Констан Пархон (президент Академии наук Румынии, председатель румыно-советского общества дружбы "АРЛЮС"), Александр Россети (ректор Бухарестского университета). Итак: из Албании – 1, из США – 2, из Венгрии – 3, из Румынии – 2, из Финляндии – 1, из ГДР – 2. Таким образом, неславянские земли были представлены не столько учеными, сколько функционерами науки и культуры стран формируемого СССР блока Восточной Европы. Причем беспартийность в ряде случаев компенсировалась весьма почтенным возрастом приглашенного. За их приезд ходатайствовали, как правило, руководство национальных славянских комитетов славянских стран или совет-

ские послы и администрация в соответствующих странах. (Последние хлопотали за приезд в СССР И. Кнеже, Я. Калимы, Р. Траутмана, В. Штайница, К. Пархона)⁴⁵.

Что касается согласованного с ЦК списка делегатов съезда, то он включал в себя по 25 ученых от Болгарии, Югославии, Польши и Чехословакии и СССР. Это были в основном академики и профессора университетов, многие из которых принимали активное участие в славянском движении своих стран. Примечательно, что в списках делегаций Югославии и Польши было по 10 коммунистов, Чехословакии – 13, Болгарии – 19. Больше всего специалистов не только по истории и филологии своих стран, но и по общеславянским проблемам находилось среди делегатов Чехословакии. Среди них: З. Неедлы, Б. Гавранек, Я. Филип, Я. Айснер, Я. Мацурук, Я. Мукаржовский, Я. Травничек, Ф. Вольман, Б. Матезиус, Е. Паулини, М. Паулова, К. Крейчи и др.⁴⁶ Недаром А. А. Вознесенский докладывал в ЦК о стремлении чехословацких ученых "представить Прагу центром славяноведения", что не устраивало организаторов конгресса в Москве⁴⁷.

В целом предполагалось пригласить на съезд в качестве делегатов и гостей 120–150 иностранных ученых (включая членов ОСК), 150 иногородних и 200 москвичей (включая делегатов конгресса)⁴⁸.

Местом проведения Конгресса был определен Дом Союзов. Делегатов и гостей съезда ожидала большая культурная программа: посещение спектаклей Большого театра и МХАТа и двух концертов, представлявших искусство славянских народов, экскурсии (помимо Москвы) в Киев и Ленинград. К съезду приурочивалась выставка книг по славяноведению. Для участников съезда изготавлялся художественно выполненный металлический значок. Смета расходов по всем статьям проведения съезда составляла немалую сумму – 4027500 рублей⁴⁹.

Несколько слов о последнем варианте программы конгресса славистов. О докладах пленарного заседания уже говорилось. Здесь изменений не произошло. В конце концов были утверждены следующие секции, близкие к современному пониманию специальностей, составляющих предмет славяноведения: истории, филологии (с подсекциями лингвистики и литературоведения), археологии, этнографии и фольклора, педагогики. В каждой из них первым был постановочный доклад о "задачах изучения в славянских странах" данного предмета, с которым должны были выступить

представители всех названных стран. В частности, докладчиками в исторической секции по этой теме были определены: А. Л. Сидоров (СССР), С. Арнольд и Г. Батовский (Польша), Т. Влахов (Болгария), Я. Мацурек (ЧСР), В. Новак (Югославия), в секции филологии: А. Белич (Югославия), Ф. Вольман (ЧСР), К. Выка (Польша), В. Гавранек (ЧСР), Н. С. Державин (СССР), П. Зарев (Болгария), П. Колендинич (Югославия) и др.; в секции археологии: М. Абрамович (Югославия), Д. Димитров (Болгария), И. Костржевский (Польша), П. Н. Третьяков (СССР), Я. Филип (ЧСР); в секции этнографии: Х. Ракарельсин (Болгария), М. Гунич (Югославия), С. Н. Толстов (СССР), Е. Франковский (Польша), К. Хотек (ЧСР); в секции искусствоведения: В. Н. Лазарев (СССР), В. Моде (Польша), Я. Мукаржовский (ЧСР), Ф. Стале (Югославия), К. Цончева (Болгария) и т. д.

Совместное заседание (секций истории, филологии, археологии, этнографии) посвящалось проблеме "Происхождение славянских народов" с постановочным докладом А. Д. Удальцова. Кроме того в секции истории предполагалось обсудить доклады по теме: "Революция 1848 г. и славянские народы" (С. А. Никитин). Доклад Е. В. Тарле был снят.

В подсекции лингвистики была определена тема "Исторические связи и взаимодействие славянских литературных языков" (от СССР – Л. А. Булаховский) и "Диалектологический атлас славянских народов" (Б. А. Ларин). В подсекции литературоведения утверждены темы: "Славянские литературные связи в новое время" (А. И. Белецкий) и "Проблема реализма в славянских литературах" (А. М. Еголин). В секции этнографии и фольклора предполагалось обсуждать темы: "Межславянские связи по данным этнографии" (С. А. Токарев) и "Современный фольклор славянских народов" (П. Г. Богатырев). В секции археологии предлагалась к дискуссии тема "Древнеславянский город" (Б. А. Рыбаков). Секция педагогики должна была заслушать доклады на тему: "Народное образование в славянских странах", "Идейные основы советской педагогики" (И. А. Каиров, президент АПН РСФСР) и "Проблема преподавания славянских языков" (Г. П. Сердюченко). Наконец, в секции искусствоведения были поставлены темы: "Межславянские связи в искусстве" (А. А. Сидоров, К. А. Кузнецов, С. С. Игнатов) и "Проблема реализма в искусстве славянских народов" (академик И. Э. Грабарь)⁵⁰.

Таким образом, накануне съезда его организаторы убрали из программы все темы, которые не удовлетворяли партийные орга-

ны по соображениям несоответствия курсу внешней и внутренней политики СССР, или могли спровоцировать межславянские противоречия. В то же время в программу работы некоторых "неосновных" секций включали темы, которые должны были исподволь вводить славянских ученых в русло проблем советской марксистской науки (например, проблемы реализма в славянском искусстве и литературе). Достаточно политизированными представляются темы секции педагогики, вероятно, потому, что воспитанию молодого поколения в духе идей коммунизма славянские ученые должны были, по мнению организаторов съезда, посвящать главное внимание.

Итак, все было готово к началу съезда. Члены Оргкомитета проделали огромную работу по его всестороннему обеспечению. Под бдительным контролем ЦК ВКП(б) были определены: план проведения конгресса в целом, отбор его делегатов и гостей, формирование секций, тематика докладов на секциях, редактирование текстов докладов и даже культурная программа съезда. В результате партийные идеологи имели основание рассчитывать, что конгресс славистов внесет определенную лепту в "новое славянское движение", идеологически обосновывая направление славянских стран по пути к социализму и сплочение их вокруг СССР. Конгресс славистов должен был помочь в борьбе "за идейную чистоту этого движения, основанного на единственно научной теории Маркса-Ленина-Сталина", способствовать воспитанию "славянских народов в духе национального достоинства, взаимного уважения друг к другу и непримиримой ненависти ко всем фашистам, реакционным и империалистическим группам, разжигающим новую войну и стремящимся к порабощению народов", содействовать укреплению "нерушимой дружбы и доверия к народам Советского Союза – великой социалистической державы, являющейся оплотом мира, равноправия и независимости народов"⁵¹.

Однако 4 июня 1948 г. в ОСК в Белграде и национальные славянские комитеты полетели телеграммы от СК СССР за подписями А. А. Вознесенского и А. С. Гундорова: "В целях обеспечения лучшей подготовки проведению конгресса ученых-славистов вносим предложение перенести конгресс на осень текущего года"⁵², вызвав недоумение руководителей национальных СК⁵³. Причины переноса, а затем и отмены съезда достаточно прозрачны. Они отнюдь не заключались "в низком уровне" перевода и отпечатки докладов иностранных ученых, присланных на съезд, о чем счел

"своим партийным долгом" донести начальнику управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. А. Суслову один из редакторов СК СССР А. В. Тучин еще 18 мая 1948 г. Реакцией на эту записку была детальная проверка "сигнала", в результате которой рекомендовалось "перепечатать текст 7 докладов плохо переведенных или неудовлетворительно напечатанных". О чём М. А. Суслову сообщил зав. отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданов 10 июня 1948 г.⁵⁴.

Несомненно, причиной очередного переноса съезда было обострение межпартийных отношений лидеров ВКП(б) и КПЮ, произошедшее именно в это время. В фонде А. А. Жданова хранится проект резолюции Информбюро "О положении в компартии Югославии", подготовленный им самим и посланный И. В. Сталину. В нем, в частности, говорится: "Информбюро констатирует, что руководство югославской компартии за последнее время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики партии в корне неправильную линию, представляющую отход от основных принципов марксизма-ленинизма. В связи с этим Информбюро одобряет действия ЦК ВКП(б), взявшего на себя инициативу в разоблачении неправильной политики ЦК КПЮ и в первую очередь тт. Тито, Карделя, Джиласа, Ранковича. Информбюро целиком солидаризируется с оценкой положения в югославской компартии, критикой ошибок ЦК КПЮ и политическим анализом этих ошибок, изложенных в письмах ЦК ВКП(б) и ЦК КПЮ от 27 марта, 4 мая и 22 мая 1948 г."⁵⁵ Одобренный Политбюро доклад А. А. Жданова "О положении в компартии Югославии" был прочитан на Совещании Информбюро представителей коммунистических партий Болгарии, Румынии, Венгрии, Польши, СССР, Франции, Чехословакии и Италии, состоявшемся 15–21 июня 1948 г., т. е. как раз в дни предполагаемой работы конгресса славистов. В отсутствие представителей КПЮ участники Совещания единодушно приняли подготовленную заранее А. А. Ждановым и одобренную И. В. Сталиным резолюцию с осуждением "ошибок" КПЮ в деле строительства социализма. Тем самым было положено начало не только многолетнему расколу в рядах возглавляемого СССР коммунистического движения, но и нанесен серьезный удар по так называемому "новому славянскому движению", ибо с этого времени Общеславянский комитет в Белграде во главе с Б. Масларичем практически перестал существовать. Из него были срочно отзваны члены национальных комитетов и ответственный секретарь И. Медведев, забравший с собой, между прочим, и ключи от сейфа с документами ОСК⁵⁶.

"Братья-славяне" поспешили осудить своих "заблудших" товарищей. В частности, болгарская газета "Работническо дело" от

14 июля 1948 г. писала от имени ЦК БКП: "Нерушимое боевое единство и нерушимая боевая дружба славянских народов и неславянских народов с народами великого Советского Союза представляют непоколебимую основу нового славянского движения мирового антиимпериалистического фронта мира, демократии, социализма и прогресса. (Подчеркнуто мною. – М. Д.)*. Наши югославские товарищи, братья и сестры, должны понять и решительно пересмотреть свою деятельность, чтобы быстро, без остатка ликвидировать опасные националистические, антисоветские, антиславянские и антинародные уклоны руководства югославской компартии и югославского Народного фронта"57.

Поскольку диктат Москвы не возымел должного действия на руководство КПЮ, раскол в рядах славянского движения продолжал углубляться⁵⁸. В этой обстановке несомненно советское партийное руководство сочло нецелесообразным проводить не только отложенный съезд славистов, но и готовившийся в октябре-ноябре 1948 г. второй послевоенный Славянский конгресс в Праге. (В дальнейшем, вероятно, будут обнаружены документы, содержащие прямые решения и указания ЦК ВКП(б), подтверждающие этот вывод).

Таким образом, в СССР в очередной раз по политическим мотивам была похоронена идея славянской солидарности в форме "нового славянского движения" и в идеологическом арсенале партийной пропаганды безраздельное господство вновь получили принципы пролетарского интернационализма, которые больше соответствовали задачам объединения вокруг СССР стран ЦЮВЕ с не только славянским населением. Они же служили основой для формирования новой "классовой" теории о противостоянии двух непримиримых идеологических систем (с одной стороны, лагеря "империалистов и поджигателей войны", с другой – "мира демократии и социализма"), по существу доктрины "холодной войны".

* Попытка включения "нового славянского движения" в орбиту формирующейся теории противостояния двух идеологических систем была предпринята и в подготовленном проекте обращения участников съезда "К интеллигенции всего мира" (ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 21. Л. 171–173).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 и др. – Краткий отчет о деятельности Всеславянского комитета за 1943–1947 гг.
2. Там же. Ф. Р–9564. Оп. 1. Д. 342. Л. 1. – Письмо А. С. Гундорова секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову. Начало 1943.
3. Там же. Д. 95. Л. 22. – Материалы совещания работников советской науки, литературы, искусства и печати по вопросу о предстоящем Славянском съезде в Белграде. Декабрь 1946.
4. Досталь М. Ю. Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 128–142.
5. ГАРФ. Ф. Р–9564. Оп. 1. Д. 42. Л. 5 об. – Гундоров А. С. Доклад: Новое славянское движение и задачи славянских организаций. Декабрь 1946.
6. Там же. Л. 101. – Доклады председателя ВСК А. С. Гундорова... 1945–1946.
7. Там же. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 17. Л. 99–100. – Информационный бюллетень Общеславянского комитета. Белград. 1947. № 6–7, 8.
8. Там же. Оп. 1. Д. 95. Л. 25.
9. Досталь М. Ю. Указ. соч. С. 134–141.
10. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 169. Л. 1, 2. – Протоколы заседаний Президиума СК СССР за 1947 г.
11. Там же. Оп. 4. Д. 21. Л. 2. – Протоколы совещания в СК СССР по вопросам о созыве Конгресса славянских ученых от 5 апреля 1947 г.
12. Третьяков П. Н. К созыву общеславянского конгресса ученых-славяноведов // Информационный бюллетень ОСК. Белград. 1948. № 2. – См.: ГАРФ. Ф. 6646. Оп. Оп. 1. Д. 183. Л. 7.
13. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 21. Л. 3.
14. Там же. Л. 38.
15. Там же.
16. Там же. Л. 35.
17. Там же. Л. 26.
18. Там же. Л. 15, 17–18.
19. Там же. Л. 21.
20. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 17. Л. 54.
21. Там же. Д. 192. Л. 64, 67. – Протокол II Пленума ОСК в Варшаве 15–18 июня 1947 г.
22. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 242. Л. 64. – План проведения Конгресса славянских ученых в Москве в декабре 1947 г.
23. Там же. Л. 85. – Замечания Баранова А. С. к мероприятиям по подготовке к Конгрессу ученых славистов. 8.8.1947.
24. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2196. Л. 60, 112. Автор настоящей статьи выражает признательность Т. В. Волокитиной за предоставленную возможность ознакомиться с этим документом, а также документом, указанным в прим. 43.
25. Там же. Оп. 128. Д. 242. Л. 125, 125 об.
26. Там же. Л. 126, 127.
27. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 170. Л. 4. – Стенограмма заседания III Пленума СК СССР 30 января 1948 г.
28. Жданов А. О международном положении. Информационное совещание некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1947. С. 13–48.
29. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 170. Л. 25.
30. Там же. Л. 45.

31. Там же. Л. 35–37, 55.
32. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 496. Л. 73. – Отчет о III Пленуме ОСК и поездке советских ученых в Чехословакию с 28 февраля по 12 марта 1948 г.
33. Там же. Л. 58.
34. Там же. Л. 57–58.
35. Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 990. Л. 2. – Запись беседы А. А. Жданова в ЦК ВКП(б) с организаторами конгресса ученых-славяноведов и др. организационным вопросом... 27 марта 1948 г.
36. Там же.
37. Там же. Л. 3–4.
38. Там же. Л. 6.
39. Там же. Л. 5–6.
40. Там же. Л. 6.
41. Там же. Л. 5.
42. Там же. Л. 7.
43. Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1070. Л. 5.
44. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 21. Л. 180–184. – Список иностранных ученых, рекомендуемых для приглашения на конгресс ученых-славяноведов в качестве гостей.
45. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 496. Л. 107–108. – Список иностранных ученых и славянских деятелей, приглашаемых в СССР на I Общеславянский конгресс ученых-славистов в качестве гостей.
46. Там же. Л. 87–94. – Список иностранных делегатов первого общеславянского конгресса ученых-славистов в Москве в апреле 1948 г.
47. Там же. Л. 58.
48. Там же. Д. 242. Л. 61.
49. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 4. Д. 21. Л. 197–199. – Смета расходов по проведению Славянского конгресса ученых 15 апреля 1948 г. в Москве.
50. Там же. Л. 193–196.
51. Там же. Оп. 1. Д. 170. Л. 20.
52. Там же. Д. 203. Л. 16.
53. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 617. Л. 255, 255 об.
54. Там же. Л. 220, 221.
55. Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 104. Л. 2.
56. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 203. Л. 50, 53.
57. Там же. Л. 45.
58. Подробнее см.: Волков В. К., Гибианский Л. Я. Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современности // Вопросы истории. 1988. № 7; Советско-югославский конфликт. 1848–1953 гг. Причины, развитие, последствия и уроки // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 3; Аникеев А. С. Югославия в европейской политике великих держав в годы "холодной войны" (конец 40-х – начало 50-х годов) // Славяноведение. 1992. № 5.

ИДЕЯ ОБЩНОСТИ СЛАВЯН В МАТЕРИАЛАХ ВСЕСЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА В МОСКВЕ

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) среди большого числа архивных фондов, представляющих интерес для славистов, хранится фонд Всеславянского комитета СССР – общественной организации, созданной в Москве в октябре 1941 г. при участии ряда находившихся тогда в Советском Союзе политических, общественных и культурных деятелей зарубежных славянских стран. Ниже сделана попытка обратить внимание исследователей на ряд материалов этого фонда, важных для понимания подходов комитета к идее славянского единства в условиях войны Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков. В обзоре использованы также некоторые материалы архива З. Неедлы, находящиеся в Праге.

Материалы фонда свидетельствуют, что Всеславянский комитет смог приступить к практической деятельности лишь весной 1942 г. Первым проведенным им мероприятием стал Второй радиомитинг, состоявшийся в апреле 1942 г. (Первый прошел 10–11 августа 1941 г.; тогда в эфире прозвучали выступления в поддержку национальной независимости и самостоятельности славянских государств и было принято "Обращение к братьям угнетенным славянам"). Участники Второго митинга объявили о необходимости сближения и дальнейшего сплочения славян. Всеславянский комитет считал, что славянские народы "порабощались вследствие разобщенности, побеждали при объединении"¹. Вместе с тем, комитет вынужден был в своей работе учитывать негативное отношение зарубежных союзников России к интерпретациям "славянской идеи" с позиций советского гегемонизма. "Англо-американская публика боится панславизма", – констатировалось в "Приложении к отчету о работе Всеславянского комитета за восемь месяцев 1943 г."² Изучая указанные тенденции, комитет собрал материал о "новом панславизме"³. Противодействовать им он пытался с помощью распространения материалов, освещавших проблемы истории и культуры славян.

С целью пропаганды идей, положенных в основу деятельности

Всеславянского комитета, в 1942 г. был создан журнал "Славяне". В первом номере редакция провозгласила, что новое издание будет "освещать славные страницы исторического прошлого славянских народов в их национально-освободительной борьбе с насильниками национальной свободы, культуры и независимости, освещать вклад славянских народов в культуру всего человечества"⁴. Комитет разработал тематику статей для журнала, а также для других органов печати и передач на радио, в которой было три круга вопросов. Первый – "Вековая борьба славянских народов с германской агрессией" – имел непосредственное отношение к объединению славян во имя восстановления попранной независимости. Второй – "Связи славянских народов между собой" – включал все межславянские связи, причем соответствующие материалы должны были убеждать в традиционности этих связей с древнейших времен. Третий – "Славянские деятели (борцы за объединение славянских народов)" – предусматривал создание очерков о людях, сохранившихся в народной памяти в качестве национальных героев и об их делах, прославивших славян⁵. Все темы являлись историческими: победы объединенных сил славян показывались на протяжении веков, связи славян (проявлявшиеся главным образом в области культуры) прослеживались от древности до новейшего времени, их национальные герои рассматривались в исторической перспективе.

Международные связи Всеславянского комитета выражались прежде всего в подготовке материалов для публикации в изданиях, выходивших на славянских языках в союзных с СССР или нейтральных странах. Особенно много запросов на подобные материалы поступало из Англии⁶. С ее прессой у Всеславянского комитета установились наиболее тесные связи, что было очень важно, так как способствовало деятельности комитета не только в Англии, но и в других странах, поскольку Британские острова в военные годы играли роль важнейшего центра эмиграции из оккупированных славянских стран.

Получая материалы для распространения, соответствующие редакции в свою очередь обращались во Всеславянский комитет с откликами и пожеланиями. "Нуждаемся, – писали, например, в комитет из Англии, – в статьях, которые показали бы, что единственной опорой против "Дранг нах Остен" является всеславянское объединение"⁷. В других письмах от английских корреспондентов выражалось пожелание, что "основной генеральной линией должна

быть пропаганда (распространение) всеславянской идеи, но косвенным, не непосредственным путем"⁸, "предпочтительнее стремление показать фактами и примерами из прошлого и настоящего, что выигрывает Европа благодаря единству славянских народов, какой вклад в дело достижения европейского мира, процветания, прогресса и культуры был ими сделан и может быть сделан в будущем..."⁹. Из Буэнос-Айреса просили исторические статьи и вообще все, что способствует объединению славян путем мирного сотрудничества славянских народов¹⁰. В этой связи зарубежные журналисты писали о желательности подготовки статей с фактами из области культурных связей, снимавшими обвинения в "славянской экспансии". Пойдя навстречу этим предложениям, Всеславянский комитет запланировал подготовку материалов по вопросам литературы и искусства, в том числе об А. С. Пушкине, Ф. М. Достоевском¹¹. Была заказана статья о славянском театре, создан цикл статей о Л. Н. Толстом. Секциям комитета рекомендовалось обратить внимание на историческую тематику¹² и "углубленную разработку проблем славянской общности"¹³. Для Англии была написана статья "Славянские мотивы в творчестве Пушкина"¹⁴, там же появилась статья В. Гроссмана¹⁵.

Статьи по культурно-исторической проблематике требовали специальных знаний; предназначенные для зарубежного читателя, они должны были быть совершенными по форме. Поэтому для написания статей комитет приглашал крупных ученых, известных писателей, других видных специалистов. Одним из первых осенью 1942 г. направил в комитет статью "Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки" академик В. И. Вернадский¹⁶. Н. К. Рерих прислал из Индии статьи "Славяне" и "Листы дневника" с сокровенными мыслями о славянском мире¹⁷.

Академики А. А. Богомолец, Н. С. Державин, П. Л. Капица, З. Неедлы и другие обращались по радио к славянским народам. Подобные же выступления подготовили и крупнейшие российские писатели. Образное слово увеличивало их воздействие и, например, обращение А. Н. Толстого к чешскому народу "Где ты, золотая Прага?" произвело такое сильное впечатление, что была получена просьба передать его еще раз¹⁸. Обращения были небольшими по объему. Они транслировались на славянские страны через отечественные радиостанции и по каналам Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си). После войны были найдены

свидетельства о том, что передачи Всеславянского комитета пользовались в оккупированных гитлеровцами странах популярностью и их содержание передавалось из уст в уста¹⁹.

Активно освещалась в материалах Всеславянского комитета тема сопротивления славян немецкому "Дранг нах Остен". В журнале "Славяне" по этим вопросам выступили Н. С. Державин, А. М. Селищев, В. Н. Перцев²⁰. Особое значение придавалось Грюнвальдской битве, в которой победили объединенные силы славянских народов. О ней писал Н. С. Державин в статье "Разгром немецких псов-рыцарей под Грюнвальдом и Танненбергом 15 июля 1410 г." (в соавторстве с Ф. Т. Константиновым)²¹, а З. Неедлы выступил по радио с передачей об участии в этой битве чехов²². Следует отметить также статью К. Демидова о гениальных русских полководцах Александре Невском, А. В. Суворове, М. И. Кутузове²³. "Очень благодарим", – телеграфировали, получив эту статью, зарубежные журналисты. За рубежом материалы о сопротивлении немецкому "натиску на восток" широко распространялись среди читателей и слушателей, помогая им узнать, что для успешного отпора захватчикам славян необходимо их объединение. Эти материалы способствовали укреплению в общественном мнении убеждения, что врага можно победить. Такое мнение было выражено и еще раз обосновано Н. С. Державиным в статье "Сила славян в их единстве"²⁴.

Близость славянских народов на всем протяжении их истории была темой обращения З. Неедлы, в котором подчеркивалась традиционность связей славян. В нем приведены факты о том, как в глубокой древности славяне образовали первые государства, как они вместе переживали периоды их подъема и упадка, как теряли государственность и сумели возродить ее.

А. А. Богомолец выступил с обращением "Не дадим уничтожить славянскую культуру!"²⁵. Он приводил факты, свидетельствующие о вкладе славян в прогресс европейской цивилизации, данные о славянской письменности, языках, литературе. В разных аспектах указанные темы нашли отражение на страницах журнала "Славяне" в статьях А. М. Селищева, Н. К. Гудзия, С. С. Игнатовой²⁶. Чтобы на примерах и фактах показать, в чем проявлялась этническая близость и традиционные связи славян, З. Неедлы обратился к сюжетам, имеющим общеславянское историко-культурное значение. Он рассказал по радио о Кирилле и Мефодии, о возрождении славянских языков, о роли россиян в славянском

национальном возрождении, подготовил специальные передачи о необходимости создания всеславянской библиотеки, о связях чехов и русских, поляков и других славян²⁷, об отношении к этим народам Л. Н. Толстого²⁸, написал статью "Исторические связи славянских народов"²⁹.

Большое внимание в материалах Всеславянского комитета уделялось словацкому народу. Ученые, обращались к фактам его истории и культуры, раскрывали связи словаков с другими славянами. С обращениями к словацкому народу выступили П. Л. Капица и Н. С. Державин³⁰. Вопросу о месте словаков среди славян была посвящена радиопередача З. Неедлы "Словакия – колыбель славянской мысли"³¹. В передаче "Коллар и Шафарик" приводились факты о том вкладе, который эти знаменитые словаки внесли в дело объединения славянских народов³². Передачи о деятельности словаков в Пражском университете и словацких мотивах в чешской живописи напоминали о традиционных связях чехов и словаков³³. Разрабатывались также темы "Словацкая матица", "Дружба чехов и словаков"³⁴, "Словаки и русские во время национального возрождения словаков"³⁵. З. Неедлы много раз выступал по радио с беседами о русско-словацких связях (передачи "Словаки и русские", "Россия и словацкое возрождение", "Ян Коллар и русская народная война 1812 г.", "Словаки и Ясная Поляна"³⁶ и др.). Он написал для журнала "Славяне" статьи "Идеолог и певец взаимности: (К 150-летию со дня рождения великого словацкого поэта Я. Коллара)" и "Традиционная любовь словаков к русским"³⁷. Написал статью о Яне Колларе³⁸ и рассказал о нем по радио также писатель А. Фадеев.

Обращения, статьи в журнале, радиопередачи создавали общественное мнение по словацкому вопросу, помогали словакам осознать свое место в истории славян, увидеть в единении с ними свое будущее. Позиция Всеславянского комитета по вопросу о Словакии вызвала интерес в Англии. Оттуда были получены запросы на статью "Словакия и славяне" и другие материалы по данной проблематике³⁹.

Деятельность Всеславянского комитета в области пропаганды славянской истории и культуры, участие в ней видных ученых сближали комитет с научными кругами. Его сотрудники постоянно интересовались работой Славянской комиссии и сектора славяноведения Института истории АН СССР, славянских кафедр Московского университета⁴⁰, выставочной и библиографической рабо-

той по славянским странам Исторической библиотеки в Москве⁴¹. Комитет проводил встречи со студентами-славистами, в его активе состояли аспиранты славистических научных и учебных центров В. Д. Королюк, Г. Э. Санчук и др.⁴² Канадские ученые прислали в адрес комитета информацию о программе развития в своей стране славяноведения, в которой предусматривалось расширение преподавания и координация изучения славистических дисциплин, поощрение наиболее способных студентов, а также выражалась готовность организовать обмен учащимися⁴³.

Работа над статьями и выступлениями по заданию Всеславянского комитета принесла известность ряду их авторов. Благодарность коллег из Англии заслужили Н. С. Державин, В. И. Пичета, А. Н. Толстой, К. Демидов. В отчетах комитета отмечены также А. М. Селищев и В. Н. Перцев⁴⁴.

В заключение необходимо отметить, что в фонде Всеславянского комитета есть упоминания о некоторых материалах комитета, которые даже не названы и которых в архиве нет. Имеются, например, сведения о том, что в Англию и Америку с мая 1942 г. регулярно посыпались статьи В. И. Пичеты⁴⁵, что в США в литературном приложении к неизвестному нам изданию была напечатана статья З. Неедлы⁴⁶, что для радио по заданиям комитета работал Б. Д. Греков⁴⁷, что в радиопередачах выступали А. М. Селищев и В. Н. Перцев. Об известности в Северной и Южной Америке военной публицистики и других произведений А. Н. Толстого свидетельствует просьба из Канады о присылке его статьи, пересылка статей о писателе в США, соболезнования по случаю его смерти, полученные из Чили.

Подводя итоги, отметим, что документальные материалы Всеславянского комитета пропагандировали идеи общности славян преимущественно через раскрытие сходства их исторических судеб, близости культур, наличия тесных межславянских связей. Распространение знаний о славянской истории и культуре способствовало росту интереса к славянским народам, развитию славяноведения и установлению связей отечественных и зарубежных славистических центров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 53. Л. 6.
2. Там же. Д. 36. Л. 24–25.
3. Там же. Д. 53. Л. 4.
4. Славяне. 1942. № 1. С. 3.
5. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 1. Д. 27. Л. 92.

6. Там же. Д. 45. Л. 8.
7. Там же. Д. 36. Л. 24.
8. Там же. Д. 24. Л. 24.
9. Там же. Л. 24–25.
10. Там же. Оп. 2. Д. 18. Л. 85.
11. Там же. Оп. I. Д. 36. Л. 25.
12. Там же. Д. 24. Л. 6, 9, 10.
13. Славяне. 1943. № 2. С. 37.
14. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. I. Д. 27. Л. 96.
15. Там же. Д. 45. Л. 16.
16. Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 98.
17. Там же. Оп. I. Д. 69. Л. 183–186.
18. Там же. Д. 31.
19. См. воспоминания З. К. Новгородова, записанные студентами МГУ 25 октября 1968 г.
20. Державин Н. С. Ледовое побоище // Славяне. 1942. № 1; Он же. Немецкие захватчики – вековые враги славянских народов // Там же. 1943. № 9; Селищев А. М. Извечная борьба славян против немецких варваров // Там же. 1942. № 4; Перцев В. Н. Фашизм и средневековье // Там же. 1942. № 2; Он же. Древняя Пруссия и агрессивное пруссачество // Там же. 1943. № 9.
21. Славяне. 1942. № 2. С. 38–42.
22. Рукописи выступлений З. Неедлы по Московскому радио хранятся в Кабинете З. Неедлы Чешской Академии наук в Праге; данное выступление см.: KZN ČAV. 5 III гкр. № 58, 63.
23. Демидов К. Военный гений русского народа // Славяне. 1942. № 4.
24. Славяне. 1943. № 5.
25. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. I. Д. 26. Л. 37.
26. Селищев А. М. Культура западных и южных славян и ее вклад в мировую культуру // Славяне. 1943. № 3; Гудзий Н. К. Мировое значение русской литературы // Там же; Игнатов С. С. Театральное искусство западных и южных славян // Там же. № 7.
27. KZN ČAV. 5 III гкр. № 84, 85, 182, 214, 318.
28. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. I. Д. 27. Л. 30.
29. Там же. Л. 97.
30. Там же. Л. 4, 5, 8, 9, 11.
31. KZN ČAV. 5 III гкр. № 107, 115.
32. Там же. № 64, 73.
33. Там же. № 86, 87, 97, 98.
34. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. I. Д. 27. Л. 114.
35. Там же. Л. 14.
36. KZN ČAV. 5 III гкр. № 82, 95, 102, 103, 105, 110–113.
37. Славяне. 1943. № 8; Там же. 1942. № 3.
38. Там же. 1943. № 8.
39. ГАРФ. Ф. 6646. Оп. I. Д. 45. Л. 54.
40. Там же. Д. 28. Л. 49.
41. Там же. Л. 45–46.
42. Там же. Д. 12. Л. 6; Д. 24. Л. 28.
43. Там же. Д. 84. Л. 145, 147–149.
44. Там же. Д. 28. Л. 22.
45. Там же. Д. 98. Л. 73.
46. Там же. Д. 15. Л. 5.
47. Там же. Д. 4. Л. 48; Д. 29. Л. 71; Д. 98. Л. 173, 207.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.	3
О. А. Акимова, Г. П. Мельников. Идея славянской общности в представлениях чехов и хорватов эпохи Средневековья	5
И. И. Лепшиловская. Идеи общности славян в культурах славянских народов (конец XVIII – первая половина XIX в.)	20
И. В. Чуркина. Идеи югославизма в Габсбургской монархии в конце XVIII – первой половине XIX в.	43
Джонг Хи-Сок. Идея славянского единства в мировоззрении Ф. И. Тютчева	55
И. Г. Воробьева. Некоторые источники обоснования идеи славянского единства в русской историографии	70
Н. И. Хитрова. П. А. Ровинский об идее славянской взаимности	78
В. М. Хевролина. Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70 – середина 90-х годов XIX в.)	90
С. М. Фалькович. Концепции славянского единства в польской и русской общественной мысли (Эпоха национально-освободительных восстаний)	107
Л. П. Лаптева. В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков	118
З. С. Ненашева. Словацкий вопрос в контексте национальных движений Венгрии в конце XIX – начале XX в. (По материалам российских дипломатических служб)	130
Е. Ф. Фирсов. Словацко-русское общество памяти Людовита Штура в России и идея славянского единства	152
В. В. Марьина. Славянская идея в годы второй мировой войны (К вопросу о политической функции)	169
М. Ю. Досталь. Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. Первый общеславянский конгресс ученых-славистов	182
Б. М. Руколь. Идея общности славян в материалах Всеславянского комитета в Москве	204

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС: ВЕХИ ИСТОРИИ

Сборник статей

Ответственный редактор
М.Ю.Досталь

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 05.06 1997 г. Печ. л. 13,25. Уч.-из. л. 13,25
Тираж 300 экз. Заказ № 114.
Цена договорная

Типография ГПТК «Логос» ВОС 129164 Москва. Маломосковская,8

